

ноябрь – декабрь
6 (116) 2023 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	6	РЕМИЗОВ В. А., САДОВСКАЯ В. С., РЕМИЗОВ О. В.
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОСТИ
В ПРОЕКЦИИ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
	12	КОТ Ю. В.
ОСНОВЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
И ДУХОВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ
КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
	24	КОВАЛЕНКО Т. В., ЗИНОВЬЕВА Н. Б., САРКИСОВА Е. Г.
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ
	37	ПРОКУДИНА Д. А., ПРОКУДИНА Е. К.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ПАРКОВ
НА БАЗЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
ПРОШЛОГО (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)
	47	ЛУПИНА Е. А.
ПАРКИ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА 1920–1930-х
ГОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
ЭСТЕТИКА
И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА	53	ТЮРИН К. А.
СЕМЬЯ И «КУЛЬТУРА СЕМЕЙНОСТИ»:
ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
	65	АЗАРОВА Т. В.
НОМО FESTUS: «ЧЕЛОВЕК ПРАЗДНУЮЩИЙ» КАК
ОБРАЗ ДЕЯТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ
ПРАЗДНИЧНОЙ ТРАДИЦИИ ИТАЛИИ
	76	МОРЕВА О. В., ОВЧИННИКОВА О. А.
«СОЧИНЕНИЯ НЕБЛАГОМЫСЛЯЩИХ»
В РУКОПИСНОМ КАТАЛОГЕ БИБЛИОТЕКИ
ИРКУТСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
	86	ЗАГУЛЯЕВА З. А.
ОБРАЗ ЗАКРЫТОГО ГОРОДА В ЛОКАЛЬНОЙ
ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОЗЕРСКА)

**ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

- 97 ХРИСТИДИС Т. В.**
РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
- 107 ЮДИНА А. И., ГРИГОРЬЕВА А. В.**
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ
БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
- 114 ГОРЛОВА Н. И.**
УЧАСТИЕ ВОЛОНТЕРОВ В РАБОТЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

**БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ**

- 122 ШРАЙБЕРГ Я. Л., ТАРАСОВ П. К.**
К ВОПРОСУ О ПРОГНОЗИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННЫХ БИБЛИОТЕК КАК ФОРПОСТОВ
БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ БУДУЩЕГО
- 129 МАЗУРИЦКИЙ А. М.**
ДЕНАЦИФИКАЦИЯ БИБЛИОТЕК НАЦИСТСКОЙ
ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
- 138 ГЕНДИНА Н. И., КОСОЛАПОВА Е. В.**
ЭБС В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА КУЛЬТУРЫ:
РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
- 151 ДИНЕР Е. В., ОВЧИННИКОВА С. О.**
АНАЛИЗ КНИГОВЕДЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ
К ЭЛЕКТРОННОМУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ РЕСУРСУ
- 160 СЛАДКОВА О. Б.**
ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СРЕДЫ ВУЗА В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ
- 168 МАШКАРА А. Д.**
НЕЙМИНГ В БИБЛИОТЕКАХ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ
- 180 ЮДИНА И. Г.**
УЧАСТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ БИБЛИОТЕК
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ STEM

РЕЦЕНЗИИ

- 190 ВОЛОБУЕВ В. А.**
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: НЕЖЕНЕЦ Н. И., НЕЖЕНЕЦ
И. Н. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВВ.,
МОСКВА: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР МГИК, 2023. 578 С.)

November – December
6 (116) 2023
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THEORY AND HISTORY OF CULTURE** **6** **REMIZOV V. A., SADOVSKAYA V. S., REMIZOV O. V.**
CULTURAL-CIVILIZATIONAL MODELS OF MODERNITY
IN THE PROJECTION OF FACTORS OF ITS RESOLUTION
- 12** **KOT YU. V.**
FUNDAMENTALS OF HISTORICAL, CULTURAL AND SPIRITUAL
FEATURES OF THE RUSSIAN WORLD IN THE CONTEXT OF THE
CONCEPT OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION
- 24** **KOVALENKO T. V., ZINOVIEVA N. B., SARKISOVA E. G.**
CULTURAL POLICY OF THE REGIONS OF THE SOUTH
OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE: EXPERIENCE
OF A COMPREHENSIVE STUDY OF REGIONAL STRATEGIES
- 37** **PROKUDINA D. A., PROKUDINA E. K.**
SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF CREATING PARKS
BASED ON THE INDUSTRIAL INFRASTRUCTURE
OF THE PAST (FOREIGN EXPERIENCE)
- 47** **LUPINA E. A.**
PARKS OF CULTURE AND RECREATION OF THE 1920s AND 1930s
IN THE POLITICAL AND ARTISTIC SPACE OF THE SOVIET ERA
- 53** **TYURIN K. A.**
FAMILY AND THE "CULTURE OF FAMILISM":
TRADITION AND MODERNITY
- AESTHETICS AND ART CULTURE** **65** **AZAROVA T. V.**
HOMO FESTUS: «MAN CELEBRATING» AS AN IMAGE OF ACTIVE
CREATIVITY IN THE CONTEXT OF ITALIAN HOLIDAY TRADITION
- 76** **MOREVA O. V., OVCHINNIKOVA O. A.**
«WORKS OF FORBIDDEN WRITERS»
IN THE HANDWRITTEN CATALOG OF THE LIBRARY
OF THE IRKUTSK THEOLOGICAL SEMINARY
- 86** **ZAGULYAEVA Z. A.**
THE IMAGE OF A CLOSED CITY IN LOCAL POETRY
(ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF OZERSK)

**PEDAGOGY AND
EDUCATION IN THE
FIELD OF CULTURE**

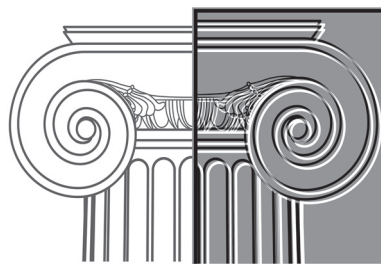
- 97 KHRISTIDIS T. V.**
DEVELOPMENT OF MOTIVATION FOR PROFESSIONAL
ACTIVITY: EXPERIENCE OF TEACHING PRACTICE
- 107 YUDINA A. I., GRIGORIEVA A. V.**
PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF
MOTIVATION FOR SAFE BEHAVIOR OF YOUNG PROFESSIONALS
- 114 GORLOVA N. I.**
PARTICIPATION OF VOLUNTEERS IN THE WORK OF NON-
PROFIT ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF PROTECTION OF
OBJECTS OF HISTORICAL HERITAGE OF GREAT BRITAIN

**LIBRARY SCIENCE,
BIBLIOGRAPHY
AND BOOK STUDIES**

- 122 SHRAIBERG Y. L., TARASOV P. K.**
ON THE QUESTION OF FORECASTING THE
DEVELOPMENT OF MODERN LIBRARIES AS OUTPOSTS
OF THE LIBRARY SYSTEM OF THE FUTURE
- 129 MAZURITSKY A. M.**
DENAZIFICATION OF NAZI GERMANY LIBRARIES IN THE
CONTEXT OF MODERN SOCIO-POLITICAL REALITIES
- 138 GENDINA N. I., KOSOLAPOVA E. V.**
ELECTRONIC LIBRARY SYSTEMS IN THE MODERN
EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A CULTURAL
UNIVERSITY: RESULTS OF A COMPARATIVE ANALYSIS
- 151 DINER E. V., OVCHINNIKOVA S. O.**
ANALYSIS OF BOOK STUDIES REQUIREMENTS
FOR ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCE
- 160 SLADKOVA O. B.**
INFORMATION COMPONENT OF UNIVERSITY
ENVIRONMENT IN STUDENTS REPRESENTATION
- 168 MASHKARA A. D.**
NAMING IN NEXT GENERATION LIBRARIES
- 180 YUDINA I. G.**
PARTICIPATION OF FOREIGN LIBRARIES
IN EDUCATIONAL PROGRAMS STEM

REVIEWS 190

- VOLOBUEV V. A.**
NEW READING OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE
(REVIEW OF THE MONOGRAPH: NEZHENETS N. I.,
NEZHENETS I. N. ESSAYS ON RUSSIAN LITERATURE
OF THE 19TH–20TH CENTURIES, MOSCOW:
MSIC PUBLISHING CENTER, 2023. 578 PP.)

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

Культурно-цивилизационные модели современности в проекции гуманизации общественного развития

УДК 141

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-6-11>

В. А. Ремизов

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: remizov1941@mail.ru

В. С. Садовская

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: shupik49@mail.ru

О. В. Ремизов

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: oremizov@mail.ru

Аннотация: В статье сопоставляются англо-саксонская и евразийская развивающаяся цивилизационная модель, оцениваются перспективы их развития. Если англо-саксонская модель в современной кризисной ситуации характеризуется воссозданием колониальных принципов, однополярностью, популяризацией трансгуманизма, гендерным нигилизмом, потребительством и забвением гуманистических основ личностной свободы, то евразийская цивилизационная модель в качестве становящейся актуализирует принципы многополярности, примата общественных интересов и ценно-

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, эксперт Управления научной работой, Московский государственный институт культуры

САДОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, декан факультета дополнительного образования, Московский государственный институт культуры

РЕМИЗОВ ОЛЕГ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ – доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

REMIZOV VYACHESLAV ALEXANDROVICH – DSc in Cultural Studies, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of the Department of Scientific Research, Moscow State Institute of Culture

SADOVSKAYA VALENTINA STEPANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Further Education, Moscow State Institute of Culture

REMIZOV OLEG VYACHESLAVOVICH – Associate Professor at the Department of Directing Theatrical Performances, Moscow State Institute of Culture

© Ремизов В. А., Садовская В. С., Ремизов О. В., 2023

стей, справедливости, созидającego взаимодействия, устойчивости, разумного потребления, согласия и мира. Вывод об объективности перехода человечества на вторую цивилизационную модель развития обосновывается авторами при помощи культурфилософских положений Ф. Ницше, О. Шпенглера, Н. А. Бердяева, А. Тойнби, А. Маслоу, Ю. Хабермаса и др. В анализ вовлечены данные авторов Глобального доклада ООН по устойчивому развитию и материалы Всемирного экономического форума (Швейцария, Давос, январь 2023 г.). Рассматриваются тренды современного культурфилософского дискурса при исследовании цивилизационного процесса. Уточнены характеристики позитивного направления цивилизационного процесса в проекции гуманизации общественно-го развития от общества всеобщего потребления к сообществу равноправного творческого социокультурного созидания, где ценностями выступают просвещенный традиционализм, разумный рационализм, взаимоуважение, общечеловеческий диалог и многополярность.

Ключевые слова: культурно-цивилизационный узел современности, англо-саксонская модель цивилизации, евразийская развивающаяся цивилизационная модель, созидающее творческое взаимодействие, новое «осевое время».

Для цитирования: Ремизов В. А., Садовская В. С., Ремизов О. В. Культурно-цивилизационные модели современности в проекции гуманизации общественного развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 6–11. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-6-11>

CULTURAL-CIVILIZATIONAL MODELS OF MODERNITY IN THE PROJECTION OF FACTORS OF ITS RESOLUTION

Vyacheslav A. Remizov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: remizov1941@mail.ru

Valentina S. Sadovskaya

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: shupik49@mail.ru

Oleg V. Remizov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: oremizov@mail.ru

Abstract: The article compares the Anglo-Saxon and developing Eurasian civilizational models and assesses the prospects for their development. If the Anglo-Saxon model in the modern crisis situation is characterized by the recreation of colonial principles, unipolarity, popularization of transhumanism, gender nihilism, consumerism and forgetting the humanistic foundations of personal freedom, the Eurasian model actualizes the principles of multipolarity, the primacy of public interests and values, justice, creative interaction, sustainability, reasonable consumption, consent and peace. The authors substantiate the conclusion about the objectivity of humanity's transition to the second civilizational model of development with the help of cultural and philosophical provisions of F. Nietzsche, O. Spengler, N. A. Berdyaev, A. Toiby, A. Maslow, J. Habermas and others. The authors of the UN Global Report on Sustainable Development and materials of the World Economic Forum (Switzerland, Davos, January 2023) are involved in the analysis. The trends of modern cultural-philosophical discourse in the study of the civilization process are considered. The char-

acteristics of the positive direction of the civilization process in the projection of humanization of social development from the society of universal consumption to the community of equal creative socio-cultural creation, where the values are enlightened traditionalism, reasonable rationalism, mutual respect, universal dialogue and multipolarity.

Keywords: cultural-civilizational knot of modernity, Anglo-Saxon model of civilization, Eurasian developing civilizational model, creative interaction, new "axial time".

For citation: Remizov V. A., Sadovskaya V. S., Remizov O. V. Cultural-civilizational models of modernity in the projection of factors of its resolution. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 6–11. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-6-11>

Среди современных социокультурных проблем выделяются две, носящие всеобщий характер: проблема цивилизационного выбора и проблема предела культурного потребления. Неслучайно Президент России В. В. Путин на ежегодном заседании Валдайского дискуссионного клуба (2023 г.) отмечал, что сегодня имеются две цивилизационные модели. С одной стороны, рационально-консервативная, англо-саксонская с апелляцией к пресловутым «правилам» в духе неокolonialизма. И другая, связанная со следующими шестью принципами: 1) не возводить искусственные барьеры на пути общения людей; 2) разнообразить мир, не навязывая чужих правил, никто не должен решать за других или от имени других принимать решения; 4) укреплять всеобщность мира и безопасности на базе уважения интересов и больших, и малых стран; 5) утверждать справедливость для всех без эксплуатации одних другими; 6) обеспечивать всеобщий доступ к благам культуры и цивилизации вне агрессии, создавать равноправие без деления на сильных и подчиненных [6, с. 2]. Вторая – набирающая силу евразийская цивилизационная модель.

Прочем, две отмеченные проблемы взаимосвязаны. В свое время К. Ясперс обосновал концепт «осевого времени», которое он представлял как социокультурный разворот в выборе личностного и цивилизационного пути развития, чем обусловлены важнейшие вехи становления человечества. Прежде всего, речь шла о зарождении и развитии древнегреческой цивилизационной и социокультурной системы, породившей интеллектуалов-

гигантов Сократа, Платона, Аристотеля, во многом определивших дальнейшее цивилизационное развитие [1].

Есть все основания предположить, что и сегодня в начале XXI века на базе конкуренции культурных ценностей происходит некий исторический «отбор» цивилизаций. Он все больше сдвигается в сторону тех моделей, которые нацелены на многополярность, полицентричность, на равноправие и взаимоуважение, на отказ от модели потребительского общества, культурного глобализма, абсолютизации «свободы выбора» и пресловутого курса «отмены» с его санкциями, субъективными запретами и кросс-гуманитарными трендами в стилистике ЛГБТ. Здесь уместно сослаться на адепта либерального цивилизационного развития Ю. Н. Харари, который, тем не менее, заявляет об исчерпанности этой модели в условиях технологической революции, уточняя, что «...скорее всего... (потребуются)... новое «мировоззрение», «возникновение новых социальных и политических моделей» [13, с. 37].

В обостренной форме кризисную ситуацию западной модели выразил еще Ф. Ницше, который отмечает в работе «Рождение трагедии из духа музыки: эллинство и пессимизм» (1873), что в условиях индустриального общества нарастает культ рационализма, ведущий к стандартизации (в том числе и в духовной сфере), к гедонизму и потребительству [9, с. 553, 557]. Ницше выступал против так называемого «сократического начала» с его культом «здорового смысла», под воздействием которого обесценивается жизненная сила

и стихийная страстность бытия [9, с. 528, 532, 533]. Ницше видит, как деградация культуры сочетается с ценностями массового человека – представителя толпы, не стремящегося к «высшим смыслам», не дорожающим традиционными ценностями, а культивирующим мир своих удовольствий (сегодня – «индустрия наслаждений»). Он также отмечал отход от ответственности (сегодня – «безличная свобода») и долга, что сопоставимо с современным концептом карьеры, а не служения [4, с. 10–11].

Обратим внимание на то, как в учении А. Маслоу характеризуются человеческие потребности, в которых обнаруживает себя лишь субъективное и сугубо личностное. Но когда А. Маслоу говорит о ценностях, то здесь возникает вопрос об общественных смыслах, которые так или иначе ограничивают субъективное. В этом смысле некоторые ученые, в том числе профессор Б. М. Сапунов, делают акцент на ограничительной функции культуры, которая превращает воспитание и самовоспитание личности в «осознанное самоограничение» [11, с. 7].

Широко известна позиция О. Шпенглера, работа которого в оригинале звучит более значимо – «Закат Запада». Он отмечает, что с односторонним рационализмом Европа утрачивает душу культуры. Уточним, что уже в начале XX века это выразилось в упадке образования, легитимизации извращений, мировых войнах, которые готовят Западу гибель. Культура декаданса, сегодня в облике постмодернизма, как верно отмечает Шпенглер, ведет к ослаблению национального организма, разрушению его «морфологии» – внутреннего устройства и здоровья нации. Справедливости ради следует отметить, что данное явление по-своему характеризовали и Н. А. Бердяев, и С. Л. Франк, и Ф. А. Степун. Впрочем, упадок западной цивилизации отмечали и славянофилы, и Достоевский Ф. М., тем не менее, высоко ценившие «старые камни Европы». Вторит О. Шпенглеру в XX веке и А. Тойнби, отмечая, что Запад неадекватно отражает цивилизационные «вызовы»

и «ответы» на них в культурных практиках. Возвращаясь к Ницше, обратим внимание на работу «О пользе и вреде истории для жизни», где он отмечает: для возможности продолжения жизни необходимо учитывать, что в культуре достойное жизни существует справедливо, а достойное смерти увеличивает несправедливость в мире [8, с. 45–47].

Ф. Ницше указывал на необходимость постоянного самоочищения от чуждого, не соответствующего «вызовам» развития. И, казалось бы, последнее максимально связано с необходимостью «самоограничения» в функционале современной англосаксонской цивилизации. Но, как отмечает один из авторов Глобального доклада ООН по устойчивому развитию профессор С. Н. Бобылев, Запад сформировал «такой тип цивилизации, который можно охарактеризовать как «цивилизация максимизации». Такая цивилизация максимизирует три цели: финансовые результаты (от индивидуума до глобального социума), производственные (рост экономики), потребление (тах потребительства). Невозможность продолжения роста на базе традиционных экономических стереотипов становится «все более очевидной». И далее автор приводит статистику о том, что «только за сутки население Земли вырубает около 20 тыс. гектаров лесов, съедает 12,5 млн тонн продовольствия (из которых около 30% идет в отходы), образует 4,8 миллиона тонн мусора, вылавливает более 255 тыс. тонн рыбы и морепродуктов, выбрасывает почти 90 мегатонн CO₂. При этом с учетом экологической емкости биосферы для удовлетворения потребностей всех жителей мира по стандартам среднего американца понадобится пять таких планет, как Земля». И далее С. Н. Бобылев утверждает: «Перед человечеством встает драматическая проблема невозможности на основе сформировавшегося технологического уровня, традиционной экономической модели и институтов: а) сохранения сложившейся модели потребления и его уровня для следующих поколений в развитых странах, б) достижения высоких

уровней потребления («как у богатых») следующими поколениями бедных стран и стран с формирующимися рынками. Это объективно обусловлено ограниченностью экологической ёмкости нашей Земли, её планетарными границами. Возникает «цивилизационный тупик».

Ссылаясь на Всемирный экономический форум в январе 2023 года, С. Н. Бобылев отмечает, что «мировая политическая, экономическая и научная элита, обеспокоенная «глобальными рисками» (причем из десятка отмеченных «рисков» больше половины носят сугубо экологический характер), пришла к выводу об «исчерпанности традиционного капитализма». Отсюда – поиск «новой модели капитализма всех заинтересованных сторон» [11, с. 38]. Так в самом цивилизационном развитии объективно складывается смена тренда движения и переход от англо-саксонской к евразийской модели.

Все это уже сегодня приводит к ускорению экономических трансформаций, структурно-технологических изменений, к реформированию традиционных секторов, к переменам в государственном и социокультурном регулировании [5]. Речь идет о стратегии позитивного цивилизационного развития. Большая доля населения мирового сообщества, совокупно проживающего в Китае, Индии, Океанической Азии и России, как известно, связывает данный «позитив» со второй цивилизационной моделью, отмеченной ранее. Конечно, как всегда, конкурирующая модель оказывает активное сопротивление указанному тренду не только с помощью так называемых «гибридных войн», но и духовно – с помощью пропаганды, культурной агрессии и формирования пресловутых «пярых колонн». Все обострено наличием сети Интернета, сетей гаджетов и объективно обеспечивается диалогической природой культурных процессов в мире.

Определенная роль принадлежит здесь и состоянию научного дискурса, в котором наметилась и другая крайность, тенденция движения в сторону крайнего иррационализ-

ма. Так, например, в своей статье в «Вопросах философии» профессор М. И. Билалов утверждает: «В ряде публикаций я отстаиваю представление о внезапном бытии истины, расширяя ее эмпирическое поле за счет бессознательного и неосознанного...» [2, с. 48]. Вместе с тем, наиболее продуктивная методология понимания цивилизационного процесса иная. Стоит прислушаться к А. Бадью, который говорит о необходимости создания идеальной математической онтологии, возрождающей на основе теоретико-множественного подхода идеал универсального философского знания, который, в свою очередь, применим к логике различных культурных миров. Аналогичную позицию обозначал и Ю. Хабермас, а затем Ж. Деррида, принимающий кантовский взгляд на философию как на «последний трибунал разума» [7, с. 16–17]. В философии, таким образом, востребована новая форма разумного рационализма, как и новая концепция «осевого времени», объясняющие новую цивилизационную реальность.

Цивилизационные противоречия, их созревание и разрешение требуют методологию, отрицающую претензию на иррационально исчерпывающую истину о полноте бытия. Следует заметить, что и гегелевская рефлексия Абсолюта предполагает внутреннее развитие. Так Г.-Г. Гадамер отмечает, что сущность гегелевских исканий истины заключается в непрестанности, незавершенности рефлексивного самоопределения духа через культурно-исторический опыт, обретающий все новые и новые состояния. Даже там, где речь идет об интуитивном познании, как отмечает исследователь Е. С. Сирин, «идеальный вариант интуиции заключается в равновесии и гармонии составляющих ее противоположностей» – чувственного и рационального, онтологического, гносеологического и герменевтического аспектов [12, с. 38].

Итак, противоречия конкурирующих сегодня цивилизационных моделей нуждаются в дальнейшем философском осмыслении. Развитие евразийской модели должно быть

также обеспечено усилиями философского дискурса. Тем не менее, общий вектор движения явно обозначен: от общества потребления к сообществу равноправного творческого созидания, где ценностью выступают просвещенный традиционализм, разумный

рационализм, взаимоуважение, диалог и многополярность, где утверждается движение к синергии государств-цивилизаций, больших пространств, общностей, осознающих себя именно таковыми и именно с такими характеристиками.

Список литературы

1. *Баттлер Боудон Том*. 50 великих книг по философии. Москва: Эксмо. 2019. С. 37–43.
2. *Билалов М. И.* Познавательная культура и представление об истине // Вопросы философии. № 9. 2023. С. 45–49.
3. *Бобылев С. Н.* Биосфера всех не выдержит // Литературная газета 4–10 октября 2023. № 39 (6904). С. 7.
4. *Буланов В. В.* «Несвоевременные размышления» Фридриха Ницше и ценностные выборы XXI века // Несвоевременность философии? Материалы Межрегионального Круглого стола в рамках Года культуры в РФ. 28 марта 2014 г. Москва: МГИК. 2015. С. 10–11.
5. *Галуцкий Г. М., Хуцишвили В. Г., Анискевич А. А.* Генезис экосистемы в контексте фундаментальной культурологии. Москва: Типография «Intertip». 2021. 424 с.
6. *Герейханова Айсуль*. Жить по праву, а не по чьим-то правилам // Российская газета. 6 октября 2023. № 226 (9171). С. 2.
7. *Губман Б. Л.* Несвоевременность философии как рефлексивной критики культурного опыта // Несвоевременность философии? Материалы Межрегионального Круглого стола в рамках Года культуры в РФ. 28 марта 2014 г. Москва: МГИК. 2015. С. 16–17.
8. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни; Сумерки кумиров; Утренняя заря: Сборник. Минск: Попурри. 1997. С. 45–47.
9. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали: Сборник. Минск: Попурри. 2001. 624 с.
10. *Ремизов В. А., Ирхен И. И.* Парадоксальность бытия культуры в обществе // Международный журнал исследований культуры. Санкт-Петербург: Эйдос 2023. С. 34–44.
11. *Сапунов Б. М.* Введение в этику православия: Учебное пособие. Москва: Издательство института ВСК. 2005.
12. *Сирин Е. С.* Онтологический и гносеологический аспекты рассмотрения интуиции // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 5(43), 2011. С. 36–39.
13. *Харари Ю. Н.* 21 урок для XXI века. Москва: Синдбаб. 2019. 441 с.

*

Поступила в редакцию 07.11.2023

ОСНОВЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 304.42

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-12-23>

Ю. В. Кот

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kotkot_76@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены историко-культурные и духовные особенности Русского мира в контексте новой Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой выражена историческая кульминация геополитического и духовного противостояния России и «коллективного» Запада. Автор анализирует Русский мир как культурно-цивилизационную общность и духовную идею, включая ее нравственно-религиозное измерение. Указывая на то, что в качестве сложного многоаспектного социокультурного понятия Русский мир сегодня не имеет однозначной дефиниции, автор считает, что его содержательным ядром является идея спасения как предмет новой сотериологии. В статье доказывается, что именно в идее спасительной миссии России для всего мира заключены основные содержательные компоненты новой Концепции внешней политики РФ, влияющие на механизм реализации внешней политики, а также на государственную культурную политику на современном этапе.

Ключевые слова: Концепция внешней политики Российской Федерации, Русский мир, современная культурная политика России, гибридная война, русская идея, русская философия, сотериология, историософия, православие, духовные ценности.

Для цитирования: Кот Ю. В. Основы историко-культурных и духовных особенностей Русского мира в контексте концепции внешней политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 12–23. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-12-23>

THE FOUNDATIONS OF THE HISTORICAL, CULTURAL AND SPIRITUAL
FEATURES OF THE RUSSIAN WORLD IN THE CONTEXT OF THE
CONCEPT OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

КОТ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – декан факультета медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств,
Московский государственный институт культуры

КОТ YURI VLADIMIROVICH – Dean of the Faculty of Media Communications and Audiovisual Arts, Moscow
State Institute of Culture

© Кот Ю. В., 2023

Yuri V. Kot

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: kotkot_76@mail.ru

Abstract: The article examines the historical, cultural and spiritual features of the Russian World in the context of the new Foreign Policy Concept of the Russian Federation, which expresses the historical culmination of the geopolitical and spiritual confrontation between Russia and the «collective» West. The author analyzes the Russian world as a cultural and civilizational community and a spiritual idea, including its moral and religious dimension. Pointing out that, as a complex multidimensional sociocultural concept, the Russian world today does not have an unambiguous definition, the author believes that its substantive core is the idea of salvation as the subject of a new soteriology. The article proves that it is precisely in the idea of Russia's saving mission for the whole world contains the main substantive components of the new Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, which influence the mechanism for implementing foreign policy, as well as state cultural policy at the present stage.

Keywords: Concept of the foreign policy of the Russian Federation, the Russian world, the modern cultural policy of Russia, hybrid war, the Russian idea, Russian philosophy, soteriology, historiosophy, Orthodoxy, spiritual values.

For citation: Kot Yu. V. Fundamentals of historical, cultural and spiritual features of the Russian world in the context of the concept of foreign policy of the Russian Federation. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 12–23. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-12-23>

Новая Концепция внешней политики РФ является шестым по счету вариантом государственного документа, регулирующего внешнюю политику России.

Впервые концепция была утверждена в 1993 году. Основной задачей данного – тридцатилетней давности – документа ставилось «налаживание устойчивых позитивных взаимоотношений со странами ближнего зарубежья в целях преодоления дестабилизирующих дезинтеграционных процессов на территории бывшего СССР».

Следующий вариант концепции утвердил президент РФ Владимир Путин 28 июня 2000 года. В нем первостепенной задачей называлось «укрепление союза России и Белоруссии».

В 2008 году концепцию одобрил президент РФ Дмитрий Медведев. В этом документе акцентировалось внимание на «перспективе утраты Западом своей монополии на глобализационные процессы», а Россия называлась «крупнейшей евразийской державой».

В очередном варианте концепции, которая была принята в 2013 году, прослежи-

валась мысль о «сокращении возможностей исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике».

Предыдущая версия документа была принята в 2016 году и содержала указание на 11 задач российской внешней политики, ключевой среди которых отмечалась «защита суверенитета и территориальной целостности страны». Также были упомянуты «сохранение и укрепление прочных позиций в мировом сообществе», «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами», «содействие устранению имеющихся очагов конфликтов на их территории» и популяризация национальной культуры.

31 марта 2023 года президент РФ Владимир Путин подписал Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [13], которая выступает, с одной стороны, как вектор практических действий страны в среднесрочной и более отдаленной перспективе, с другой стороны, – как добротная доктринальная основа для дальнейшей работы в сфере международных отношений.

Этот важнейший государственный документ имеет большую значимость для историко-культурных и духовных судеб Русского мира. Важно отметить, что в Концепции имеется ряд положений, представляющих большой интерес для современной государственной культурной политики, поскольку ситуация «культуры отмены», в которой находится сегодня Россия, требует взаимодействия внешних и внутренних факторов культурно-политической практики.

Цель статьи заключается в анализе основ историко-культурных и духовных особенностей Русского мира в контексте новой Концепции внешней политики Российской Федерации через соотнесение ее, в том числе, и с нравственно-религиозными измерениями Русского мира.

Задачами статьи являются: 1) определение актуальности появления Концепции внешней политики Российской Федерации в геополитических и духовных реалиях современного мира; 2) обоснование феномена Русского мира как культурно-цивилизационной общности и духовной идеи; 3) определение основ историко-культурных и духовных особенностей Русского мира, отражающих содержательные компоненты принятого документа и влияющих на механизмы реализации внешней политики Российской Федерации как важнейшей составляющей государственной культурной политики России на современном этапе.

Принятие новой Концепции внешней политики Российской Федерации на современном этапе – важный этап развития международных отношений. Актуальность появления новой концепции внешней политики Российской Федерации в условиях современных остродраматических геополитических коллизий, которые переживает Россия и в целом мир, находящийся в фазе фундаментальной цивилизационной трансформации и, соответственно, глубочайшего кризиса, несомненна.

Современная международная ситуация, как правило, характеризуется в терминах

фундаментальной цивилизационной трансформации, в ходе которой происходит *переход от однополярного к многополярному миру*. Это трудный, но неизбежный и справедливый процесс, по поводу которого в Концепции сказано: «Человечество переживает эпоху революционных перемен. Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира. Необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров» [13, с. 7].

Это положение в концентрированном виде опирается на ведущую установку большинства современных исследователей, работающих над этой проблематикой еще с начала 90-х годов XX столетия. Уже тогда, после распада Советского Союза, стало очевидно, что декларируемые ценности демократии, глобализации, «диалога культур» в действительности оборачиваются катастрофой для России на всех уровнях. Прежде всего, речь шла об угрозе утраты национально-государственного суверенитета и национально-культурной идентичности. Гегемоном мировых процессов в тот период выступили «победители» в «холодной войне» – США с их претензией на мировое лидерство во всех сферах. В духовно-культурном плане это означало тотальную американизацию. В новой Концепции впервые прямо говорится о том, что США являются главным вдохновителем, организатором и исполнителем агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источником основных рисков для безопасности Российской Федерации.

Видный отечественный философ А. В. Гулыга в конце прошлого века, в 1998 года писал, что «нынешняя демократизация выглядит как дерусификация и американизация

страны» [7, с. 89]. А другой выдающийся философ А. С. Панарин в начале 2000-х годов так характеризовал этот процесс: «Победа Запада в «холодной войне и новое имперское самовозвеличивание США резко снизили способность прорывных обществ «первого мира» к критической саморефлексии перед лицом глобального кризиса. На этом фоне объективно возрастает роль других мировых культур, более космически укорененных и экологически ответственных. Настоящую загадку в этом плане представляет русская культура» [16, с. 44]. Тем самым тезис Концепции об *укреплении суверенитета незападных мировых держав* опирается на авторитетное мнение отечественных философов, характеризующих духовно-культурную и геополитическую ситуацию в России и мире несколько десятилетий назад.

Феномен гибридных войн как принципиально важный компонент внешней политики. Современная фаза международного противостояния России и Запада на современном этапе осложнена конфликтом на Украине, который используется западным миром как эффективный инструмент борьбы с Россией. В Концепции говорится о принципиально важном для внешней политики феномене гибридных войн, которую использует Запад в своей борьбе с Россией. По своей сути *гибридная война* – это новый тип войны, уже достаточно полно описанный в литературе. Под гибридной войной обычно понимается «комплекс различных видов политической, экономической и военной деятельности, направленной на планомерную и целенаправленную дестабилизацию государственного управления противника. Предполагается достижение качественной трансформации в плане изменения внутри- и внешнеполитического курса, замена руководителей на лояльных агрессору лиц, установление внешнего идеологического и финансово-экономического контроля над государством» [12, с. 43].

Подчеркнем, что в новой Концепции отмечается, что развязывание «гибридной войны нового типа» со стороны США

и стран Запада «не было выбором Российской Федерации. Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному сообществу, осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернуться к прагматичному взаимодействию с Россией» [13].

Гибридная война Запада против России осуществляется преимущественно во внешнеполитической сфере. Исследователи отмечают, что на содержание законов гибридной войны, развязанной США и НАТО против России, определяющее влияние оказывают следующие ее особенности:

- глобальный геополитический характер конфликта;
- его цивилизационный характер;
- перманентный и всеобщий характер конфликта;
- использование всех известных на сегодня средств и методов войны;
- использование стратегии войны «чужими руками» или прокси-войны [3, с. 8–9].

Особенно важным аспектом гибридной войны является информационная война, которая использует весь арсенал технологических и медийных ресурсов для формирования негативного и ложного образа России и создания ложного контента относительно реальных действий России в пропагандистских целях. Это форма современной идеологии Запада, которая сделала антироссийскую установку мировоззренческой основой своей политики.

Таким образом, гибридная война против России со стороны стран Запада – реальность, в условиях которой наша страна вынуждена проводить внешнюю политику, учитывая все новейшие технологии, прежде всего, информационные, которые ведутся против нашей страны.

Россия: государство – цивилизация, суверенный центр мирового развития. Следует заметить, что нынешний конфликт России и Запада вписывается в глобальный контекст «столкновения цивилизаций» – концепт, представленный в известной работе С. Хантингтона, в основе которого лежит идея о непреодолимых культурных противоречиях между народами. Прогноз Хантингтона оказался намного достовернее, чем популярная идея Ф. Фукуямы о «конце истории», согласно которой либеральная демократия, распространившись по всему миру, может стать вообще финалом в истории человечества и, соответственно, наиболее желанным образцом для незападных государств. Модель Фукуямы не учитывает глубинные духовно-культурные различия между народами, существовавшие извечно, и предполагает линейную модель глобализма для всего человечества. Эту модель можно назвать *либеральным утопизмом*, в котором представлен одномерный образ человека, для которого *гедонистические ценности* являются главными и неоспоримыми. Но на деле неоспоримо существование альтернативного понимания сущности человека, которое хорошо известно из духовных (религиозно-философских) пластов культуры.

Истоки нынешнего цивилизационного конфликта уходят корнями в XIX век. Например, в философско-политических построениях Ф. Ницше можно найти прозорливые идеи относительно отрицательного влияния англосаксонского мира в Европе и о спасительном союзе России и Германии для духовного возрождения европейской культуры. Он пишет: «Мелочность духа, идущая из Англии, представляет нынче для мира великую опасность. <...> Мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией и в новой общей программе, которая не допустит в России господства английских трафаретов. Никакого американского будущего! Сращение немецкой и славянской расы» [Цит. по: 19, с. 45].

История развития этих отношений, вопреки прогнозам Ницше, распорядилась совершенно противоположным и, как мы знаем

из трагической истории XX–XXI веков, наилучшим образом: американская гегемония, засилье англо-американских ценностей в России, жесточайшее военно-политическое противостояние России и Германии в мировых войнах вместо союза. И как раз сегодняшняя гибридная война против России является закономерным продолжением тех негативных явлений в духовной культуре Европы, которые были обозначены немецким философом.

Русские мыслители, преимущественно славянофильского лагеря, если и не мыслили непосредственно в терминах «столкновения цивилизаций», то, по крайней мере, много говорили о фундаментальных отличиях России и Запада на всех уровнях культуры. Взаимодействие России и Запада, начиная с XVIII века, можно охарактеризовать в терминах *западной культурной интервенции*, что правомерно трактовать как «мягкий» вариант «столкновения цивилизаций». Славянофилы болезненно реагировали на эту интервенцию, которой легко поддавались многие соотечественники, преимущественно из либеральных кругов. Показательны в этом плане слова И. С. Аксакова: «Всякий раз после прогулки по Невскому проспекту овладевает мною великая скорбь. Вы не поверите, как возмущается душа моя при виде этих господ полуфранцузов, полунемцев, все что угодно, только не русских, коверкающих свой родной язык, ослепляющих нас роскошью произведений Запада и живущих уже совсем не по-русски» [1, с. 499].

Что касается *историософских построений* Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, то у них явно прослеживается пролог к современной геополитике «столкновения цивилизаций», в которой Россия играет ключевую роль. В книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» вторая глава носит название «Почему Европа враждебна России», в которой он пишет: «Россия, – не устают кричать на все лады, – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы» [8, с. 24]. Эти слова

как будто сказаны сегодня, поскольку в принципе ничего не поменялось в отношении Европы к России. Это заставляет нас более вдумчиво отнестись к этой великой и, по слову Ф. М. Достоевского, «настойной книгой каждого русского».

«Поздний» славянофил К. Н. Леонтьев вообще отличался крайней непримиримостью к Западу и к идеологии либерализма, являющейся наиболее глубоким выражением западной культуры. В истории русской мысли это один из наиболее ярких и востребованных представителей философии консерватизма. Известна его критика «пошлости и мещанства» буржуазной культуры, и, соответственно, акцент на особой миссии России, в которой он видит выражение «византизма». «Византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм», – пишет Леонтьев [14, с. 326].

Россия воспринимается философом как хранитель истинного Православия. В одной из работ он замечает: «Куда обратится взор человека, полного ненависти к иным бездушным и сухим сторонам современного европейского прогресса? Куда, как не к России, где в среде Православия еще возможны великие Святители, подобные Филарету, и где самый раскол представляет не одни ужасные (хотя и трогательные в своем роде) явления, но и картины в высшей степени утешительные и почтенные...» [15, с. 110].

Идеи Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева лежат в основе определенной традиции, воплотившейся сегодня в Концепции внешней политики РФ. В этом смысле можно сказать, что она опирается на серьезный историко-культурный и философский фундамент российской цивилизации, отрефлексированный в традициях русской мысли.

В пункте 4 Концепции подчеркивается, что Россия – это «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие

общность Русского мира» [13]. А в пункте 5 подчеркивается, что РФ выступает «в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня» [13].

Следует отметить определение этой цивилизации, которое дал Президент РФ В. В. Путин в ходе выступления на форуме «Валдай». По его мнению, российскую цивилизацию нельзя привести к одному знаменателю, как и невозможно ее разделить, «потому что она существует только в своей целостности, духовном и культурном богатстве» [4].

Духовно-антропологический кризис. Важным аспектом современного остроконфликтного состояния мира является *духовно-антропологический кризис*, в котором сегодня пребывает человечество. И многие рассматривают СВО в контексте именно такой «борьбы за человека». А. Ю. Коробов-Латынцев дает следующую характеристику происходящим событиям: «Начавшаяся война, пусть даже мы будем называть ее специальной военной операцией, это событие эпохальное, поворотное – не только для России (и Украины как части Русского Мира), но и для всей планеты. Рушится глобалистский диктат, диктат жуткой идеи расчеловечивания человека, идеи освобождения человека от самого человека, диктат «свободы от»: от государства, от своего народа, от морали, от Бога, от пола – от человека как такового. Происходит не просто столкновение цивилизаций – происходит столкновение двух проектов человека, в одном из которых утверждается бытие человека, а в другом ему уготовано небытие. Это война за Бытие, Четвертая Мировая война. <...> Речь идет о Четвертой Мировой войне – войне за человека» [10, с. 9–10].

Таким образом, актуальность появления новой Концепции в нынешней международ-

ной обстановке не подлежит сомнению. Опасность новой мировой войны, последствия которой очевидны для всех здравых людей, требует выработки новых, четких, отвечающих современной кризисной ситуации, критериев внешней политики Российской Федерации. Россия, опирающаяся на свою мощную историческую, культурную и философскую традицию, может сказать современному миру принципиально важные вещи, напомнить ему о традиционных ценностях, о которых он забыл в постгуманистическую эпоху, но вне которых существование мира в долгосрочной перспективе немислимо.

Русский мир как культурно-цивилизационная общность. основополагающим в этом пункте Концепции является принципиально важное положение о том, что «Российская Федерация является ядром цивилизационной общности Русского мира» [13]. Это выводит нас на проблему *места России в мире*, ее исторически сложившейся уникальной миссии (глобальный баланс сил, ликвидация мировой системы колониализма и т. д.), что соотносится с фундаментальными ценностями российской цивилизации. В этой связи Концепция опирается не только на более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности России, но и на ее глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, на выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп. Все это составляет культурно-цивилизационную общность Русского мира.

Вопрос о Русском мире как культурно-цивилизационной общности сегодня является одним из главных в философском, политическом и общекультурном дискурсе [2; 9; 17]. В новой Концепции – это центральное фундирующее понятие, поскольку внешняя политика РФ является проекцией внутренних (культурно-исторических, духовных, общественно-политических) особенностей Русского мира. Как сложное социокультурное

понятие «Русский мир» не имеет однозначной дефиниции. У Русского мира есть культурно-исторические, философские, политические, лингвистические, цивилизационные, геоэкономические и духовно-религиозные измерения, которые достаточно сложны и трудно сводимы в единое целое.

Тем не менее, мы ориентируемся на понимание Русского мира, озвученное известным историком и политологом С. В. Перевезенцевым. Он говорит: «Русский мир – это многоцветие народов, сплоченных русским народом в общей исторической судьбе, решающих общие исторические задачи, сохраняющих при этом свои традиционные культуры и религии. Основа Русского мира – восточнославянская православная цивилизация в ее духовно-политических и культурно-исторических границах. Ядро и центр Русского мира – Россия, которая объединяет в себе и вокруг себя многие народы и государства, принадлежащие к различным религиям и культурам» [17, с. 73]. Помимо внешних метрик Русского мира его суть выражена в таких важнейших для общенационального сознания понятиях-ценностях, как вера (духовность), государство, достоинство, единая история, жизнь, знание, культура, личность, милосердие, мир, народовластие, национальные традиции, нравственность, Отечество (Родина), русский язык, самоограничение, свобода, семья, справедливость, трудолюбие, честность [17, с. 74].

Все указанные понятия-ценности свидетельствуют об *устремленности русской культуры к духовному идеалу*, к трансцендентному горизонту. Потому в России так важна *идея святости*, причем не только в церковном смысле, но и в плане нравственного подвига, героизма, самоотдачи, жертвенности, в том числе, на полях сражений, о чем свидетельствует беспримерный героизм русских солдат и в Великой Отечественной войне, и сегодня в СВО.

С нашей точки зрения, духовным основанием Концепции внешней политики РФ является *идея спасения* как выражение важнейшей нравственной характеристики Русского мира.

А изучение *спасительной миссии России* для всего мира – предмет новой *сотериологии*.

Здесь мы выходим на *историософские параметры Русского мира*, изучение которых составляет существенную задачу отечественной философии культуры. У С. В. Перевезенцева миссия России в мире связана с двумя понятиями – милосердием и справедливостью. Считаем, что в этом ряду должна стоять и *идея спасения* как духовно-нравственного сосредоточения Русского мира.

Идея спасения в русской духовной культуре всегда была предметом глубокого осмысления и исследования. Эту идею в различных вариациях можно обнаружить у целого ряда русских мыслителей – П. Я. Чаадаева, Ф. М. Достоевского, Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, С. Н. Булгакова. У современных авторов нужно, прежде всего, назвать монографию В. Ш. Сабирова и О. С. Соиной «Идея спасения в русской философии» [18], а также – ряд важных статей С. Н. Кочерова, А. А. Горелова, А. Г. Гачевой и др. [5; 6; 11].

В частности, С. Н. Кочеров, утверждая, что идея спасения органична для Русского мира, пишет: «Идея спасения занимает особое место в системе духовных координат Русского мира, характеризуя его отношение к перспективе, ради преодоления или достижения которой даже несовершенное земное сообщество может оказаться способным к соборному единению. <...> именно в спасении, принимающем характер «общего дела», обособленность Русского мира (сосредоточенность на удовлетворении своих локальных интересов) поднимается до уровня всемирности (деятельность во имя интересов всего человечества)» [11]. Другой исследователь, А. А. Горелов, отмечает: «Русская идея – это определяемая русским национальным характером, сердцем русского человека, оформленная в культуре уникальная синтетическая концепция пути развития русской цивилизации, имеющего целью всеобщее спасение, братскую любовь и счастье всех людей» [6, с. 55].

Примечательно то, что некоторые западные исследователи, проникая в сердцевину подлинных ценностей русской культуры, понимали ее глубинный смысл, заключающийся в идее спасения. Вот, например, что писал немецкий философ В. Шубарт: «Русская национальная идея: спасение человечества придет из России. Это самая глубокая и самая широкая национальная идея из всех, имеющих у других народов [20, с. 114].

Каким же образом сотериологическая идея представлена в новой Концепции?

Национальные интересы России, безусловно, являются приоритетными для этого документа: «Сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан» [12, 15–6], в котором отражены традиционные для российского государства ценности справедливости, защиты слабых и угнетенных, всесторонней помощи тем, кто в ней нуждается, которые могут и должны быть транслированы и во внешний мир. Коснемся некоторых аспектов.

Стратегическая цель внешней политики Российской Федерации формулируется в основном и принципиальном тезисе: «Формирование справедливого и устойчивого мироустройства» [13, 17–1]. Осуществление этой фундаментальной задачи под силу лишь тому государству, в культуре которого накоплен значительный *этический капитал* (прежде всего – справедливости), с помощью которого можно претендовать на такую глобальную миссию – формирование устойчивого мироустройства. Она осуществляется через ряд конкретных и последовательных действий:

- защита угнетаемых стран и народов через развитие всесторонних партнерских отношений с ними; в этом заключается реальная помощь этим странам, поскольку именно укрепление сотрудничества с этими странами способствует усилению их внутреннего ресурса;
- поддержка союзников, исходя из суверенных приоритетов самой России

- вне зависимости от внешних санкций и признаний других государств; всеобъемлющая поддержка Республики Абхазия, Республики Южная Осетия;
- создание системы международной безопасности для сохранения культурно-цивилизационной самобытности всех государств и народов; равенство возможностей – это и есть принцип истинной демократии, возможной в России, где *принцип справедливости* занимает верховное положение в системе нравственных ценностей;
 - распространение принципа справедливости на все сферы жизни, обеспечение справедливого доступа всех государств к благам мировой экономики и международного разделения труда, а также – к современным технологиям в интересах справедливого и равномерного развития (включая решение проблем глобальной энергетической и продовольственной безопасности);
 - защита человеческого достоинства и традиционного образа человека; в ситуации широкого распространения постгуманистических, трансгуманистических и трансгендерных антропологий эта задача является особенно важной, поскольку существует *угроза исчезновения человека* в его традиционном биосоциальном и духовно-нравственном виде;
 - помощь в борьбе с терроризмом, защита христиан на Ближнем Востоке.

Таким образом, даже выборочный анализ некоторых положений новой Концепции демонстрирует *сотериологическую интенцию России*, которая заключается в спасении мира от несправедливости, проистекающей, прежде всего, от западного цивилизации. Оказание всемерной помощи и поддержки всем, кто в ней нуждается. Во многом эти принципы внешней политики совпадают с принципами *христианской этики*.

Реализация внешней политики Российской Федерации как важнейшей составляю-

щей государственной культурной политики России на современном этапе. В ситуации «культуры отмены», которая – наряду с другими действиями – представляет сегодня враждебный идеологический демарш в адрес России со стороны недружественных стран, важна выверенная внешняя политика, исходящая, прежде всего, из *национальных интересов России* и ее *духовных ценностей*, но которые могут быть востребованы в мире, настроенном на конструктивное сотрудничество с нашей страной. Национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере определяются в Концепции, прежде всего, как «Защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации от деструктивного иностранного воздействия» [13; 15]. Эта стратегическая задача разделяется современными авторами как безусловная. Например, А. В. Гулыга писал об *укреплении государства* как важнейшей задаче в середине 90-х: «Россия всегда была сильна своим государством. На нас без конца нападали; отбивалось государство, оберегая независимость и свободу. Казаки раздвигали пределы русской земли. Но всегда сохраняли верность престолу и вере, знали, что за их спиной стоит держава, оплот которой составляет русская нация. Русские не создавали колоний, не уничтожали местное население; возникали новые края с равными правами. Русскому государству по писаной истории – тысяча лет, на самом деле оно много старше. Наш долг перед предками – не допустить развала России, воссоздать национальную государственность» [7, с. 303].

Действительно, в 90-е годы XX века возникла угроза исчезновения русской государственности, которая планомерно тонула в котловане «глобализации» и «общечеловеческих ценностей». В это поистине смутное время национальная идентичность практически была равна нулю, а любые попытки серьезного разговора о России, русскости, русской культуре воспринимались почти как проявления национализма. Вопрос о сувере-

нитете государства и культуры ушел из политической повестки, будучи замещенным вопросом об интеграции в мировое сообщество.

Русский духовный космос был серьезно поврежден первоначально коммунистической идеологией пролетарского интернационализма, а затем – посткоммунистической рыночно-либеральной потребительской идеологией, оказавшейся еще более чуждой русскому человеку, нежели коммунистическая. Последняя все же основывалась на коллективизме в искаженной форме соборного духа, которая была близка к ценностям национального самосознания, в то время как потребительство, основанное исключительно на индивидуалистическом жизненном проекте, показало свою глубочайшую отчужденность от ценностей русского национального бытия.

Возврат к духовным ценностям русской культуры, и не просто возврат, а их реабилитация – такова *насущая задача современной государственной политики в области культуры*. А. С. Панарин это очень хорошо осознавал несколько десятилетий назад, своими идеями закладывая основания для современной Концепции. Он писал, что «неизбежна реабилитация русской культуры, завещающей всему миру любить реальность, ценить реальный опыт и его носителя и хранителя – простой народ. В противовес "лишним людям", некогда описанным в русской литературе, а сегодня превращающимся в отщепенскую эмигрантскую среду, в диаспору глобального мира, у простого народа нет иного пути, как путь укоренения – возвращения к родной земле, родной культуре и ее религиозным истокам. Но это означает и возврат к вечным, неконъюнктурным ценностям – принятие вечного существования человечества на земле» [16, с. 48].

Вот поэтому в качестве национальных интересов Российской Федерации во внешнеполитической сфере в Концепции ставится стратегическая цель укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации. Это оказывается жиз-

ненно необходимой задачей, от выполнения которой зависит буквально физическое бытие нашего государства. Многовековой опыт нашей (и не только нашей) истории показал, что всегда существует *приоритет духовно-нравственных ценностей*, а не материальных, технических, экономических. И если этот приоритет сохраняется и поддерживается государством, тогда можно говорить о жизнеспособности и жизнестойкости всего культурного организма народа. В противном случае, как показал опыт Советского Союза, происходит развал страны.

Исходя из национальных приоритетов и духовных ценностей культуры, в качестве приоритетного направления внешней политики Российской Федерации выделяется формирование справедливого и устойчивого мироустройства. Россия всегда стремится к справедливому миропорядку, такова ее духовная миссия во внешней политике. Однако это стремление России вызывает значительное сопротивление: «Происходящие, в целом благоприятные, изменения вызывают, тем не менее, неприятие у ряда государств, привыкших мыслить согласно логике глобального доминирования и неокOLONиализма. <...> Происходит деградация культуры диалога в международной сфере, снижается эффективность дипломатии как средства мирного урегулирования споров. Остро ощущается дефицит доверия и предсказуемости в международных делах» [13; 9].

В этой ситуации необходимо выработать более эффективные *механизмы трансляции духовных ценностей отечественной культуры вовне*, разрабатывать программы глубокого взаимодействия с незападными странами, которые за долгие годы колониальной политики уже накопили достаточно серьезный багаж претензий по отношению к Западу, сформировали стойкое неприятие западного пути как безальтернативного. В этом плане именно Россия может показать реальную альтернативу либерально-глобалистской повестке. Но для этого нужны серьезные перемены в самой России. И не просто перемены

ны, но *фундаментальный поворот в сторону национальных ценностей*, к которым уже начато заметное движение.

Проанализировав Концепцию внешней политики Российской Федерации, мы пришли к следующим выводам.

Этот документ крайне актуальный именно сегодня, когда противостояние России и Запада находится в максимально высокой точке напряжения и когда Россия находится в ситуации жесткой санкционной политики, «культуры отмены» и гибридной войны с Западом. Анализ философских и духовно-культурных традиций России показывает, что указанная Концепция опирается на серьезный исторический фундамент российской цивилизации, являясь во многом концентрацией тех идей, которые появились в российском интеллектуальном горизонте в 90-е годы XX века.

Важнейшее положение Концепции внешней политики РФ – определение Русского мира как культурно-цивилизационной общности. В этом контексте были рассмотрены сущностные духовно-нравственные характеристики Русского мира, которые позволяют видеть одну из наиболее важных задач России в спасительной миссии для всего мира.

Показано, как идея спасения, которая есть сверхценность Русского мира, находит свое отражение в принципиальных положениях Концепции внешней политики РФ. Важнейшим подспорьем в этом является религиозно-философская традиция русской мысли, в которой и в художественной форме, и в публицистике, и в литературно-философской критике, и на теоретическом уровне уже в начале XIX века были заложены концептуальные основы суверенной российской цивилизации и Русского мира.

На наш взгляд, реализация внешней политики Российской Федерации является важнейшей составляющей государственной культурной политики России, а это означает, что в ситуации «культуры отмены» необходимо вырабатывать более эффективные механизмы трансляции духовных ценностей отечественной культуры вовне, разрабатывать программы глубокого взаимодействия с незападными странами, показывать преимущества жизни в России на всех уровнях. Необходимо вернуть – насколько это возможно – Русский мир в сферу конструктивную, культурную, неагрессивную. Таков императив времени, соответствующий новой фазе цивилизационного развития России.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с.
2. Алимов А. В. Концептуальные основы Русского мира в социально-политической системе России // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 4. С. 46–57.
3. Бартош А. А. Законы и принципы гибридной войны // Военная мысль. 2022. № 10. С. 6–15.
4. Выступление Владимира Путина на пленарном заседании "Валдая". Полный текст [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax.ru/russia/924349>
5. Гачева А. Г. Апокатастасис в русской религиозно-философской мысли последней трети XIX – первой трети XX в. Апологеты целостного идеала: тема всеобщности спасения в творчестве мыслителей Советской России А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, В. Н. Муравьева, Д. Л. Андреева // Вестник РГГУ. 2018. С. 24–37.
6. Горелов А. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Философия и современность. 2017. № 1. С. 50–66.
7. Гулыга А. В. Служить России // Долг и память военного поколения. Москва: ИФ РАН, 1998. С. 47–90.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва: Книга, 1991. 574 с.

9. *Ефимец М. А.* Культурно-цивилизационные противоречия XXI века и потенциал Русского мира // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1 (105). С. 26–34.
10. *Коробов-Латынцев А. Ю.* Философ и война. О русской военной философии. Москва: Издательский Дом «Русская философия», 2022. 250 с.
11. *Кочеров С. Н.* Идея спасения как форма примирения российского мессианизма и миссионизма // Вестник Минского университета. 2013. № 1 (1). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/361/592>
12. *Кондорский Б. М.* Гибридная гражданская война в России // Свободная мысль. 2023. № 1 (1697). С. 43–56.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/31/prezident-ukaz229-site-dok.html>
14. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2005. Т. 7. Кн.1. Т. 7. С. 300–444.
15. *Леонтьев К. Н.* Грамотность и народность // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2005. Т. 7. Кн. 1. С. 90–131.
16. *Панарин А. С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. Москва.: ИФ РАН, 2005. 189 с.
17. *Перевезенцев С. В.* Русский мир в XXI веке // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 71–76.
18. *Сабиров В. Ш., Соина О. С.* Идея спасения в русской философии. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. 272 с.
19. *Свасьян К. А.* Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1990. С. 5–47.
20. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. Москва: Эксмо, 2003. 480 с.

*

Поступила в редакцию 20.11.2023

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

УДК: [008+351.85] (470–13)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-24-36>

Т. В. Коваленко

Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: timofey.kovalenko@gmail.com

Н. Б. Зиновьева

Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: nonna.zinoveva.56@list.ru

Е. Г. Саркисова

Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: gorlik93@mail.ru

КОВАЛЕНКО ТИМОФЕЙ ВИКТОРОВИЧ – кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

ЗИНОВЬЕВА НОННА БОРИСОВНА – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных исследований культуры, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

САРКИСОВА ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

KOVALENKO TIMOFEY VIKTOROVICH – CSc in Philosophy, Deputy Director, Southern branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev

ZINOVIEVA NONNA BORISOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Chief Researcher at Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev

SARKISOVA ELENA GENNADIEVNA – CSc in Philosophy, Leading Researcher at Department of the Heritage Studies and Expert Activities, Southern branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev

© Коваленко Т. В., Зиновьева Н. Б., Саркисова Е. Г., 2023

Аннотация: Целью исследования является определение степени эффективности стратегического планирования как инструмента реализации культурной политики в регионах Юга России на современном этапе. Методологической базой исследования выступает институционально-культурологический подход к региональной культурной политике, разрабатываемый авторами. Поле региональной культурной политики концептуализировано на основе воззрений П. Бурдьё, рассматривавшего социальное поле как автономную систему, в рамках которой субъекты политических действия осуществляют взаимодействие с опорой на синтез системного, институционального и аксиологического анализа. На базе перечисленных теоретических оснований разработана методика структурно-логического анализа документов стратегического планирования в сфере культуры. Результаты исследования: впервые осуществлен комплексный анализ региональных программ развития культуры в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, выявлены региональные особенности, оказывающие влияние на характер и темпы решения задач в области культурной политики, определены и впервые типологизированы целевые индикаторы культурного развития, проведен их сравнительный анализ. Авторы отмечают, что отсутствие единых подходов к программным результатам приводит к снижению эффективности стратегий региональной культурной политики. Теоретические выводы и представленные предложения могут быть использованы в процессе совершенствования механизмов реализации региональной культурной политики на современном этапе.

Ключевые слова: региональная культурная политика, Юг России, Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, нормативно-правовая база, документы стратегического планирования, региональные стратегии культурного развития, целевые индикаторы, показатели эффективности культурной политики.

Для цитирования: Коваленко Т. В., Зиновьева Н. Б., Саркисова Е. Г. Культурная политика регионов юга России на современном этапе: опыт комплексного исследования региональных стратегий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 24–36. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-24-36>

Финансирование: статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России», номер государственной регистрации: 121021500262–2.

CULTURAL POLICY OF THE REGIONS OF THE SOUTH OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE: EXPERIENCE OF A COMPREHENSIVE STUDY OF REGIONAL STRATEGIES

Timofey V. Kovalenko

Southern branch of the Russian Research Institute
of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev,
Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: timofey.kovalenko@gmail.com

Nonna B. Zinovieva

Southern branch of the Russian Research Institute
of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev,
Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: nonna.zinoveva.56@list.ru

Elena G. Sarkisova

Southern branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev,
Krasnodar, Russian Federation,

e-mail: gorlik93@mail.ru

Abstract: The purpose of the study is to determine the degree of effectiveness of strategic planning as a tool for implementing cultural policy in the regions of the South of Russia at the present stage. The methodological basis of the study is the institutional-cultural approach to regional cultural policy, developed by the authors. The field of regional cultural policy is conceptualized on the basis of the views of Pierre Bourdieu, who viewed the social field as an autonomous system within which subjects of political action interact, based on a synthesis of systemic, institutional and axiological analysis. On the basis of the listed theoretical foundations, a methodology for structural and logical analysis of strategic planning documents in the field of culture has been developed. Results of the study: for the first time, a comprehensive analysis of regional cultural development programs was carried out in the constituent entities of the Southern and North Caucasus federal districts, regional features that influence the nature and pace of solving problems in the field of cultural policy were identified, target indicators of cultural development were identified and typologized for the first time, and their comparative analysis was carried out analysis. The authors note that the lack of unified approaches to program results leads to a decrease in the effectiveness of regional cultural policy strategies. The theoretical conclusions and proposals presented can be used in the process of improving the mechanisms for implementing regional cultural policy at the present stage.

Keywords: regional cultural policy, South of Russia, Southern Federal District, North Caucasus Federal District, regulatory framework, strategic planning documents, regional cultural development strategies, target indicators, performance indicators of cultural policy.

For citation: Kovalenko T. V., Zinovieva N. B., Sarkisova E. G. Cultural Policy of the Regions of the South of Russia at the Present Stage: Experience of a Comprehensive Study of Regional Strategies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 24–36. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-24-36>

Financing: the article was prepared as part of the state assignment of the Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage on the topic “Regional Culture and Cultural Policy: Development Strategies and Experience of Positive Practices in the South of Russia”, state registration number: 121021500262– 2.

Тезис Л. Харрисона «Культура имеет значение», сформулированный им по результатам многолетних межстрановых исследований территориально-культурных различий множества регионов мира, никогда не потеряет актуальности [30]. Повышенные роли культуры как драйвера социально-экономического развития регионов актуализирует вопросы изучения региональной культурной политики.

Региональная культурная политика представляет собой систему взаимосвязанных установок, задач и средств, целью которой выступает совершенствование территориальной инфраструктуры культурной жизни, развитие человеческого потенциала и рост социального

капитала. Концептуально формируясь на основе базовых принципов государственной (национальной) культурной политики с учетом географических, исторических, этнических, экономических и культурных условий конкретного региона, она представляет собой принципиально важный ресурс воспроизводства человеческого и социального капитала. Базовым документом, регулирующим процессы культурного развития в России, являются Основы государственной культурной политики (2014 г.) [23], определившие контуры действующей в настоящее время ценностно-ориентированной модели культурной политики. Согласно содержанию этого документа основным принципом региональной культур-

ной политики на современном этапе является территориальное и социальное равенство граждан.

Изучение феномена региональной культурной политики в современной России имеет достаточно солидную историографию. Только за последнее десятилетие опубликовано множество монографий по результатам исследований конкретных региональных практик [2; 4; 8; 9; 10; 11; 14; 15; 20; 21; 27; 28] и множество других материалов. При этом тема далеко не исчерпана. В 2020 году экспертами фонда «Институт экономики и социальной политики» под эгидой Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре было проведено исследование «Основы государственной культурной политики: первые итоги реализации (региональный аспект)». Резльтирующая часть этой работы посвящена разработке предложений по решению современных проблем в сфере культуры, выявленных органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации [14]. В обзоре 2022 года Л. А. Гаджиева отмечает, что «каждый из российских регионов имеет не только особенности, но и ряд проблем в осуществлении своей культурной политики» [3, с. 2658].

Методология: концептуальное поле региональной культурной политики и способности его изучения. Системное понимание роли культуры как созидательного потенциала и базового фактора модернизации региональных сообществ, развивающей традиции российской цивилизации в новых исторических условиях, требует формирования специального методологического каркаса, делающего изучение культурной политики эвристически продуктивным. Настоящее исследование выполнено в рамках институционально-культурологического подхода к региональной культурной политике, разрабатываемого авторами [5; 6; 13]. Опираясь на взгляды П. Бурдьё, согласно которым социальное поле представляет собой автономную систему взаимодействия субъектов политических действий [1], концеп-

туализировано поле региональной культурной политики. Оно образуется параллельно функционирующими региональными пространствами – культурным, политическим и экономическим, каждое из которых отражает конкретный вид человеческой деятельности. В процессе разноуровневого взаимодействия все три социальных пространства частично пересекаются, создавая взаимно трансформирующие ресурсы социальных практик. В точках их пересечения появляются социальные институты, воспроизводящие ценности и смыслы. Таким образом, сформулированная авторами методология интегрирует системный, институциональный и аксиологический анализ.

Важным условием эффективной реализации государственной культурной политики является аксиологическое содержание деятельности социальных институтов, проявляющееся в определении приоритетных направлений регионального культурного развития и предполагающее разработку эффективных механизмов оценки результатов их деятельности.

Во многом эти задачи призваны решать документы стратегического планирования. С конца 90-х годов XX века в России была сформирована и действует до настоящего времени база нормативно-правовых актов, послуживших основой как для стратегического планирования в целом, так и для стратегического планирования в сфере культуры. Минимальный перечень таких документов, а также их цели, задачи и результаты определены федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [27]. Кроме того, им установлены базовые принципы реализации и субординации на разных уровнях управления. В соответствии с поставленными на федеральном уровне задачами региональными органами государственного управления в сфере культуры ведется работа по формированию комплекса отраслевых стратегических документов – концепций, стратегий и программ развития культуры на своем (региональном) уровне.

С момента принятия федерального закона до настоящего времени в субъектах Российской Федерации институты и акторы культурной политики функционируют в рамках задач и условий, определенных этими нормативными документами. Прошедший десятилетний период дает основание подвести промежуточные итоги в этой сфере, выявить проблемы, определить степень достаточности и эффективности инструментов, применяемых для оценки результатов реализации задач стратегического планирования для развития культуры в регионах страны.

Авторским коллективом проведено комплексное исследование характера и темпов реализации задач региональной культурной политики. Базой исследования стали документы стратегического планирования в сфере культурной политики, разработанные и реализуемые в субъектах Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

В исследовании была поставлена цель – посредством анализа структуры и содержания стратегических документов, типологизации приоритетных задач, направлений, целевых показателей и степени достижения планируемых результатов определить эффективность инструментов стратегического планирования в сфере культуры.

Данная цель конкретизировалась через следующие задачи:

- изучить нормативно-правовую базу стратегического планирования в сфере культуры субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов;
- выявить региональные особенности, оказывающие влияние на характер и темпы решения задач в сфере культурной политики в регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов;
- исследовать целевые индикаторы, применяемые в документах стратегического планирования в сфере культуры субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Результаты: региональная программа развития как форма реализации культурной политики. В результате социально-культурной трансформации 90-х годов XX века в Российской Федерации были основательно изменены механизмы регуляции всех сфер общественной жизни. Фундаментом культурного развития стали *Основы законодательства Российской Федерации о культуре* (1992 г.) [17]. Помимо этого, на федеральном уровне приоритеты культурной политики Российской Федерации сегодня отражены в следующих документах стратегического характера: *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации* (2021 г.) [26], *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года* (2008 г.) [18], *Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года* (2013 г.), *Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года* (2016 г.) [20], *государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры»* (2014 г.) [18] и др. Стратегические направления развития культуры также определяются в прямых Указах Президента Российской Федерации [24; 25].

В регионах страны также активно началась разработка документов стратегического планирования. Основными нормативными актами, лежащими в основе долгосрочного планирования развития регионов, стали *Стратегии социально-экономического развития региона*, утвержденные в качестве законов. Целью разработки этих документов выступало стремление к преодолению региональных диспропорций социокультурного развития на основе учета комплекса всех существующих внутренних и внешних условий и определение перспективных направлений развития. Реализация таких стратегий осуществляется в рамках различных государственных программ, федерального и регионального уровней. В сфере культуры таким федеральным документом стала *государственная программа Российской Федерации*

«Развитие культуры», с параметрами которой (структурой, целями и показателями) для обоснования целевого планирования бюджетных средств должны быть скоординированы региональные стратегические документы.

Все региональные документы стратегического планирования условно называют «государственными программами развития культуры». Правда, в реальной практике социокультурного планирования варианты названий были достаточно разнообразны, различались подходами к внутреннему строению, разными наборами показателей, индикаторов и планируемыми результатами. В большинстве республик, краев и областей такие программы развития культуры входят в региональные программы социально-экономического развития, определяясь как подпрограммы или имея иные структурные характеристики. Отдельные регионы страны характеризуются наличием самостоятельных отраслевых программ культурного развития, ответственным за разработку, утверждение и реализацию которых, как правило, выступают органы исполнительной власти, уполномоченные в сфере культуры.

В рамках настоящего исследования были проанализированы государственные программы развития культуры всех субъектов, входящих в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Приоритеты культурного развития в отдельных случаях подчеркиваются уже в наименованиях программ (так, в Калмыкии, Астраханской, Ростовской областях и Севастополе это туризм; в Крыму – архивное дело и сохранение объектов культурного наследия), хотя в большинстве случаев они называются одинаково. Сроки реализации программ максимально различны – от четырех (Севастополь) до пятнадцати лет (Астраханская и Волгоградская область). Дважды встречается пятилетний план (Дагестан и Кабардино-Балкария). Наличествуют и другие сроки реализации программ развития культуры субъектов: семилетний (Карачаево-Черкесия и Ставропольский край), восьмилетний (Крым и Чечня),

одиннадцатилетний (Ингушетия и Ростовская область) и двенадцатилетний (Калмыкия и Северная Осетия). Государственная программа Республики Адыгея «Развитие культуры» запланирована на шестилетний период реализации (2020–2025 гг.).

Значительный разброс по хронологии реализации не позволяет осуществить синхронный анализ выполнения основных целевых показателей и индикаторов выполнения программ в разных регионах. Так, наиболее ранние программы датируются 2013–2014 годами разработки. Более того, в отдельных субъектах федерации в настоящее время реализуется уже второе поколение программ. Например, в Чеченской Республике первая программа была разработана в 2013 году и реализована в 2014–2018 гг.; в 2022 году была разработана следующая – на период 2023–2030 гг. Также в Республике Адыгея предыдущая программа завершена в 2020 году. Некоторые регионы утвердили программы значительно позже, в них реализуются программы, принятые в 2015–2020 гг.

Все анализируемые программы в основном построены однотипно. В каждой из них сформулированы цели, задачи, представлены целевые показатели (индикаторы), сроки реализации, объемы бюджетных ассигнований, разбитые по годам, а также – ожидаемые результаты. На каждую подпрограмму разработан Паспорт, в котором более детально представлены аналогичные данные: цели, задачи, целевые показатели и т. д.

Структурно программы государственного развития культуры состоят из подпрограмм. Анализ их наименований свидетельствует о приоритетных направлениях развития этой сферы в регионе. Так, практически во всех регионах уделяется большое внимание вопросам финансового обеспечения реализации программы, развитию материальной базы и другой инфраструктуры, необходимой для функционирования учреждений культуры, а также – сохранению объектов историко-культурного наследия и популяризации туризма в регионе.

Но при этом в некоторых программах были заявлены и иные приоритеты. Так, в программах некоторых субъектов федерации сделан акцент на развитие художественного образования (в программах Республики Северная Осетия-Алания, Республики Дагестан, Волгоградской области). Отдельные региональные органы, уполномоченные в сфере культурной политики, разрабатывали государственные программы в контексте задач, представленных в национальном проекте «Культура» (Астраханская область, Краснодарский край, Севастополь). В ряде регионов были сформированы подпрограммы, нацеленные на укрепление межэтнического единства и сохранение этнокультурного многообразия. В этом плане можно указать на такие подпрограммы, как «Реализация мероприятий федеральной целевой программы “Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 гг.” в Кабардино-Балкарской Республике»; «Реализация государственной политики в сфере средств массовой информации в Республике Северная Осетия-Алания»; «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Республики Калмыкия»; «Развитие музейного дела и организация мероприятий по сохранению и пропаганде истории и культуры ингушского народа», «Развитие системы библиотечного обслуживания населения и проведение мероприятий литературно-художественного направления» (Республика Ингушетия).

Таким образом, при всей функциональной общности анализируемые программы культурного развития отдельных регионов различаются структурным набором критериев эффективности, обоснованностью финансового обеспечения, детализацией сроков реализации. В ряде случаев прописаны максимально общие направления модернизации социально-культурной сферы региона, в иных – достаточно подробные дорожные карты и планы действий, снабженные полным перечнем тех или иных числовых показателей. Поэтому для объективного и целостного научного анализа результативности региональ-

ной культурной политики на основе изучения документов стратегического планирования необходима формализованная критериальная система, включающая типологизацию множества планируемых показателей и индикаторов в ряд логически взаимосвязанных групп.

Теоретическая разработка такой системы была осуществлена в рамках исследовательских программ Южного филиала Института Наследия на предыдущих этапах [7]. На основе анализа оценочного потенциала целевых индикаторов, выявленных в комплексе государственных программ развития культуры, понимания сложности их взаимосвязи, функциональной предзаданности и дополнения друг друга они были объединены в семь групп, которые можно обозначить как 1) *сеть*, 2) *мероприятия*, 3) *контингент*, 4) *финансирование*, 5) *кадры*, 6) *цифровизация*, 7) *качество*.

Приведем их краткую характеристику:

- первая группа – показатели, учитывающие количественные характеристики сети учреждений культуры в регионе разных типов и функционального назначения и их материальной базы в динамике;
- вторая группа – показатели, дающие представление о комплексе мероприятий, проводимых в регионе в рамках реализации культурной политики: о концертах, выставках, спектаклях, творческих программах; в эту группу включалась также информация об экспонировании музейных предметов и количестве книговыдач;
- третья группа – показатели, дающие представление о контингенте участников мероприятий, проведенных в рамках реализации культурной политики, а также о социальных и возрастных характеристиках участников неформальных и добровольных объединений граждан;
- четвертая группа – показатели, учитывающие информацию о финансовом обеспечении реализации культурной

политики, включая затраты на капитальное строительство и содержание фондов оплаты труда;

- пятая группа – показатели, характеризующих кадровое обеспечение отрасли, в том числе содержащие информацию о профилях и уровнях образования специалистов, о программах повышения квалификации;
- шестая группа объединяет показатели, связанные с деятельностью в области цифровизации, количество и возможности компьютерных парков, состояние программного обеспечения, темпы информатизации учреждений культуры, наличие доступа в Интернет и уровень развития информационных ресурсов;
- седьмая группа содержит показатели, свидетельствующие о степени удовлетворенности населения качеством предоставления государственных услуг в сфере культуры.

Обсуждение: многообразие векторов культурного развития. Сравнительный анализ состава показателей позволил просчитать их общее количество в программах каждого региона, установить наличие в их составе показателей, относящихся к вышеперечисленным группам и определить процент их представленности. Данные сравнительного анализа демонстрируются в табл. 1.

Проведенный анализ показал, что количественный состав используемых показателей сильно различается: от минимальных значений в 5–10 (Ростовская область, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чечня), до максимальных – в 80–90 единиц (Крым, Севастополь, Дагестан).

Наиболее полно все целевые показатели представлены в государственной программе развития культуры Республики Дагестан (100%). На втором месте по полноте использования показателей, относящихся к разным группам, располагаются Астраханская область,

Государственная программа субъекта федерации	Целевые показатели							Показатели, %
	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа	6 группа	7 группа	
Республика Адыгея	+		+				+	42,9
Республика Калмыкия			+	+	+			42,9
Республика Крым	+	+	+	+	+			71,4
Краснодарский край	+	+	+	+	+			71,4
Астраханская область	+		+	+	+	+	+	85,7
Волгоградская область	+		+	+	+			57,1
Ростовская область	+		+					28,6
город Севастополь	+	+	+	+	+	+		85,7
Республика Дагестан	+	+	+	+	+	+	+	100,0
Ставропольский край	+	+	+	+		+	+	85,7
Чеченская Республика		+					+	28,6
Кабардино-Балкарская Республика	+		+	+	+			57,1
Республика Северная Осетия-Алания	+				+		+	42,9
Республика Ингушетия			+		+		+	42,9
Карачаево-Черкесская Республика	+							14,3
Итого по группам	12	6	12	9	10	4	7	

Таблица 1. Оценка целевых показателей государственных программ регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов

Ставропольский край и Севастополь (85,7%). На третьем месте Республика Крым и Краснодарский край (71,4%). Анализ таблицы по вертикали позволил выявить наиболее часто используемые показатели. Ими стали данные, относящиеся к первой и третьей группе, то есть дающие представление о числе учреждений культуры и обслуживаемом контингенте.

Для наглядности степень полноты использования целевых показателей (индикаторов) в программах государственного развития культуры в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов визуализирована на рисунке.

Формулировки показателей также разнятся большей или меньшей детализацией.

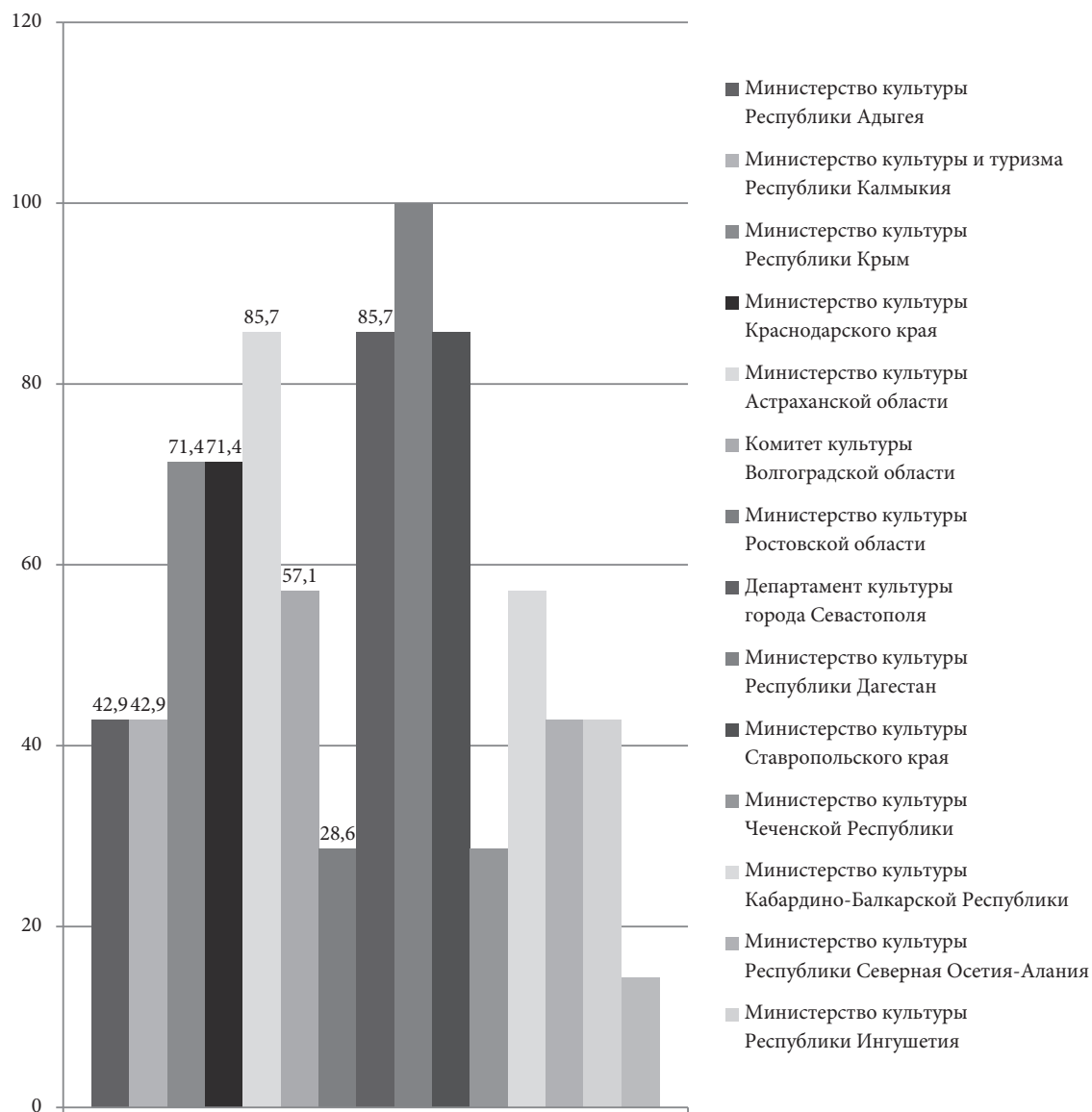

Рис. 1. Сравнительный анализ оценки целевых показателей государственных программ регионов ЮФО и СКФО

Во многих регионах их набор не совпадает с установленным перечнем в государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры». Например, в региональной программе Краснодарского края не представлен показатель «Количество созданных (реконструированных) и капитально отремонтированных объектов организаций культуры», в Республике Калмыкия – показатель «Доля зданий учреждений культуры, находящихся в удовлетворительном состоянии, в общем количестве зданий данных учреждений». Данное несоответствие происходит в связи с несвоевременным внесением изменений в паспорт региональных программ, которые должны осуществляться при корректировках показателей в федеральной Государственной программе.

Содержательный анализ целевых показателей (индикаторов) в регионах также продемонстрировал наличие различных подходов разработчиков. Так, например, в государственную программу Ставропольского края «Сохранение и развитие культуры» внесены индикаторы, которые касаются удельного веса негосударственных организаций Ставропольского края от общего количества организаций Ставропольского края, оказывающих услуги в области культуры, что свидетельствует о внимании, которое оказывается негосударственным учреждениям культуры. Здесь же отслеживается доля объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, в общем количестве объектов культурного наследия, расположенных на территории края. Правительство Ставропольского края озабочено привлечением инвестиций в сферу культуры. Поэтому в программу введены такие целевые индикаторы, как объем привлеченных из федерального бюджета субсидий и иных межбюджетных трансфертов на 1 рубль финансового обеспечения программы за счет средств краевого бюджета в рамках государственной

поддержки деятельности государственных и муниципальных учреждений культуры; объем привлеченных из федерального бюджета субсидий и иных межбюджетных трансфертов на 1 рубль финансового обеспечения программы за счет средств бюджета Ставропольского края в рамках государственной поддержки деятельности государственных и муниципальных учреждений культуры.

В государственную программу «Развитие культуры Республики Северная Осетия-Алания на 2014–2024 гг.» введены индикаторы, отражающие современные тенденции и тренды, такие как увеличение доли объектов культурного наследия, информация о которых внесена в электронную базу данных единого государственного реестра объектов культурного наследия, количество созданных виртуальных концертных залов, выставочных проектов с цифровыми гидами, онлайн трансляций на портале «Культура.РФ», количество коллективов, получивших гранты, сведения о наличии волонтеров в сфере культуры и так далее.

В государственной программе Краснодарского края «Развитие культуры» представлены в качестве целевого индикатора доля трудоустроившихся выпускников в общей численности выпускников очной формы обучения, а также – показатели потребления коммунальных ресурсов учреждениями культуры.

Региональная программа Республики Калмыкия вводит в перечень показатель «Количество мероприятий, направленных на укрепление межнационального единства, профилактику терроризма и экстремизма». В региональной программе Республики Крым установлено около пятидесяти целевых показателей, например, показатель «Количество новых спектаклей, концертных и цирковых программ, творческих проектов».

В некоторых государственных программах среди целевых показателей так или иначе просматривается попытка качественной оценки деятельности учреждений культуры. Например, среди неформальных индикаторов можно отметить такие, как

- доля граждан, удовлетворенных условиями для занятия творчеством в сфере культуры (Республика Адыгея);
- индекс вовлеченности в систему воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций (Республика Адыгея);
- уровень удовлетворенности населения Ставропольского края качеством предоставляемых государственных услуг в области культуры;
- уровень удовлетворенности граждан, проживающих на территории Чеченской Республики, качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере культуры;
- повышение уровня удовлетворенности населения Республики Северная Осетия-Алания качеством предоставления государственных услуг в сфере культуры;
- удовлетворенность зрителей качеством предоставляемых услуг (Республика Ингушетия).

Но во всех программах отсутствует обоснование того, каким образом выявить уровень удовлетворенности качеством предоставляемых услуг в сфере культуры. Решение этой проблемы в регионах осуществляется по-разному, но наиболее распространенный способ – опрос пользователей через формы, размещенные на сайте. Научно-методическое обеспечение разработки технологии такой оценки на основе формализации является крайне актуальной и перспективной задачей.

Разработанная система типологизации целевых индикаторов эффективности реализации государственных программ в сфере культуры позволяет учесть их структурную сложность и преодолеть разнонаправленность при проведении формального анализа. Исследование документов стратегического планирования развития культуры в регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов позволило установить следующее:

- анализ региональных программ выявил различные сроки их реализации, что делает невозможным сопоставить их результаты;
- структура региональных программ отличается от структуры государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры»; состав показателей, их значения, единицы расчета, измеримость и т. д. не совпадают с установленными на федеральном уровне;
- помимо рекомендуемых вводятся большое количество собственных индикаторов, опирающихся на региональные приоритеты.

Таким образом, отсутствие единых подходов к программным результатам приводит к снижению эффективности стратегий региональной культурной политики. По итогам исследования рекомендуется обратить пристальное внимание на вопросы достижения соответствия и сопоставимости индикаторов и показателей стратегических документов всех уровней в сфере культуры. Решение этой проблемы поможет сформировать методологический и методический инструмент оценки результатов реализации задач региональной культурной политики.

Список литературы

1. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. Москва: Socio-Logos, 1993. 333 с.
2. Винокурова Е. П. Культурная политика в Республике Саха (Якутия): этно- и геокультурные особенности. Новосибирск: Наука, 2014. 155 с.

3. Гаджиева Л. А. Современные тенденции развития региональной культурной политики в России // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8. С. 2652–2661.
4. Генова Н. М., Хилько Н. Ф. Культурная политика региона в формировании культурного пространства городов Омского Приртышья. Омск: Амфора, 2016. 142 с.
5. Горлова И. И., Коваленко Т. В. Духовное неравенство и прикладные задачи культурной политики // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24. С. 105–111.
6. Горлова И. И., Коваленко Т. В., Бычкова О. И. Культурная жизнь российской провинции: состояние, тенденции, противоречия (на примере Краснодарского края) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 28–36.
7. Горлова И. И., Зиновьева Н. Б., Костина Н. А. Целевые индикаторы для оценки результатов реализации государственных программ культурного развития регионов // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20. № 4. С. 340–350.
8. Двуреченская А. С., Елескина О. В. Региональная культурная политика: теория и практика (на материале Кемеровской области). Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2010. 260 с.
9. Денисов Н. Г. Политика культуры – культура политики – культурная политика. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2020. 269 с.
10. Кондыков А. С. Культура и культурная политика России. Социокультурный аспект. Барнаул: Алтайский государственный институт культуры, 2017. 139 с.
11. Копцева Н. П., Лузан В. С. Государственная культурная политика в Сибирском федеральном округе: концепции, проблемы, исследования. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 183 с.
12. Костина Н. А., Пархоменко Т. А., Саркисова Е. Г. Проблемное поле и приоритеты региональной культурной политики // Наследие веков. 2022. № 4. С. 51–59.
13. Культурная политика – 2020: взгляд субъектов Российской Федерации на основные проблемы и их решения: [аналитический доклад] // Москва: Институт экономики и социальной политики, 2021. 138 с.
14. Новосельская В. А. В. Культура как ресурс инновационного развития территорий. Симферополь: Ариал, 2019. 152 с.
15. Ориентиры культурной политики XXI века: актуальные исследовательские тренды: коллективная монография. Челябинский государственный институт культуры, 2019. 175 с.
16. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утверждены Верховным Советом Российской Федерации 09.10.1992 № 3612–1) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005213>
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091763>
18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902130343>
19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006>
20. Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход): коллективная монография. Москва: Институт Наследия, 2019. 206 с.

21. Смирнов Г. А. Региональная культурная политика России 90-х гг. XX в.: теория и практика. Москва: Московский государственный институт культуры, 2013. 129 с.
22. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/420242192>
23. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/557309575>
24. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/565341150>
25. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/607148290>
26. Федеральный закон от 28.07.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: URL: <https://docs.cntd.ru/document/420204138>
27. Шевчугова С. П. Региональная социально-культурная политика: проблемы управления и инновации. Москва: МосГУ, 2012. 70 с.
28. Шиманская И. Ю., Медведева Н. В. Механизмы актуализации культурно-исторического наследия в муниципальных образованиях Российской Федерации. Москва: Перспектива, 2019. 160 с.
29. Culture Matters: How Values Shape Human Progress / Eds. Lawrence E. Harrison and Samuel P. Huntington. New York: Basic Books, 2000. 348 p.

*

Поступила в редакцию 13.11.2023

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ПАРКОВ НА БАЗЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРОШЛОГО (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

УДК 712.00

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-37-46>

Д. А. Прокудина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: dariap@bk.ru

Е. К. Прокудина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: prokudina-elena@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу зарубежного опыта преобразования вышедшей из употребления железнодорожной инфраструктуры в рекреационные зоны с применением современных архитектурных решений, паркового искусства и садоводства. Создание Променада Планте (Promenade Plantée/ Coulée Verte René-Dumont) в Париже позволило сберечь индустриальный объект эпохи промышленной революции. При этом он выполняет новые функции, крайне востребованные сегодня, – рекреационной зеленой зоны в плотной городской застройке, улучшающей качество жизни населения, а также сохранения культурной идентичности и нематериального наследия. Хай-Лайн (The High Line) в Нью-Йорке – яркий пример преобразования ржавеющей надземной железной дороги в инновационный парк с оригинальным архитектурным и ландшафтным оформлением. Кроме того, Хай-Лайн стал многофункциональной площадкой для современного искусства, культурных мероприятий, концертов, образовательных программ. Появление Хай-Лайна – пример успешного гражданского активизма. Хай-Лайн улучшил качество жизни населения в тесном перенаселенном мегаполисе и внес существенный вклад в экономику города за счет роста налоговых поступлений и появления многочисленных рабочих мест. Создавая подобные парки, следует учитывать и возможные негативные последствия, такие как избыточная застройка на прилегающей территории и чрезмерный наплыв туристов. В современных российских реалиях создание парков на базе вышедшей из употребления железнодорожной инфраструктуры представляется перспективным направлением развития городов XXI века.

ПРОКУДИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры истории и теории мировой культуры, философский факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРОКУДИНА ЕЛЕНА КОНСТАНИНОВНА – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации, философский факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

PROKUDINA DARIA ALEKSANDROVNA – CSc in Social Sciences, Research Scientist at the Department of History and Theory of World Culture, the Faculty of Philosophy, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

PROKUDINA ELENA KONSTANTINOVNA – CSc in Social Sciences, associate professor at the Department of Philosophy of Language and Communication, the Faculty of Philosophy, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

© Прокудина Д. А., Прокудина Е. К., 2023

Ключевые слова: парк, железная дорога, повторное использование индустриальной инфраструктуры, индустриальное наследие, ревитализация, Променад Планте, Куле верте Рене-Дюмон, Хай-Лайн.

Для цитирования: Прокудина Д. А., Прокудина Е. К. Социокультурные аспекты создания парков на базе индустриальной инфраструктуры прошлого (зарубежный опыт) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 37–46. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-37-46>

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF CREATING PARKS BASED ON THE INDUSTRIAL INFRASTRUCTURE OF THE PAST (FOREIGN EXPERIENCE)

Daria A. Prokudina

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: dariap@bk.ru

Elena K. Prokudina

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: prokudina-elena@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of foreign experience in the transformation of disused railway infrastructure into recreational areas using modern architectural solutions, park art and gardening. The creation of the Promenade Plantée/ Coulée Verte René-Dumont in Paris made it possible to save an industrial facility of the Industrial Revolution era. At the same time, it performs new functions that are extremely in demand today: a recreational green zone in dense urban housing, improving the quality of life of the population, as well as preserving cultural identity and intangible heritage. The High Line in New York is a vivid example of the transformation of a rusting elevated railway into an innovative park with original architectural and landscape design. In addition, the High Line has become a multifunctional platform for contemporary art, cultural events, concerts, and educational programs. The emergence of the High Line is an example of successful civic activism. The High Line has improved the quality of life of the population in a cramped, overpopulated metropolis and has made a significant contribution to the city's economy through increased tax revenues and the creation of numerous workplaces. When creating such parks, possible negative consequences should also be taken into account, such as redundant building in the surrounding area and excessive influx of tourists. In modern Russian realities, the creation of parks based on disused railway infrastructure seems to be a promising direction for the development of cities of the XXI century.

Keywords: park, railway, reuse of industrial infrastructure, industrial heritage, revitalization, Promenade Plantée, Coulée Verte René-Dumont, The High Line.

For citation: Prokudina D. A., Prokudina E. K. Socio-cultural aspects of creating parks based on the industrial infrastructure of the past (foreign experience). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 37–46. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-37-46>

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Актуальная проблема нашей страны – заброшенные индустриальные объекты прошлого, которые со временем разрушаются, подвергаются вандализму и становятся маргинальными территориями. Они не только выглядят неэстетично, но и представляют угрозу для населения. Заброшенные производственные цеха, железнодорожные пути, мосты и тоннели встречаются как в мегаполисах, так и в малых городах, в промышленных зонах и сельской местности. В свое время в их создание были вложены значительные трудовые усилия и материальные ресурсы, а демонтаж сегодня предполагает существенные финансовые расходы. Важно отметить, что многие из них представляют культурно-историческую ценность.

С этой проблемой страны Европы и США столкнулись еще в 1970-х годах. Становление постиндустриального общества, развитие глобальной экономики, сопровождаемое переводом производств в азиатские страны, – все эти процессы привели к закрытию многих предприятий. Существенно менялся и облик крупных городов: промышленность перемещалась за их границы. Со временем вырабатывались перспективные решения этой проблемы, которые представляют интерес и для нашей страны, столкнувшейся с ней позднее, начиная с 1990-х годов, ознаменовавшихся распадом СССР и деиндустриализацией страны.

Железные дороги – яркий символ промышленной революции и научно-технического прогресса – в современных условиях во многом утрачивают свое значение. Наследие железнодорожной эры, представляющее собой результат грандиозного человеческого труда, – это многокилометровые пути, мосты через водные преграды, железнодорожные станции, путепроводы, эстакады, виадуки, тоннели, галереи и прочие инфраструктурные объекты. Оно обладает значительным потенциалом повторного использования, которое может способствовать социально-экономическому и культурному общественному развитию.

В 1859 году во Франции была построена железная дорога, соединившая столицу с Верней-Этаном. Она начиналась на площади Бастилии и проходила через город Венсен. Особенности рельефа потребовали возведения виадука с шестьюдесятью семью арками. В 1969 году дорога была закрыта, ее фрагмент интегрировали в региональную сеть скоростных поездов, а участок от площади Бастилии до Венсенского леса был заброшен [11].

Администрация города поручила Парижскому ателю урбанизма выработать решение о дальнейшей судьбе этого участка. Вариант ликвидации виадука был отвергнут, так как это неблагоприятно сказалось бы на эстетическом облике проспекта Домениль, вдоль которого он проходит. Было решено превратить его в зеленую пешеходную зону [9]. Бастильский же вокзал демонтировали; на его месте построили здание новой оперы, открытое в 1989 году.

Преобразование виадука проходило в конце 1980-х – начале 1990-х годов после приобретения городом прав на использование объекта у Национального общества железных дорог Франции [9]. Внутри конструкции было решено создать мастерские для ремесленников, носителей уникальных знаний и навыков, уходящих в небытие. Под руководством архитектора Патрика Бергера (Patrick Berger) строение отреставрировали и доработали – со стороны улицы арки были закрыты стеклянными фасадами. Так появились светлые мастерские, которые вместе с тем стали «витринами» ремесел, поскольку позволяют прохожим наблюдать за производственным процессом и видеть выставленные в них изделия.

Сейчас Виадук искусств (Le viaduct des arts) – это пространство, в котором работают разнопрофильные ремесленники и дизайнеры. Они изготавливают и восстанавливают струнные и духовые музыкальные инструменты, создают изделия из кожи, светильники из бронзы, мебель, украшения, реставрируют живопись, выдувают стекло и т. д. [10]. Здесь проводятся мастер-классы, которые знако-

мат с процессом создания витражей, обуви, бижутерии, а также позволяют участникам освоить, например, изготовление керамики [13; 20]. В Виадук искусства также разместились кафе и рестораны.

Открытие Виадук искусства, несомненно, является вкладом в сохранение нематериального культурного наследия Франции. Мастерам создают комфортные условия труда, предоставляют канал продвижения и сбыта продукции. Здесь они могут передавать свои знания и навыки ученикам. Такая институция обеспечивает как преемственность ремесленных традиций, так и популяризацию культурного наследия.

В контексте миграционного кризиса, вызванного большим количеством иммигрантов с иными традициями, обычаями, образом жизни [2, с. 309], а также – процессами глобализации, во Франции остро встает вопрос сохранения собственной культурной идентичности. Виадук искусства помогает французам ее не утратить, а также является пространством, где туристам предоставляется редкая возможность познакомиться с национальными традициями страны и приобрести памятную продукцию парижских мастеров вместо безликих сувениров иностранного производства.

Одновременно с созданием Виадук искусства шла работа по устройству Променада Планте/ Куле верте Рене-Дюмон (Promenade Plantée/ Coulée Verte René-Dumont), которой руководили архитектор Филипп Матьё (Philippe Mathieux) и ландшафтный дизайнер Жак Вержели (Jacques Vergely).

Парк, разбитый на виадук, представляет собой аллею, с двух сторон обрамленную деревьями, кустарниками, травами и цветами. Особенности конструкции во многом определили и ландшафтные решения. Крупные деревья посадили в опорах моста, где можно было обеспечить максимальную глубину почвы – 1,6 м. [4, р. 24]. Для масштабного озеленения на ограниченной территории и зонирования применяются металлические арки, колонны и прочие конструкции, которые обвивают ли-

аны и плетистые розы. На виадук оборудованы открытые смотровые площадки, позволяющие обозреть город, а также – уютные садовые комнаты. Украшение парка – водные каналы, окаймленные ирисами и лавандой, по обе стороны от которых проложены пешеходные дорожки.

От виадук путь продолжается по длинному подвесному мосту над газоном Сада Рейи (Jardin de Reuilly), созданного на месте старой товарной станции. Здесь горожане отдыхают на траве, загорают, устраивают пикники.

Променада Планте тянется по аллее Вивальди, а затем проходит сквозь железнодорожный тоннель, внутри имитирующий грот. Его стены отделаны камнем, кое-где по валунам струятся небольшие пещерные водопады.

Выйдя из грота, гуляющие неожиданно попадают будто бы в лес. Променада продолжается в ложбине, появившейся в результате строительства железной дороги. Ее склоны, поросшие густой зеленью, создают ощущение, что находишься вдали от большого города. На пути предстоит пересечь тоннели, входы и выходы которых украшают свисающие лианы. Завершается парк общей протяженностью 4,5 км. неподалеку от Венсенского леса.

Создание Променада Планте/ Куле верте Рене-Дюмон позволило сохранить индустриальный объект эпохи промышленной революции. Изящная инженерная конструкция XIX века с геометричными арками и искусной красно-белой каменной кладкой не только уцелела, но благодаря преобразованиям стала выглядеть еще привлекательнее. При этом она выполняет новые функции, крайне востребованные сегодня: сохранение культурной идентичности и нематериального наследия, а также создание рекреационной зеленой зоны в плотной городской застройке, улучшающей качество жизни населения. Особого внимания заслуживает то, как удачно удалось встроить в парк железнодорожные тоннели и ложбину, привносящие в прогулку разнообразие впечатлений.

Сторонники экологического подхода в градостроительной политике обращают внимание на то, что этот парк – прекрасный пример формирования непрерывной системы открытых зеленых пространств в городе, элемента его экологического «каркаса» [1, с. 58]. Такой каркас благоприятно сказывается на экологии, а также позволяет горожанину, практически не покидая озелененных территорий, добраться до Венсенского леса – крупнейшего зеленого массива Парижа на его окраине.

Новаторский опыт преобразования железнодорожной инфраструктуры в рекреационную зону стал образцом для подражания. Как рассказывают сотрудники парка, сюда из Канады, США, Сингапура, Германии и других стран приезжают архитекторы и ландшафтные дизайнеры [4, р. 25].

Именно этот пример вдохновил и инициаторов создания парка Хай-Лайн (The High Line) [7] в Нью-Йорке Джошуа Дэвида (Joshua David) и Роберта Хаммонда (Robert Hammond). Вестсайдская надземная линия была возведена в 1934 году для нужд промышленных предприятий. Постепенно железнодорожные грузоперевозки заменялись автомобильными, предприятия закрывались. Часть железной дороги была снесена, но участок, проходящий через районы Митпэкинг и Челси, сохранился. Последний поезд прошел здесь в 1980 году, после чего дорога была выведена из эксплуатации и заброшена.

Как пишет Роберт Хаммонд, когда в 1999 году он впервые поднялся на эстакаду, то по-настоящему влюбился в это место. Р. Хаммонда поразила его внутренняя «напряженность»: сочетание твердого и мягкого, диких трав и рекламных щитов, индустриальных реликвий и природного ландшафта, вид на Эмпайр-стейт-билдинг на фоне полевых цветов [12, р. 11]. Надо сказать, что к концу XX века эстакада производила неоднозначное впечатление. Массивная ржавеющая конструкция, маргинальная территория с зарослями трав, цветов и даже деревьев, выросших среди рельсов и шпал, так разительно

контрастировавшими с плотной застройкой мегаполиса.

В 1999 году на заседании общественного совета района Челси, как вспоминает Джошуа Дэвид, никто, кроме него, не разделял идею сохранения железной дороги за исключением одного присутствующего – Роберта Хаммонда. Они объединили свои усилия и создали некоммерческую организацию «Друзья Хай-Лайна» [19].

К 2000 году решение проблемы заброшенной железной дороги зашло в тупик. Уже много лет крупные владельцы недвижимости района Челси выступали за снос эстакады, снижавшей ее стоимость. Им вторило руководство предприятий, примыкающих к ней, страдающих от пожаров, мусора и вандализма. Но для транспортной компании демонтаж означал колоссальные расходы, хотя предпринимать что-то было необходимо. Ее ежегодное содержание обходилось в приличную сумму. «Друзья Хай-Лайна» предложили иной путь – разбить на эстакаде парк. Их главным аргументом был успешный опыт парижского Променада Планта, проверенный жизненной практикой. Перспективы масштабного развития района, которые рисовали энтузиасты, не убеждали администрацию мэра Рудольфа Джулиани, и им дали понять, что не стоит рассчитывать на городское финансирование [5].

В такой ситуации Д. Дэвиду и Р. Хаммонду стало очевидно, что для реализации мечты нужно активно привлекать общественность. Начали они с того, что показали ньюйоркцам красоту дикой природы эстакады. Знаменитый фотограф Джоэл Штернфельд (Joel Sternfeld) целый год делал снимки, запечатлевая ее в разные сезоны.

Следующим шагом стало проведение международного «конкурса идей» вторичного использования эстакады, на который из разных стран поступило 720 предложений, включая такие оригинальные, как создание бассейна и американских горок [8]. Конкурс вызвал большой общественный резонанс, многие узнали о проекте.

Параллельно «Друзья Хай-Лайна» искали поддержки знаменитых и влиятельных людей, в числе которых оказались известные дизайнер Диана фон Фюрстенберг и актер Эдвард Нортон, политики, юристы, обеспеченные бизнесмены. Они содействовали реализации проекта, оказывали финансовую помощь и организовывали сбор средств. Новый мэр Майкл Блумберг, которому «Друзья Хай-Лайна» обещали существенный рост налоговых поступлений, поддержал проект. В результате город выделил средства на создание парка, к которому были добавлены деньги, собранные общественностью.

К работам были привлечены архитектурная дизайн-студия «Diller Scofidio + Renfro» и фирма ландшафтной архитектуры Джеймса Корнера (James Corner) «Field Operations» из Нью-Йорка. Как вспоминает Д. Корнер, сильное впечатление произвело на него то, как природа берет верх над руинами: обилие растений и даже пение птиц на массивном сооружении из стали и бетона. Источник вдохновения для создания дизайна парка, добавляет он, был прямо перед ними [12, р. 33].

Именно это возрождение природы в индустриальной зоне, оставленной человеком, стало лейтмотивом Хай-Лайна. Травы, цветы и деревья растут здесь среди рельсов и шпал, но теперь это не стихийный процесс. Он умело спроектирован голландским ландшафтным дизайнером Питом Удольфом (Piet Oudolf), практикующим натуралистический, максимально приближенный к природе подход к садоводству с опорой на многолетники и травы. Такой «дикий сад» особенно ярко контрастирует с плотной городской застройкой Манхэттена. Примечательно, что сад создавался так, чтобы выглядеть живописно в течение всего года, «растения должны иметь характер и хорошо выглядеть и после цветения», – подчеркивает Пит Удольф [14].

Парк открывался этапами с 2009 по 2019 год. Путешествие по нему представляет собой тщательно срежиссированный маршрут со сменой садов, общественных пространств, встречей с современным искус-

ством, обеспечивающий яркие и разнообразные впечатления.

Когда посетитель поднимается по лестнице с улицы Гансеворт, он оказывается среди деревьев. Своеобразие лесной зоны создают многочисленные серые березы, которые в изобилии растут среди рельсов и шпал. Это те самые рельсы, которые в прошлом были на эстакаде. Предварительно почищенные и возвращенные на Хай-Лайн, они напоминают о его истории. Между деревьями пестрят цветы, зеленеют папоротники, а с эстакады ниспадают лианы. В парке предусмотрены многочисленные места для сидения и смотровые площадки, представлены произведения современного искусства.

Из зарослей гуляющий попадает на луг, пройдя который оказывается в пассаже, на стене которого показывают видео-арт. Дело в том, что временами железная дорога проходила сквозь строения, что облегчало погрузку и разгрузку продукции. В таких пространствах были оборудованы пассажи.

Выйдя из него, предлагается посмотреть на Гудзон со смотровой площадки и отдохнуть на деревянных шезлонгах у ручья. На заброшенной эстакаде в этом месте скапливалась дождевая вода, и дизайнеры решили создать здесь водный объект. Это позволило также обогатить флору парка болотными цветами и травами. Путь продолжается сквозь пассаж бывшей бисквитной компании, ныне преобразованной в гастрономический Рынок Челси (Chelsea Market), где расположена зона питания.

Пройдя его, посетитель получает возможность со смотровой площадки увидеть любопытный объект – ответвление железной дороги, засаженное растительностью. Оно упирается в стену расположенного неподалеку здания. Обычно здесь выставляют масштабное произведение искусства. Когда-то оно служило для того, чтобы поезд мог въехать на склад торговой компании. Со временем въезд был замурован. Примечательно, как дизайнерам удалось превратить короткую, тупиковую ветку в достопримечательность Хай-Лайна.

Вскоре гуляющий выходит к необычному амфитеатру, деревянные ступени которого спускаются вниз. Завершается он окном, обращенным на шумную 10-ю авеню. Здесь предлагается отдохнуть и понаблюдать за рекой автомобилей, а вечером – вереницей огней. Амфитеатр используется и для проведения мероприятий. Пройдя открытые солнцу луга, сменяющиеся лесной чащей, предлагается отдохнуть на газоне или на высоких деревянных ступенях.

За полем луговых цветов и трав начинается медленный подъем по металлическому мосту. Посетитель оказывается среди пышных крон деревьев, в числе которых особенно заметны крупнолистные магнолии с белыми ароматными цветами. Ветви находятся так близко, что до них можно дотронуться рукой. Такое дизайнерское решение вдохновлено прошлым Хай-Лайна. На заброшенной эстакаде здесь были обнаружены заросли деревьев, выросшие благодаря влажному микроклимату. Он создается из-за зданий, с двух сторон примыкающих к эстакаде и защищающих от ветра. «Полет» в пышных кронах деревьев представляется удачным дизайнерским решением для этого узкого прохода, как бы сдавленного с двух сторон постройками.

Немного погодя посетитель оказывается у развилки: направо уходит ответвление эстакады, а налево – ее продолжение, следующее к реке Гудзон. Даже когда решение о создании парка было принято, и уже велись строительные работы, это ответвление продолжало находиться под угрозой сноса. В 2008 году «Друзья Хай-Лайна» инициировали информационно-пропагандистскую кампанию, направленную на его спасение [17]. В итоге ему было найдено полезное применение. На этом широком ответвлении соорудили озелененную площадь с высокими деревянными ступенями для сидения, предназначенную как для отдыха, так и для проведения мероприятий. А в центре установили пьедестал, где демонстрируются монументальные арт-объекты.

Художники из разных стран мира подают на рассмотрение комиссии проекты арт-объектов, из которых выбирают те, которые будут представлены здесь 18 месяцев. Так, например, сейчас это скульптура «Старое дерево» малинового цвета высотой более 7,5 метров швейцарской художницы Памелы Розенкранц [15]. Уникальная особенность ответвления эстакады как выставочного пространства состоит в том, что расположенное над оживленной 10-й авеню, оно представляет произведение искусства не только посетителям Хай-Лайна, но и всему городу.

Вернувшись на основную эстакаду, посетитель направляется к Гудзону. Здесь открывается живописный вид на реку и предусмотрено много мест для отдыха. Примечательны дорожки, представляющие из себя фрагменты рельсов и шпал. Шпалы глубоко вкопаны, чтобы было удобно ходить. Хай-Лайн поворачивает направо, идет вдоль реки и вскоре завершается. В этой зоне было решено оставить практически без изменений флору заброшенной эстакады.

Прогулка по Хай-Лайну – это одновременно и встреча с «дикой» природой, и погружение в архитектурную среду Нью-Йорка. Парк пересекает улицы, открывая интересную перспективу. Некоторые здания примыкают к нему, позволяя окунуться в атмосферу разных эпох. Постройки XIX века с характерной красной кирпичной кладкой и чугунными пожарными лестницами сменяются творениями таких известных архитекторов, как Захи Хадид и Томас Хизервик, а завершается Хай-Лайн среди стеклянных небоскребов XXI века. Освещение специально установлено внизу, эффектно подсвечивая зелень и не мешая обозревать город. Хай-Лайн стал многофункциональной площадкой для представления современного искусства, культурных мероприятий, концертов, образовательных программ для детей, подростков и взрослых, а также – центром волонтерского движения.

Успех проекта превзошел все ожидания. Парк вошел в число основных достопримечательностей города. До пандемии количество

посетителей достигало 8 миллионов человек в год [6]. Он стал образцом для подражания и источником вдохновения для создателей многочисленных проектов повторного использования индустриальной инфраструктуры в США и других странах мира. В целях обмена опытом была создана Сеть Хай-Лайна, объединяющая подобные проекты в США и Мексике. Как отмечает Джошуа Дэвид, когда они отстаивали идею разбить парк на эстакаде, возможность указать на парижский Променад Планте имела для них огромное значение. А теперь успех Хай-Лайна может исполнять роль такого ориентира [18].

Появление Хай-Лайна существенно повлияло на развитие территории. Надо сказать, что администрация Нью-Йорка планировала модернизировать эту часть города, но Хай-Лайн во многом стал катализатором процесса. В 2015 году в построенное рядом с парком здание переехал Музей американского искусства Уитни. Поблизости от парка появились новые жилые дома, магазины, отели, рестораны. Строительство активизировалось до такой степени, что рядом вырос новый район небоскребов Хадсон-Ярдс.

Примечательно, что Хай-Лайн продолжает расширяться за пределами эстакады, способствуя дальнейшему развитию территории. После открытия в 2021 году зала Мойнихана Пенсильванского вокзала в модернизированном здании почтамта возникла идея связать его с Хай-Лайном. В 2023 году были построены два соединенных моста – деревянный из аляскинского кедра и озелененный, напоминающий Хай-Лайн, примыкающий к ответвлению эстакады. Теперь, выйдя из здания вокзала, миновав небольшую площадь, а затем эти два моста, можно быстро добраться до парка.

Хай-Лайн улучшил качество жизни населения в тесном перенаселенном мегаполисе и внес существенный вклад в экономику города за счет роста налоговых поступлений и появления многочисленных рабочих мест. Помимо инновационного парка появились и другие современные общественные пространства.

Но такой чрезмерный успех чреват и неоднозначными последствиями для местного сообщества. Почти треть жителей района Челси составляет малообеспеченное цветное население, часть которого проживает в государственных домах [3]. Территория из более или менее доступной стремительно превращается в район для богатых. Стоимость недвижимости и ее аренды существенно возросла. Парк переполнен туристами. В 2017 году Р. Хаммонд вынужден был заявить: «Мы хотели сделать это для района <...> В конечном итоге мы потерпели неудачу» [3].

В начале 1990-х годов Променад Планте стал образцом того, как вышедшая из употребления железнодорожная инфраструктура может обрести новую жизнь. Она не только позволяет местным жителям гулять, отдыхать и заниматься спортом на природе среди шумного города, но и помогает французам сохранять историческую память, материальное и нематериальное наследие, культурную идентичность.

Успех Хай-Лайна сделал этот опыт всемирно известным. Он показал, какой огромный потенциал может быть заложен в предназначенной под снос ржавеющей эстакаде. Важно подчеркнуть, что это была победа гражданского активизма, низовой инициативы. «Друзьям Хай-Лайна» удалось не только спасти эстакаду как общественное пространство, – частная застройка была весьма вероятной альтернативой, – но и реализовать сверхуспешный проект [16]. Примечательно, что парк существует на деньги общественности: почти 100% его годового бюджета собирают «Друзья Хай-Лайна» [7].

Опыт рассмотренных проектов демонстрирует, как специфические особенности железнодорожной инфраструктуры, которые на первый взгляд выглядят как помехи, такие как короткие и тупиковые ответвления эстакады, тоннели, ложбины, можно превратить в достоинства парков и даже достопримечательности. Безусловным преимуществом создания таких парков является и экономия денежных средств, так как вводится в экс-

плутацию уже имеющаяся инфраструктура и нет необходимости производить затратный демонтаж.

В перенаселенных мегаполисах XXI века использование вышедших из употребления железных дорог для создания парков представляется особенно перспективным в связи с их спецификой: они практически не пересекаются с автомобильными. Это позволяет создавать протяженную зеленую пешеходную зону, важную для физического и психического здоровья горожан, а также – для улучшения экологической ситуации. Кроме того, они могут стать основой для развития непрерывной сети пешеходных зон города. Согласно видению «Друзей Хай-Лайна», соединение зала Мойнихана с Хай-Лайном – это часть проекта «Связи», призванного расширить возможности пешеходов.

Создавая подобные парки, конечно, следует учитывать и возможные негатив-

ные последствия, такие как непомерная активизация строительства, многочисленные туристы, но не стоит преувеличивать эту угрозу. Проблемные аспекты, связанные с чрезмерным успехом Хай-Лайна, главным образом, обусловлены его местоположением. Остров Манхеттен обладает ярко выраженной спецификой: ограниченность территории, обилие небоскрёбов, дефицит зелени, крайне высокая плотность населения, громадный туристический поток. Кроме того, у района с промышленным прошлым, в котором находится Хай-Лайн, был большой потенциал постиндустриальной модернизации. В современных российских реалиях создание парков на базе вышедшей из употребления железнодорожной инфраструктуры представляется перспективным направлением развития городов XXI века.

Список литературы

1. Белкин А. Н., Дормидонтова В. В. Зачем Парижу Promenade plantee // Лесной Вестник / Forestry Bulletin, 2018. Т. 22. № 1. С. 58–63.
2. Саркисян Ж. М. Современные миграционные тенденции во Франции // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 302–311.
3. Bliss L. The High Line's Next Balancing Act. February 7, 2017. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-07/the-high-line-and-equity-in-adaptive-reuse>
4. Coffin J.-F. Une coulée verte sur la bonne voie. Jardins – Jardins de France 642 – Juillet-août 2016. P. 23–26.
5. Dunlap D. W. Which Track for the High Line? The New York Times. Dec. 31, 2000. URL: <https://www.nytimes.com/2000/12/31/realestate/which-track-for-the-high-line.html>
6. Higgins A. The High Line has been sidelined. When it reopens, New Yorkers may get the park they always wanted. The Washington Post / June 24, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/home/the-high-line-has-been-sidelined-when-it-reopens-new-yorkers-may-get-the-park-they-always-wanted/2020/06/23/5e2a59e0-acd1-11ea-94d2-d7bc43b26bf9_story.html
7. High Line. URL: <https://www.thehighline.org/>
8. History. High Line. URL: <https://www.thehighline.org/history/>
9. LA COULÉE VERTE RENÉ-DUMONT (PROMENADE PLANTÉE DE PARIS). Philippe Mathieux. Architecte. URL: <https://www.philippemathieux.com/promenade-plantee-paris-coulee-verte-rene-dum>
10. Le viaduct des arts. URL: <https://www.leviaducdesarts.com/en/>
11. LE VIADUC DES ARTS, PARIS. Patrick Berger architecte, Paris. URL: <https://www.patrickberger.fr/Le-viaduc-des-arts-Paris>
12. Oudolf P., Darke R. Gardens of the High Line: Elevating the Nature of Modern Landscapes. Timber Press, 2017. 320 p.

13. ParisLocal 2023: 14 artisans vous ouvrent les portes de leurs ateliers au Viaduc des Arts. Novembre 2023. Le viaduct des arts. URL: <https://www.leviaducdesarts.com/article/parislocal-2023-14-artisans-vous-ouvrent-les-portes-de-leurs-ateliers-au-viaduc-des-arts>
14. Piet Oudolf at home in the garden. The English Garden. 3rd February 2015. URL: https://www.theenglish-garden.co.uk/interviews/piet_oudolf_at_home_in_the_garden_1_3941963/
15. Plinth. Pamela Rosenkranz. Old Tree. High Line. URL: https://www.thehighline.org/art/projects/pamela-rosenkranz/?utm_source=highline&utm_medium=website-homepage&utm_content=website-homepage&utm_campaign=art
16. *Sherman D.* Chapter 2: Community Engagement, Equity, and the High Line / Lindner C., Rosa B. Deconstructing the High Line: Postindustrial Urbanism and the Rise of the Elevated Park, RUTGERS UNIVERSITY PRESS, New Brunswick, Camden, and Newark, New Jersey, and London, 2017, P. 28–40.
17. Spur. High Line. URL: <https://www.thehighline.org/design/spur/>
18. *Taylor K.* After High Line's Success, Other Cities Look Up. July 14, 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/07/15/arts/design/15highline.html>
19. The Inside Track On New York City's High Line. SEPTEMBER 3, 2011. www.npr.org. URL: <https://www.npr.org/2011/09/03/140063103/the-inside-track-on-new-yorks-high-line>.
20. Wecandoo. Ateliers d'initiation aux métiers de l'artisanat. URL: <https://www.leviaducdesarts.com/ateliers/wecandoo>

*

Поступила в редакцию 15.11.2023

ПАРКИ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА 1920–1930-х ГОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

УДК 712(470)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-47-52>

Е. А. Лупина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: official@park-gorkogo.com

Аннотация: В статье отмечено, что с первых лет советской власти в нашей стране разрабатывались новые формы массовой работы, одной из которых становится создание учреждений, где политико-просветительская работа соединена с культурно-идеологической. К этому типу и относились парки культуры и отдыха, создаваемые в 1920–1930-е годы в СССР. Помещенные в политизированный контекст эпохи визуальные артефакты (парки культуры и отдыха, произведения искусства и пр.) способствовали возникновению специфического символического образа, «визуального лексикона». В статье подчеркивается, что основной целью проводимой властью пропаганды становится формирование из отдельных личностей не только единого советского народа, «коллективного человека», но и «коллективного автора». Делается вывод, что формирование идеи парка культуры и отдыха в советской культуре 1920–1930-х годов характеризовалось укорененностью в традиции отечественной культуры, почвенностью, а также имело прямое отношение к концепции города-сада, возникшей в отечественной градостроительной практике в начале XX века.

Ключевые слова: парк культуры и отдыха, город-сад, социалистический город, советская культура, символ.

Для цитирования: Лупина Е. А. Парки культуры и отдыха 1920–1930-х годов в политическом и художественном пространстве советской эпохи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 47–52. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-47-52>

PARKS OF CULTURE AND RECREATION OF THE 1920s AND 1930s IN THE POLITICAL AND ARTISTIC SPACE OF THE SOVIET ERA

ЛУПИНА ЕЛЕНА АМИРАНОВНА – соискатель кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры, директор Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького

LUPINA ELENA AMIRANOVNA – Applicant at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture; Director of M. Gorky Central Park of Culture and Recreation

© Лупина Е. А., 2023

Elena A. Lupina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
M. Gorky Central Park of Culture and Recreation,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: official@park-gorkogo.com

Abstract: The article shows that since the first years of Soviet power in our country, new forms of mass work have been developed, one of which is the creation of institutions where political and educational work is combined with cultural and ideological work. Parks of culture and recreation, created in the 1920s and 1930s in the USSR, belonged to this type. Visual artifacts placed in the politicized context of the epoch (parks of culture and recreation, works of art, etc.) contributed to the emergence of a specific symbolic image, a "visual lexicon". The article notes that the main purpose of the propaganda carried out by the government is the formation of individuals not only of a single Soviet people, a "collective person", but also a "collective author". In conclusion, it is concluded that the formation of the idea of a culture and recreation park in the Soviet culture of the 1920s – 1930s is marked by its rootedness in the tradition of national culture, soil, and is also directly related to the concept of a garden city that arose in domestic urban planning practice in the early XX century.

Keywords: park of culture and recreation, garden city, socialist city, Soviet culture, symbol.

For citation: Lupina E. A. Parks of culture and recreation of the 1920s and 1930s in the political and artistic space of the soviet era. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 47–52. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-47-52>

Архитектура начала XX века в России (прежде всего, авангардная) предлагала немало градостроительных проектов, имевших утопический характер, и большая часть из них так и не была реализована. Она недаром получила название «бумажная», так и оставшись лишь на бумаге. Все предлагаемые проекты уже в дореволюционный период были направлены на кардинальное переустройство городского пространства, на его преобразование. И это полностью совпадало с направленностью уже советской власти на создание идеального города будущего, о чем свидетельствуют многочисленные проекты того времени («Город на рессорах» А. М. Лавинского, «Город на воздушных путях сообщения» Т. Г. Крутикова и др.). Но для реализации идеи по созданию нового мира требовалось разработать иные принципы градостроения и художественный язык. Кроме того, все создаваемое должно было свидетельствовать о преимуществах нового политического строя. Именно в этом новом политическом и художественном контексте и возникают парки культуры и отдыха в 1920–1930-е годы.

В научном дискурсе есть немало подходов к трактовке политического пространства, каждый из которых формировался в разное время, а, следовательно, в границах различных теоретических моделей. Среди них можно выделить два основных. Первый базируется на идее географического детерминизма, декларирующего зависимость организации жизни общества от природных факторов (климатические условия, природные ресурсы и пр.). Именно они, с точки зрения представителей этого подхода (Р. Аронов, Ф. Ратцель, Э. Симпл), воздействуют на форму и особенности организации общественного и государственного устройства.

Второй подход основан на представлении о том, что человек и общество пребывают не только в природно-физическом пространстве, но ориентируются на разновидности идеального пространства, влияющего на модель поведения и взаимодействия различных социальных групп (П. Сорокин, Я. Морено и др.). Такого рода явление характеризуется многомерностью и гетерогенностью, а потому и жизненное пространство, с данной

точки зрения, это не отражение природных обстоятельств жизни людей, а выражение их представлений о прошлом и будущем. В таком контексте политическое пространство оказывается пронизано как идеологическим, так и художественным смыслом. Это сложное полисемантическое образование, которое нуждается, в частности, в искусстве для придания ему политико-идеологической легитимности. В связи с этим важную роль в политическом пространстве играет символический компонент, выступающий ресурсом для его конструирования.

Уже в 1920-е годы все сферы жизни советского человека были политизированы. В этот период происходило не только осмысление идеи нового общественного устройства, но наряду с этим шел поиск новых социальных форм. Осмысление нового происходит посредством символов, поскольку они «сливаются в значимые для нас образы, чувственно понимаемые и наделенные знаковым смыслом» [12, с. 52]. Символ, бытование которого возможно в виде образа, слова, знака, выступает своего рода сигналом из той или иной сферы, в том числе и общественно-политической. Более того, символическое может отражать то, чего еще нет, выступает некой потенцией, которая со временем способна перейти в актуальное состояние, и это оказалось очень важно для ситуации в России 1920-х годов.

Социализм возник не вдруг, не сразу после Октябрьской революции 1917 года, поэтому перед советской властью стояла задача не только сконструировать новое социальное бытие, но и убедить советских граждан в том, что оно уже существует как образ жизни и политическая реальность. Искусству в этом процессе отводилась одна из ведущих ролей, поскольку оно тоже наделено способностью конструировать, а не просто изображать образы в определенной взаимосвязи. В связи с этим Парк культуры и отдыха – как синтез природного и культурного, как воплощение новой визуальности – стал своеобразным символом новой власти.

Уже в первые годы советской власти прибегали к разным формам вовлечения советского человека в рождающуюся политическую реальность новой России (плакатное искусство, экскурсионная деятельность, киносеансы и пр.). При создании нового социокультурного пространства большевики опирались на разнообразные способы «репрезентации наиболее значимых для формируемого советского общества представлений и образов» [10, с. 269]. В данном случае можно говорить о стремлении в этот период к расширению визуальности в культуре.

Одна из главных целей большевиков в первое десятилетие после прихода к власти – создание «нового человека», которому присущи новые идеи, новое восприятие мира, новые воспоминания. Достигалось это в том числе путем замены прежних памятных событий новыми представлениями. Рождению нового советского человека способствовали и те вербальные и визуальные средства, которыми пользовалось искусство с момента его возникновения. При подавляющей неграмотности населения именно эти средства стали главным инструментом возможностей презентации государственной власти, как это было в Древнем Египте, в Месопотамии, повсеместно в Средние века. Задача искусства в 1920–1930-е годы состояла не в приукрашивании действительности, а в замене прежней социальной реальности новой. А это означает, что «замене подлежит здесь и сейчас протекающее настоящее. Речь идет об особом рода модальности: это не замена настоящего будущим, но попытка представить будущее настоящим» [2, с. 28].

В связи с этим проводимая советской властью культурная политика была нацелена на формирование нового типа визуальности. Помещенные в политизированный контекст эпохи визуальные артефакты (парки культуры и отдыха, произведения искусства и пр.) способствовали возникновению специфического символического образа, «визуального лексикона». Воспитательная и просветительская деятельность новой власти должна была

охватить как можно большее число граждан советской России. Это связано с тем, что «горизонт житейского опыта среднего гражданина редко выходил за пределы деревни или уездного центра, простираясь самое большое до ближайшего крупного города, или же завода, на котором работали члены его семьи» [8, с. 240]. В связи с этим в советской культуре стали постепенно отказываться от сложного художественного языка авангарда, который для подавляющей массы населения был непонятен, заменяя его традиционными для русской культуры образцами. Это иконописные образы и лубочные картинки, отсылки к которым можно обнаружить в советском плакате, это традиция праздничных гуляний, продолжение которых видно в массовых демонстрациях и митингах.

В таких условиях особую значимость приобретает фокус зрения, а инструментом для упорядочивания объектов рассмотрения выступает советская зрелищность в целом. «Установка на "факт" вытесняется» в этот момент «мультимедийной инсценировкой идеологических эмблем и мифологических образов» [11, с. 10]. Именно в указанной ситуации парки культуры и отдыха, массовые демонстрации и празднества приобретают статус своего рода образца, канона, на который следовало ориентироваться их массовому участнику. Более того, декларируемые ими ценности должны были перейти из общественно-публичной сферы в частную жизнь каждого советского человека, выступая своего рода маркером для определения его «советскости».

Работа в этом отношении велась социалистическим государством в разных направлениях с опорой на «верования, мифы и метафоры», которые «выступали инструментами для облегчения проникновения идей в массовое сознание». Отметим позицию К. Гирца, который, в частности, указывал на «образную природу идеологического мышления, наполненного различными метафорами и тропами» [10, с. 269]. С другой стороны, по мнению М. Маклюэна, в этот

период молодому советскому обществу было достаточно «адаптировать свои традиционные восточные иконы и построение образа к новым электрическим средствам коммуникации, чтобы быть агрессивно эффективными в современном мире информации» [6, с. 394].

Основной целью советской пропаганды было формирование из отдельных личностей единого советского народа. Но это был не только «коллективный человек», но и «коллективный автор». На протяжении первых трех десятилетий в послеоктябрьский период активно используется так называемый «бригадный метод». Подобный способ работы можно обнаружить в искусстве других стран, но особенность советского варианта заключается в том, что он получает идеологическое обоснование как новая форма социалистического творчества. Многие крупномасштабные проекты в советской художественной культуре были выполнены при использовании «бригадного метода». Многие из мастеров 1920–1930-х годов считали его одной из моделей искусства будущего. Но можно говорить и о «почвенности» этих представлений, поскольку в Древней Руси превалировала артельная форма в архитектуре и изобразительном искусстве.

Материалы заседания Исполкома Моссовета весной 1927 года свидетельствуют о том, что в то время был поднят вопрос о необходимости открытия «Большого рабочего центра». Среди причин его создания значилась необходимость замены им традиционных религиозных форм. Именно в контексте христианства формируется представление о саде как модели мира, его иконе, рае. Сад начинают сопоставлять с Эдемом, с «райскими кущами». «По сути, рукотворный рай – это усовершенствованная и абсолютно безопасная среда, в которой человек может чувствовать себя комфортно и умиротворенно, удовлетворяя свое извечное желание быть ближе к матери-природе» [4, с. 53].

Таким образом, идея «райского сада» как пространства, где городской житель имел

возможность вернуться в природное окружение, а многие горожане приобрели этот статус совсем недавно, а до этого проживали в деревне, базировалась на социальном запросе. С другой стороны, она соединилась в 1920-е годы с идеей преобразования окружающего мира, лежавшей в основе многих утопических проектов в России начала XX века. «Осуществляемые в данной ситуации преобразования должны были приобрести статус радикальных и затронуть не только социум, где следовало установить порядок, но и распространиться на природную реальность» [10, с. 266].

Отметим, что в Советской России приоритет получили научные направления, способные активно вторгаться в мир природы. Эта тенденция нашла отражение в трансформации подходов к градостроительству. Буквально за два десятилетия с отечественной архитектурно-градостроительной мыслью произошли кардинальные изменения. В начале XX века доминирующей была концепция города-сада, которая в 1917–1920 годы получила дальнейшее развитие. Однако уже к 1925–1926 году она оказывается под запретом, а на смену ей приходит идея советского рабочего поселка, которую к концу 1920-х годов заменила идея социалистического города.

С 1920-х годов в основу развития парков культуры и отдыха легла идея массового озеленения. Доступная для общественности единая зеленая зона начала складываться с центра Москвы в 1922 году. Эта же тенденция прослеживается и в Генеральном плане реконструкции Москвы, который был утвержден в 1935 году. В своем выступлении на заседании пленума Моссовета в 1934 году Л. М. Каганович отмечал, что Сталин под массовым озеленением имеет в виду не отдельные газоны, а большие «парковые массивы, которые мы всемерно должны развивать в Москве и ее ближайших окрестностях» [3, с. 5].

Посредством подобных пространств политическая элита могла осуществлять пропа-

ганду социалистических идей и воспитывать граждан в соответствии с ними. Безусловно, Москва, пережившая в 1920-е годы процесс ускоренной индустриализации и урбанизации (их начало относится к рубежу XIX–XX веков) стала образцом и ориентиром для других советских городов. Реализовываемые здесь проекты задавали стандарты, которые в дальнейшем были распространены на остальную территорию СССР.

Итак, новое политическое пространство советской эпохи предполагало особую взаимосвязь его идеологической и художественной составляющих. Новое социальное бытие не возникло вдруг и сразу после Октябрьской революции 1917 года. Это был процесс созидания ранее неизвестных форм политической жизни, к символическому аспекту которых имело отношение социалистическое искусство. На протяжении 20–30 годов XX века разрабатывались формы массовой работы, одной из которых становится создание учреждений, где политико-просветительская работа соединена с культурно-идеологической. К этому типу и относились новые типы парков культуры и отдыха 20–30 годов XX века, насыщенные символами народной власти и будущего коммунистического бытия. С другой стороны, идея их создания укоренена в сложившихся еще в предшествующий период традициях. Так, еще в Древней Руси сформировались представления о «райском саде» и традиции праздничных гуляний, в которые были вовлечены фактически все жители города или деревни. Этот вид развлечений следует определить как синкретический, поскольку не представляется возможным выделить отдельные его элементы. Таким образом, формирование идеи парка культуры и отдыха в советской культуре 1920–1930-х годов отличается укорененностью в традициях отечественной культуры, «почвенностью», а также имеет прямое отношение к концепции города-сада, возникшей в отечественной градостроительной практике в начале XX века.

Список литературы

1. *Бакулов В. Д.* Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2003. 352 с.
2. *Добренко Е.* Политэкономика соцреализма. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
3. *Долганов И.* Зеленые насаждения советского города // Проблемы садово-парковой архитектуры. Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1936. С. 1–24.
4. *Лавренова О. А.* Садово-парковое искусство и метаязык города // География искусства: новые ракурсы. Сборник статей. Москва: ГИТР, 2020. С. 52–59.
5. *Лосев А. Ф.* Самое само: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
6. *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Москва–Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле. 2003. 464 с.
7. *Мамардашвили М.* Лекции по античной философии. Москва: Аграф, 1997. 320 с.
8. *Плаггенборг Шт.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2000. 416 с.
9. *Подорога В. А.* Пространство и власть. Геополитика русского авангарда. А. Платонов и В. Шаламов. Москва: Культурная революция, 2022. 296 с.
10. *Синявина Н. В.* Концепт «устремленность в будущее» как элемент концептосферы русской культуры: монография. Москва: МГИК, 2022. 365 с.
11. Советская власть и медиа: Сборник статей под общей ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсен. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006. 614 с.
12. *Ставицкий А. В.* Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэст, 2013. 156 с.
13. *Угрехелидзе Е. А.* Культура городского парка в 1920–1950-е годы (на примере Нескучного сада) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3. С. 89–95.

*

Поступила в редакцию 30.10.2023

СЕМЬЯ И «КУЛЬТУРА СЕМЕЙНОСТИ»: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 316.6

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>

К. А. Тюрин

Южно-Российский гуманитарный институт,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: kirillturin161@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются противоречия современной культуры семейности на примере постсоветской семьи. Актуальность темы проистекает из утраты традиционных ценностных представлений о семье, которая грозит не только снижением рождаемости и уменьшением населения, но и распадом межличностной коммуникации вкупе с нарушением социализации. С точки зрения автора, ценность семьи в России в последнее столетие постоянно подрывалась, с одной стороны, приоритетами государства, с другой – идеями индивидуализма. Оказывает влияние и западная пропаганда пересмотра гендерных представлений. Автор считает, что хотя государство и создает условия для доминирования определенных ценностей, подлинная «культура семейности» создается в самой семье, которая не противопоставляет себя государству и не склоняет человека к индивидуализму. Опыт семейных историй, популярных в массовой культуре нашего времени, свидетельствует о противоречиях изолированной ценностной стратегии семьи. Ценности культуры семьи могут складываться при усвоении семейного нарратива, но его ресурсы недостаточны для формирования культуры семейности, в которой семья получает ценностную интерпретацию на уровне общества в целом.

Ключевые слова: семья, самосознание, культура семейности, семейная история, ценности, традиция, государство, нравственность, городская семья, патриархальная семья.

Для цитирования: Тюрин К. А. Семья и «культура семейности»: традиция и современность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 53–63. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>

FAMILY AND THE "CULTURE OF FAMILISM": TRADITION AND MODERNITY

Kirill A. Tyurin

South Russian Humanitarian Institute,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: kirillturin161@gmail.com

Abstract: The article analyzes the contradictions of modern family culture on the example of the post-Soviet family. The relevance of the topic stems from the loss of traditional value perceptions of the family, which threaten not only the decline in birth rate and population, but also the disintegration of interpersonal communication coupled with impaired socialization. From the author's point of view, the value of the fami-

ТЮРИН КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант Южно-Российского гуманитарного института

TYURIN KIRILL ALEXANDROVICH – Postgraduate student of the South Russian Humanitarian Institute

© Тюрин К. А., 2023

ly in Russia over the last century has been constantly undermined by the priorities of the state on the one hand, and by ideas of individualism on the other. Western propaganda for the revision of gender perceptions has also had an impact. The author believes that although the state creates conditions for the dominance of certain values, the true "culture of family life" is created in the family itself, which does not oppose the state and does not incline people to individualism. The experience of family stories popular in the mass culture of our time testifies to the contradictions of the isolated value strategy of the family. The values of family culture can be formed in the assimilation of the family narrative, but its resources are insufficient for the formation of a culture of familism, in which the desire of the family receives a value interpretation at the level of society as a whole.

Keywords: family, self-consciousness, family culture, family history, values, tradition, state, morality, urban family, patriarchal family.

For citation: Tyurin K. A. Family and the "culture of familism": tradition and modernity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 53–63. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-53-63>

Тема семьи, несомненно, востребована в рамках философской повестки сегодняшнего дня. Семья сегодня часто рассматривается в контексте изучения кризиса традиционной культуры и системы традиционных ценностей. А в современных сложных условиях нарастания глобальных противоречий обращение к семье в первую очередь обусловлено поиском оснований человеческого общежития и воспроизводства населения в развитых странах, а также – стремлением к сохранению подлинно человеческих способов социализации индивидов.

Современное российское общество пребывает в состоянии качественного пересмотра как роли семьи и семейных ценностей в государстве, так и изменения отношений между обществом, семьей и отдельным человеком. По решению Президента РФ В. В. Путина 2024 год объявлен в нашей стране годом семьи. Эта акция не просто символична, она указывает на остроту проблемы и востребованность всестороннего осмысления сложившейся ситуации. Глава государства говорит нам: «Многодетность, большая семья должны стать нормой, образом жизни для всех народов России. А семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, источник нравственности. Поддержка семьи, материнства, детства должна охватывать работу всех без исключения сфер государственного управления, нашу экономическую, социальную,

инфраструктурную политику, просвещение и образование, здравоохранение, конечно» [7].

Острота демографической проблемы дополняется сложностью вопроса возрождения ценности семьи как источника нравственного здоровья общества. Очевидно, что простое расширение государственных программ поддержки материнства и детства, усиление законодательной базы функционирования института семьи для исчерпывающего решения проблемы явно недостаточно. Требуется особое внимание к культуре семьи и семейности, изменение ценностного отношения к которым в жизнедеятельности каждого человека возможно на пути преодоления накопившихся в прошлом противоречий. Они и составляют предмет предлагаемой статьи.

Основная *проблема* заключается в следующем. В условиях утраты наставнического статуса государства по отношению к семье в конце XX века, а также – еще ранее – искусственно надломленной связи семьи с культурной национальной почвой, современная российская семья осталась наедине с собственной жизненной историей (своеобразное сиротство семьи). Именно эта история стала единственным легитимным в массовом сознании источником становления ценностного каркаса воспитания и формирования коммуникативной стратегии семьи. *Семейный нарратив* – то немногое, что сохранилось в сознании простого человека в качестве фундаментальной ценности на фоне

павших «больших» исторических нарративов народа, нации, государства. Его эволюция в контексте влияния массовой культуры и прозападных идеалов шла по пути увеличения и укрепления дистанции между семьей и различными внесемейными смыслами или целями (общественными).

Поэтому для решения стоящих перед современным российским государством масштабных задач необходимо выявить объективные предпосылки баланса индивидуальных семейных ценностей (сохранившихся на уровне культуры семейности как культуры определенных жизненных драм и историй) и всеобщих значимых. Без этого баланса семья вряд ли будет обретаема государством в качестве реальной нравственной основы жизни общества. С ним же связана и тема семейного воспитания, образования, преодоление конфликтов семьи и школы, семьи и других публичных институтов, ставших заметным явлением в наше время. При этом речь не идет о создании нового идеала семьи. Его универсальный вариант вряд ли вообще необходим. Семейный идеал всегда индивидуален, несмотря на наличие сквозных жизненных «сюжетов». Но вот *культура семейности* во многом действительно может рассматриваться как определенный механизм адаптации лично обретенного ценностного видения себя и общества, с одной стороны, и желательного – со стороны общества/государства, с другой.

Ценности семейной жизни не могут увести человека в сторону от общества. Желание иметь семью нормально не только как ответ на зов природы, но и как желание утвердить (реализовать предметно) собственный уникальный жизненный проект. Вот этот момент принципиален. Время ныне экзаменует на прочность и зрелость само это *желание семьи как часть культурного опыта*.

Семья и культура города: вехи судьбы. Современная российская семья очевидно находится в трудном положении. С ней связываются общественные и государственные надежды и ожидания по возрождению и укреплению нравственной основы жизни каждого

человека. Через этот индивидуальный путь, в процессе семейного воспитания, образования, передачи опыта и ценностей от поколения к поколению, транслируется *национальный код культуры* и иные значимые мировоззренческие ориентиры. Без них общество как единый организм оказывается в исторической перспективе менее устойчивым. В то же время – в результате целой череды крупных социальных потрясений минувшего столетия – семья как определенный институт, как форма существования индивида в обществе, реализующая единство биологической и культурной граней реальности человека, как способ двусторонней связи общества и каждого его члена, оказалась в ситуации глубокой дезориентированности.

Официальная идеология советского времени отвергла основы традиционного патриархального русского «умостроя» (и «домостроя» как его исторической конкретизации), высвободив из его вековых форм первоклеточку любой, даже самой большой, семьи – отношения мужчины и женщины, результатом которых становится их родительский статус, влекущий за собой предписанные государством приоритеты социального, правового, экономического поведения.

Конечно, в такой идеологической установке считывалась вполне объективная историческая логика: весь мир, а не только наша страна, шел по пути научно-технологического прогресса и интенсивной урбанизации. Большая патриархальная семья своим господством в течение длительного времени в первую очередь была обязана аграрному способу производства, жизни «на земле» с ее независимыми от человека циклическими закономерностями, трудностями и радостями. Городской же тип населения, который, начиная как раз с XIX века, стал активно занимать ведущие позиции в структуре европейского и российского социума, опирался на иные принципы.

Глубинные архетипы жизни деревенской семьи – это широкий пространственный горизонт (и в прямом, и в символическом смысле), *круг*, в котором представитель каждого поколения (от старика до младенца) занимает

свою функциональную нишу. Культура деревенской семейности (читай: семейственности) опирается на ценность коллективного труда, на опыт старших членов большой семьи; ей свойственны риторичность, определенный моральный ригоризм и метафоричность. Культура деревенской семьи – это всегда культура земли, культура «мы». И в этом «мы» важны смыслы повторения, *возврата к почве*; откуда также проистекают особенности положения в такой семье детей, женщин, юношей [6]. Правовой статус деревенской семьи вторичен по отношению к обычаю (на Руси это был знаменитый «Домострой» [3]).

В свою очередь городская семья, которая на сегодняшний день образует массовую структурно-функциональную, символическую, экономическую и правовую «единицу измерения» всей современной цивилизации, есть способ прогрессивного покорения жизненного пространства и времени. Это именно в городской семье культура совместного быта родителей и детей (или иных, но непременно близких родственников) стала рассматриваться в логике продвижения «вперед», качественного изменения, улучшения, рывка, цели, которая всегда в будущем. Именно для урбанизированной социокультурной среды стала актуальной метафора семьи как «крепости» (семья сельская крепка почвой), а семейный нарратив получил свободные и более индивидуализированные формы выражения. Культура городской семейности опирается на ценности индивидуального воспитания и образования (ребенка необходимо формировать, активно творчески определять, а не просто прививать ему любовь к труду и трепетное уважение к опыту старших); труд также значим, но он не рассматривается уже как самоценность и самоцель.

В городской семье смена поколений, что очень важно, ценностно оправдана. Особенно этот мотив был характерен для советского общества: дети должны жить лучше, чем родители. Впрочем, не только для советского, если вспомним опыт Франции 1960-х годов. Именно городская семейность, как

опыт общительного (общественного) единства родителей и детей, стала опытом проблематизации возраста (во всяком случае, в западном мире) и в этом качестве также составила предмет внимания философов нашего времени [5]. Впервые в культуре городской семьи стали востребованы смыслы потребления (и соответственно, улучшения быта, инфраструктуры проживания и т. п.), социальной поддержки и помощи, гражданско-правового статуса взрослого члена семьи, наконец, смыслы *изменения как такового*, эволюционирования семьи. Именно в культуре городской семьи появляются *истории* как рассказы (легенды) о том, «как было раньше» и о том, «как стало теперь».

Внутри городской семьи существенно изменились культурные смыслы времени (для городского семьянина чрезвычайно важны различные «расписания», «часы», периоды работы и отдыха и т. п.); отношение к нему стало носить явно выраженный конструктивный векторный характер. *Семейность* как совместный *опыт жизнестроительства* и как вариация совместной судьбы формируется в качестве биографии или же автобиографии. Культура городской семьи в большей степени подвержена дисциплинарным практикам государства и различных публичных институтов. Формально зафиксированная норма и правило в ней играют большую роль, чем ссыла на предшествующий опыт или ценность фундамента.

Говоря о современном обществе, конечно, следует понимать, что ни сельская, ни городская семья не существует абсолютно изолировано друг от друга. Более того, городской тип семьи сегодня вовсе не обязательно может территориально находиться в городской черте. Благодаря развитию информационных технологий сам дух урбанизма и все формы его проявления охватывают ныне практически все основные лакуны социального опыта. В антропологическом ландшафте новейшего времени доминирует профиль большого города. Современник и его семья, конечно, преимущественно горожане. Но главное отли-

чие городской семейности от патриархальной (аграрно обусловленной) заключается в *ранге и содержании ценностей и смыслов*.

Семейность патриархальная – это статичная культура начала, истока, генезиса, охранения. *Семейность городская – это динамичная культура вызова, победы, цели*. Поэтому городской семье свойственен определенный нигилизм в отношении любого социально-культурного устоя. Причем, нигилизм отнюдь не деструктивный, а скорее, наоборот, новаторский нигилизм борца, строителя, первопроходца. Архетипы и хронотопы патриархальной семьи горизонтальны, городской – вертикальны. Внутри городской семьи разрывы и разломы оцениваются в ином свете, нежели в патриархальной деревенской семье. Городская семья склонна к ценностному нейтралитету и идеализации успеха. Деревенская семья крепка *местом*; городская – *дорогой*.

Культура семейности в постсоветском обществе: противоречия индивидуального выбора. Все эти особенности и противоречия городской культуры нашли свое выражение в жизни советской семьи. Ее главная особенность, моральная основа и пропагандируемая функция – производство «советского человека». Достижение такого универсализма было возможно только за счет нивелирования конкретных ролей семьи в процессе воспитания и образования каждого нового поколения. Удивительный факт: в советской семье именно приходящее на смену родителям следующее поколение, дети, затем внуки, всегда обладали большей ценностью в глазах общества. Для советского времени была очень характерна *семейная метафорика*: «общество как семья», «фабрика как семья», «школа как семья», «единый советский народ как большая семья» и т. п., что само по себе говорит об изменении культурного, социального статуса самой семьи (по отношению к обществу традиционному, «домостроительному»). Семья все более доминировала в своеобразной обезличенной форме. В «домодерновом» обществе культура семейности все-таки подчинялась более масштабным фронтальным структурам

«отцовства – материнства». Эти древнейшие метафоры отражали и соответствующее видение предназначения семьи. У «советского человека», конечно же, тоже были отец и мать, но чего было больше в его официальной установке – апелляции к собственной семье или к обществу в целом как семье – вопрос далеко не простой. С крушением советской государственности семья лишилась своего наставника, нравственного координатора и главного «заказчика».

Глубокий социокультурный кризис, в омут которого было ввергнуто российское общество на излете минувшего столетия, в первую очередь, и был кризисом семьи, оказавшейся в ситуации масштабного социального, нравственного, ценностного, экономического сиротства. В качестве простой производственной «единицы» (ячейки) общества ей оказалось очень тяжело не только нести бремя первичной педагогической огранки детей, но и сохранять уже накопленный опыт семейной жизни, ценность семейных историй, существующих наряду с историями «большими» (страны, народа и пр.). Более того, одним из вариантов выхода из сложившегося кризиса и смысловой дезориентированности на уровне простой семьи стал рассматриваться *отказ* от какой бы то ни было всеобщей значимой (значимой для общества в целом, для государства, даже для своего родного края, региона, города и т. д.) стратегии воспитания, образования. Главная цель семейного «взросления» индивида стала рассматриваться откровенно в оппозиционном к обществу и государству ракурсе. Судьбоносный маятник исторического хронометра качнулся в сторону иной крайности: если сама семья есть источник и цель собственной ценности («субъектности», как сказали бы философы), то определение задач развития и укрепления семьи также должно всецело носить *свободный и автономный характер*.

Эта крайность легла в основу множества социальных конфликтов рубежа веков: конфликта между семьей и школой, между гражданской идентичностью, гражданскими

(конституционными) долженствованиями индивида (например, юноши, который обязан нести воинскую службу) и заложенными внутри семьи ценностями и смыслами индивидуального жизненного пути. Список можно продолжить. И главное в нем – отсутствие общности интересов, понимания роли семьи именно в укреплении общественных институтов, наконец, *обесценивание самой культуры семейности, семейственности (фамильности)* и самого человека в той мере, в какой он сам себя определяет не только как «бывшего» ребенка, но и будущего/настоящего родителя. Во всяком случае, задумывающегося о таком, казалось бы, вполне привычном способе собственного социально-культурного взросления, требующим определенной внутренней психоэмоциональной и статусно-ролевой перенастройки личной жизненной программы, нарратива, проекта.

Социальные конфликты семьи и публичной сферы в 90-е годы дополнялись различными иллюзиями и своеобразными «мифами». Если вынести за скобки вопрос о причинах их широкого распространения, связанных с прозападной пропагандой, то их общий интеграл можно охарактеризовать следующим образом: культура семейности стала приравниваться к *практике ограждения семьи (как родителей, так и детей) от каких бы то ни было прошлых или будущих моральных требований и максимум.* По *форме* воспитание стало еще больше акцентироваться на внутрисемейном фронте. Но *по содержанию* творческий (жизнеутверждающий) потенциал подобной внутрисемейности оказался очень скудным.

Семейная история и проблема ценностного выбора: авторство как проблема. Место бывших некогда в советское время нравственных градаций и иерархий стало быстро заполняться такими абсолютизируемыми идеями как «мой ребенок», «мой дом» и т. п. Очень показательным симптомом такого идеализирующего (по сути, ложного) восприятия семьи как *моей собственности* является тиражирование многообразных «семейных историй» в современной массовой культуре.

Не последнюю роль в этом процессе играют СМИ (для которых семейная история – лишь один из немногих «ликвидных» товаров, будоражащих с экрана чувствительность зрителя, его неустойчивую психоэмоциональную конституцию), «желтая» пресса, «женские романы», Интернет и социальные сети, просто символика и кодировка потребительского культа и гедонистического жизненного императива.

На первый взгляд, массовый интерес к семейным историям (например, историям «звездных» семей представителей шоу-бизнеса, известных политиков, олигархов и т. д., а также различных телепроектов по онлайн-созданию семейных пар, от момента первого свидания до расставания уже состоявшейся супружеской пары) говорит о росте ценности семьи в обществе. Слезы умиления, радости или горечи на экране стали для нас практически нормой. Зритель (он же активный потребитель, покупатель соответствующей медийной продукции) заинтересованно принимает участие в судьбе очередной жертвы семейного насилия, мужской/женской «неверности», корысти, подростковой жестокости, алчности, детского/родительского предательства и иных наиболее востребованных сценариев постсоветского семейного нарратива. Его герои вовсе не обязательно гламурные «дивы» или пижоны. Нередко мы смущенно наблюдаем за картиной жизни российской семьи, что называется, в отдаленной «глубинке», когда боль личная, интимная, прочно связывается с болью и несправедливостью социальной, «народной».

Однако если задуматься: что скрывается за всем этим обилием так искренне и вместе с тем цинично преподносимых «историй»? Желание ли отстоять определенные нравственные смыслы или идеи? Тем более что практически в каждой рассказываемой истории всегда есть своя «изюминка», некий пикантный поворот фабулы, неожиданный подарок судьбы, одним словом, свое непереносимое отклонение от *нормальной* семейной жизни. Для массовой культуры и господствующей в ней логики товарно-денежных отношений

нормальная семья на самом деле *неинтересна*. Но дело не только в поиске наиболее продаваемого броского товара. «Создавая огромное поле потребления “семейных продуктов”, массовая культура виртуозно и разнообразно играет с реальностью и в реальность. Претендуя на роль социального психотерапевта, она “лечит” больное тоталитарным прошлым общество” и помогает ему осуществить переход: весь вопрос – куда? Реализуя глубинные стратегии консьюмеристского общества, массовая культура становится эффективным способом зарабатывания огромных денег, прежде всего – путем формирования очень емкого рынка образов, моделей поведения и стратегий жизненного успеха» [8, с. 153]. Для урбанизированной жизненной среды отмеченная автором «игра в реальность» весьма характерна: современный город – это царство непрекращающегося «праздника жизни» (в том и суть его скрытых рыночных механизмов), пребывание в котором питает индивида иллюзиями и аллюзиями бытийного насыщения (а по факту – насыщения подобиями, намеками, бликами, фантиками, множеством ситуаций «как бы»). Современный город с его многообразием услуг, комфортной средой и иными плюсами, питает потребительское восприятие также и воспитания детей. Неопытные молодые родители все время стремятся отдать своего малыша в какой-нибудь очередной «кружок» для развития у него того или иного умения, навыка. Все это происходит *как бы* и на уровне знаков.

Есть и еще один, даже более важный, аспект. В массово тиражируемых семейных историях явно преобладает мотив саморазоблачения, такая своеобразная экранная версия искренности и исповеди. Данный мотив и есть то, что успешно «покупает» зрителя/читателя. Возникает эффект *авторского* проекта истории семьи (или истории моего одиночества как вариации темы семьи). То есть история семьи, изложенная определенным образом, со своими акцентами, пробелами и смысловыми концентратами обретает черты внутренне нравственно *оправданного* произведения. Подобно любому художе-

ственному произведению (именно подобно!) семейная история сама определяет критерии моральной оценки, «правды» и «лжи», успеха и неудачи и т. д. Происходит делегирование полномочий нравственного кодекса и самосознания простому автору семейной истории, рассказчику собственной судьбы или истории жизни близких людей. Ни государство, ни какой-то социальный институт (церковь, школа, армия, этническое сообщество, иная культурная страта), ни даже *другая семья* (напомним, что в патриархальном традиционном обществе она обладала таким правом – особенность деревенского образа жизни) не могут отныне интерпретировать или как-то менять внутренние мотивы, ценности и символы семейной жизни. Иными словами, культурная, этическая, педагогическая *легитимация* той или иной конкретной практики семейного жизнестроительства опирается исключительно на *смысловые ресурсы, заключенные в рассказанной/показанной хронике семьи (или даже отдельного человека)*. Напомним, что ложный характер публичной исповеди как раз в русле осмысления кризиса традиционной семейной культуры был раскрыт в творчестве Ф. М. Достоевского (особенно в романах «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Далекое не всякая искренность обладает нравственным значением. Искренность и истинность не всегда тождественны.

Семейная история как *история*, конечно, может рассматриваться в качестве современной вариации преодоления нравственного отчуждения индивида в семье (о котором писал еще Гегель [2, с. 245] и позже Энгельс [9], отмечая негативные стороны семьи как ячейки общества). Однако идеализация *рассказанного* всякий раз становится неизбежностью уже хотя бы потому, что для массового восприятия искренность и саморазоблачение однозначно маркируют *подлинность*, а подлинность в сознании россиянина всегда соседствует с критериями нравственного, должного, истинного (это соседство заложено очень глубоко в структурах коллективной психологии русской культуры).

И, далее, такая идеализация на самом деле оказывается *контрпродуктивной* по отношению к самой же семье как опыту социально-культурного становления «я». Для простого человека, который всегда изначально есть ребенок, семья – это первый и самый важный опыт жизни в обществе. Вектор такой жизни, как бы он ни оправдывался внутрисемейными коллизиями, ошибками или неожиданными «подарками судьбы», не может конфликтовать с обществом. Особенно в ситуации, когда на государственном уровне провозглашается масштабная задача восстановления нравственной основы жизни этого самого общества.

Семейная история как источник противоречия личности и общества. Можно ли в таком дистанцировании семейной истории и ее внутреннего ценностного профиля от общественных норм обвинять автора истории? Если, конечно, речь не идет об откровенно коммерческом проекте очередного онлайн-окна в чужую семью. Думаем, вряд ли. В нашей стране в сложное постсоветское время рубежа веков подобный семейный нарратив нередко оставался едва ли не единственным нравственным заветом, равнозначным как для родителей, так и для детей. В нормальной семье уважение, поддержка, помощь старикам или детям и взаимное понимание между членами семьи всегда были нормой. Не всегда получалось следовать этой норме, но в качестве работающего механизма выстраивания личностной стратегии и мотивации жизни человека она сохраняла свою функциональность даже в условиях тотального нигилизма по отношению к самому государству и этическому ригоризму прошлого. Другое дело, что в следовании такой норме нравственное самосознание оборачивалось собственной противоположностью: целью уважения и почитания становились – вполне ожидаемо и естественно – всегда конкретные люди. По формуле «мой ребенок всегда прав» просто потому, что он *мой*.

Идеализация семейной истории приводит к ее переводу исключительно в плоскость *настоящего* времени. Автор истории, ссылаясь на прошлое, ценностно окрашивает лишь его

результат, то, что есть сейчас, то, что он сам есть в существующих обстоятельствах. Семья как ценность стала изыматься из культурно-исторического контекста. Понимание свободы семейной жизни, ее независимости от официального государственного курса привело, фактически, к *идеологизации внутрисемейного бытия и быта и критическому восприятию общественных структур, институтов и публично декларируемых норм*. И это странный парадокс эволюции российской семьи в сложный период социально-культурной катастрофы конца XX века. Рост авторитета семьи, культ семейственности и обновленного домостроительства не способствовал выходу из кризиса самой культуры семейности, связанного с утратой ценностного отношения молодого поколения к семейному опыту и нарративам прошлого. В какой степени такая неоднозначная ситуация являлась следствием ошибок и противоречий еще советского времени и в какой – реакцией на вызовы дня (прежде всего, конечно, экономические трудности), это уже отдельный вопрос.

Индивидуализм в сочетании с фантомом свободы (а по факту – вседозволенности) привели просто к тому, что многие, традиционно отмечаемые функции семьи как института, оказались *заблокированы самой же семьей*. Культивирование воспитания детей или строительства семейного «очага» (семейного счастья) не могли обеспечить общество надежным способом сохранения преемственности духовной составляющей социальной реальности. А без этой составляющей сама семья как союз мужчины и женщины (родительская семья) вырождается в простое социальное (или даже экономическое) партнерство, скрепленное юридическим договором, действенность которого гарантирована государством. А семья – как отношения родителей и детей – вообще оказывается под сомнением. Неудивительно, что взрослеющие дети все чаще видели собственное будущее в других культурных системах (в которых семья в исходном смысле слова отнюдь не на первом месте), а семейный очаг не выдерживал испытания внешними

потрясениями, экономическими кризисами и правовой неурегулированностью внутри-семейных отношений.

Между культурой семейности и культурой близкого, дружеского, общения, интимного контакта и единения также возникла растущая пропасть. Как оказалось, далеко не всегда реальный член семьи является близким другом, поистине родственником. Ценности личного самосовершенствования, карьерного роста, материального обогащения или творческой самореализации практически всегда шли (в сфере своей практической реализации) вразрез с ценностью (культулой) семейного домостроительства и сбережения (упрочнения) семейного «круга». А такие «модные» на рубеже веков прозападные идеологии, как *феминизм* или *трансгендерная теория* лишь способствовали росту нигилистического восприятия семейной культуры в ее традиционном формате. «Прогрессивным» вариантом современной семьи стало рассматриваться *партнерство*. А что такое партнерство по сути своей? Не более чем простое *сожитительство* [4]. Оно никак не закреплено институционально. И никак не вписывается в базовые ценности самой культуры как системы воспроизводства личности и общества. Но на уровне семейной истории (а СМИ и социальные сети сегодня предлагают немало и таких нестандартных сессий псевдоподлинного «исповедального» нравственного самосовершенствования индивидов, польстившихся на призраки «свободного» счастья) даже сожитительство способно получить интерпретацию самого выстраданного произведения и опыта высокого нравственного переживания.

Опасность для современного российского общества таится в том, что сожительствующие партнеры не просто свободны в правовом смысле слова. В конце концов, такая регуляция была бы лишь вопросом времени, если бы она решала все проблемы и противоречия. Дело в другом. Свобода ценностная, изоляция любой подобной семейной истории как основы мотивации поведения и отношения к обществу и просто к другим людям/семьям при-

водит к тому, что сама *семья превращается в некую условность* (семья создается по нужде, диктуемой извне, а отнюдь не по причине личной убежденности в ее ценности и необходимости). Особенно страдают дети. Как известно, их появление на свет далеко не всегда является результатом сознательного планирования (рождение детей стало рассматриваться как план/проект именно в урбанизированной жизненной ситуации семьи модерна и постмодерна). Для любого ребенка семья (даже если это одинокая мать или одинокий отец, по ряду причин), однако, уже не является условностью. И совершенно независимо от того, были ли родители в отношениях юридического или личностного партнерства или же союза, основанного на сильном чувстве любви, желании совместного житнетворчества и т. д., для ребенка семья остается семьей.

Взрослый индивид, в которого превращается неизбежно любой ребенок, в той мере, в какой он сам себя соотносит с семейным опытом как практикой реализации ценностно окрашенного жизненного проекта, не может быть исключен из поля публичного взаимодействия. В этом поле, в свою очередь, доминируют уже отнюдь не ценности – рамки институциональных систем, право и другие формы, за которыми всегда стоят интересы *большинства*. Это одна из глубинных причин противоречий семейного судьбостроительства. Если его рассматривать как процесс суверенного самоутверждения и саморазвития, то любая семья как единство родителей и детей обречена на «распад». Тот же Гегель писал о неизбежности распада семьи, но имея в виду не распад конкретной родительски-детской семьи как единицы гражданского общества, а выход за рамки родительского круга человека, его «мужание» и укрепление личного самосознания [1, с. 209–210].

Смысл семейного «проекта» будет всегда за пределами семьи как сугубо родительского проекта. *Взрослеющий* ребенок в таком проекте – всегда цель, словно отодвигаемая вдаль. Если же сами родители остаются ведущей ценностью в опыте личного саморазвития

индивида, то тогда подключается авторитет и сила традиции (здесь в качестве актуального примера можно привести народы Северного Кавказа, Средней Азии и других, близких к России, регионов). В обоих данных случаях семейная культура, как очевидно, остается где-то в срединном промежутке. Кризисные же явления в жизни российской семьи конца прошлого века как раз и были обусловлены, с одной стороны, обесцениванием родительского смысла семьи (как опыта социально значимого, общественно звучащего и опирающегося на мировоззренческие стандарты прошлого), а с другой – неясными перспективами будущего. Воспитание и материальная поддержка детей, конечно же, никуда не исчезла. Наоборот, в качестве приоритета даже возросла. Но проблема заключается в том, что подобное воспитание оказалось *вынужденно, объективно, ценностно совершенно нейтральным* и потому – очень шатким в качестве эффективной стратегии укрепления культуры семейности в новых реалиях.

Культура семейности *не может опираться только на семейные истории как формы нравственного взросления индивида*. В условиях массовой культуры замыкание семейности только на собственные сценарно-событийные структуры и знаки чревато разрушением устойчивой связи семьи и общества, а значит – и обесцениванием семьи. Проще говоря, ценность семьи не производна от того, что выстрадано (если оно вообще выстрадано, а не просто выставлено на всеобщее обозрение и судилище) в истории конкретной семьи как союза родителей, детей нескольких поколений.

Ценность семьи не тождественна ценности моей судьбы/судьбы моей семьи. Бытие семьи – это вообще не вопрос судьбы. Безусловно, в жизни каждого человека и в истории любой семьи всегда проявлялись определенные знаки судьбы. Проблема начинается тогда, когда эти знаки абсолютизируются и полагаются в основание ценностно-смысловой иерархии, самосознания, оправдания. Известные в истории цивилизации ценности челове-

ской культуры (ценности, прежде всего, самой жизни, и семья имеет к ним самое прямое отношение) могут и были аргументом в том или ином оправдательном повествовании. Но само такое повествование не обладает ресурсами для формирования каких-то новых ценностей. *Ценно само по себе повествование (рассказ) как феномен современной семейной жизни. Но оно как форма не может подменять собой содержание нравственной культуры общества, носителем и ретранслятором которой и выступает именно семья*.

Сегодня культура семейности подвержена прямому и очень сильному влиянию двух противоречащих тенденций.

С одной стороны, явно сформировался публичный заказ на ее традиционную ценностно-смысловую составляющую. Об этом говорится официально. Ибо только крепкая полновесная семья, заинтересованная в укреплении собственного положения в обществе, в обеспечении почвы устойчивого развития детей (внуков), может сама выступать основным надежным адресатом государственной политики и стратегии, направленной на укрепление цивилизационного суверенитета, невозможного без самостоятельности в выборе ключевых ориентиров самосознания общества.

С другой же стороны, объективное и неизбежное в условиях постиндустриального развития и укрепляющегося господства сетевой коммуникации влияние прозападного неолиберального идеала и стандартов массовой культуры как способа эксплуатации человеческой чувствительности и смысловой сферы накладывает прямой отпечаток на культуру семьи и семейности в наши дни. Попытки государства и общества в лице институтов и отдельных сообществ укрепить авторитет семьи как доступного каждому способа достижения «простого человеческого счастья» нередко опираются именно на массовые жизненные стандарты, в которых доминируют мотивы и императивы потребления, материального благополучия, необходимости получения тех или иных удовольствий как практики замеще-

ния смысложизненного поиска. Кроме того, процесс семейного воспитания, образования вынужден адаптироваться к реалиям «сетевого» мира, частью которого себя считают современные дети и подростки.

Вопрос не исчерпывается только тем, способна ли семья оградить ребенка от негативной в психологическом или моральном отношении информации, обильно присутствующей в так называемом модном ныне *smart*-пространстве, в которое погружен пользователь современной «экономики сервиса». Попытка синтезировать традицию и инновацию в процессе ренессанса семейных ценностей на технологической и коммуникативной платформе в современных условиях приводит к тому, что адресация и авторство семейной истории переносится в мир иной, существующий словно «за кадром», в ситуации «между». Предположим, что во избежание такого негативного сценария необходимо соблюдать определенный баланс между ценностным измерением культуры семейности

(прежде всего, как культуры общения и обмена между представителями разных поколений, разных возрастов и разного уровня нравственной зрелости) и ее же внешним – интересами социума и культуры. Акцентировка последней – обязательный компонент государственной политики.

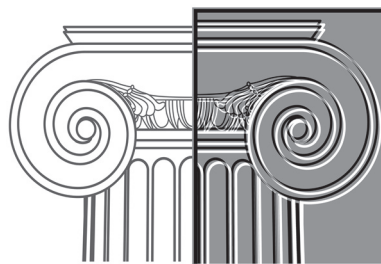
В качестве вывода можно заключить, что позитивная «культура семейности», способная содействовать росту населения России и развитию индивидуального человека, должна в современных условиях уйти от доминирующего в массовой культуре индивидуального *семейного нарратива*, построенного на интересе к приключениям и на самолюбовании в узком кругу. Этот круг нередко сам чувствует себя временным, а его члены не обременяют себя ответственностью ни друг перед другом, ни перед прошлым, ни перед будущим. Важнейшая задача государства – вернуть семью в ценностный круг единства семьи и общества, что достигается не только материальной поддержкой, но и огромной работой с сознанием.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990. 524 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология Духа. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 444 с.
3. Домострой. 3-е изд. Москва: Экономическая газета, 2008. 302 с.
4. Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. № 237–238. 6–19 марта 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema01.php>
5. Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 512 с.
6. Нефедова Л. К. Понимание детства в концепции «Домостроя» // Реальность. Человек. Культура: антропологические проекты русской культуры: материалы Всероссийской научной конференции, Омск, 17 ноября 2017 года: Омский государственный педагогический университет. 2017. С. 158–163.
7. Путин В. В. Выступление на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора. 28 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863>
8. Шабурова О. Караваны историй: Семейный нарратив в массовой культуре // Семейные узы: Модели для сборки: сборник статей. Кн. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. С. 134–155.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Москва: Издательство политической литературы, 1982. 240 с.

*

Поступила в редакцию 10.12.2023

ЭСТЕТИКА
И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА

Номо FESTUS: «ЧЕЛОВЕК ПРАЗДНУЮЩИЙ» КАК ОБРАЗ ДЕЯТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРАЗДНИЧНОЙ ТРАДИЦИИ ИТАЛИИ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-65-75>

Т. В. Азарова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: azarovatv@yandex.ru

Аннотация: Пестрая палитра праздников в итальянской культуре позволяет говорить о становлении института праздничности как традиции преемственности, передачи знаний и воспитания, о раскрытии творческой составляющей в человеке. Огромное количество культов в Древнем Риме и их христианское переосмысление в последующие столетия привело к формированию карнавального контекста в широком смысле этого понятия, в котором возникает человек празднующий как воплощение деятельного общения. Это не просто веселящийся или радующийся участник праздничного события, что было бы фиксированием внешнего эмоционального состояния человека. В празднике важна немеханическая деятельность, включающая в себя творческий компонент. В данной статье кратко представлены исторические предпосылки, повлиявшие на становление праздничного мировосприятия итальянцев. Городская среда, а затем и коммуны в Италии сформировали ролевые отношения в пределах одной общины, жизнь в которой была молекулярной, то есть все зависели друг от друга. Праздник Средних веков вовлекал всех жителей, человек этой эпохи узнавал мир в рамках общения с односельчанами, участвуя в общих театрализованных постановках. Средние века – кульминация формирования праздничного мировосприятия: после нескольких столетий нравственно-обнищания к первому тысячелетию человек снова открывает для себя мир и свое место в нем; происходит разделение событий, появляется некая классификация, особо выделяются городские спортивные праздники; народные аграрные культы переосмысляются и, благодаря власти епископов, в городах уже во многом формируется народное сознание, а не просто реализуются ритуально-обрядовые формы задабривания сил природы. Образ человека празднующего, в котором проявляются беззаботность и практицизм, бескорыстие и расчетливость, простота и замысловатость, является составляющей народного мировосприятия итальянцев как нации в целом.

Ключевые слова: праздничная культура, Средние века, коммуны, спортивные и народные праздники Италии.

Для цитирования: Азарова Т. В. Номо festus: «человек празднующий» как образ деятельного творчества в контексте праздничной традиции Италии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 65–75. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-65-75>

АЗАРОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА – преподаватель итальянского языка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

AZAROVA TATYANA VIKTOROVNA – Italian language teacher, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

© Азарова Т. В., 2023

HOMO FESTUS: «MAN CELEBRATING» AS AN IMAGE OF ACTIVE CREATIVITY IN THE CONTEXT OF ITALIAN HOLIDAY TRADITION

Tatyana V. Azarova

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: azarovatv@yandex.ru

Abstract: The motley palette of holidays in Italian culture allows us to talk about the formation of the institution of festivities as a tradition of continuity, the transfer of knowledge and education, the disclosure of the creative component in a person. A huge number of cults in Ancient Rome and their Christian reinterpretation in the following centuries led to the formation of a carnival context in the broad sense of this concept, in which a person celebrating as the embodiment of active communication arises. This is not just a party having fun or rejoicing in a festive event, which would be a fixation of the external emotional state of a person, non-mechanical activity is important in the holiday, including a creative component. This article briefly presents the historical background that influenced the formation of the festive worldview of Italians. The urban environment, and then the communes in Italy, formed role relationships within one community, in which life was molecular, that is, everyone depended on each other. The holiday of the Middle Ages involved all residents, a person of this era learned the world through communication with fellow villagers, participating in general theatrical productions. The Middle Ages are the culmination of the formation of a festive worldview: after several centuries of moral impoverishment, by the first millennium a person again discovers the world and his place in it; there is a division of events, a certain classification appears, urban sports holidays are highlighted; folk agrarian cults are being reinterpreted and, thanks to the power of episcopates in cities, they are already largely forming the national consciousness, and are not just ritual and ceremonial forms of appeasing the forces of nature. The image of a person celebrating, in which carelessness and practicality, unselfishness and prudence, simplicity and intricacy are manifested, is a component of the popular perception of the Italians as a nation as a whole.

Keywords: festive culture, the Middle Ages, communes, sports and folk festivals of Italy.

For citation: Azarova T. V. Homo festus: «man celebrating» as an image of active creativity in the context of Italian holiday tradition. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 65–75. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-65-75>

В слове *празднующий* содержится значение от глагола «праздновать» и характеристика самого участника. Цель данного исследования – описать языковую личность человека в парадигме праздничности (увидеть в праздничной деятельности человека стремление к духовному изменению, что является ключевой характеристикой языковой личности). Среди задач исследования: представить историческую картину формирования праздничного мировосприятия в Италии; составить схему семантической структуры праздника как явления; выделить национальные особенности в образе *человека празднующего*. В работе были использованы

методы исторического сопоставления, анализ факторов, повлиявших на сохранение обширного праздничного календаря в Италии, и в качестве примера дано описание праздника живых шахмат в городе Marostica.

У человека есть потребность в празднике, но базисной она не считается, а между тем именно праздничное мировосприятие нуждается в подпитке и культивировании. Актуальность темы заключается в необходимости прививать навыки празднования, подкрепляя историческими и культурно-этнографическими знаниями. Новизна темы заключается в попытке рассмотреть феномен

праздника с точки зрения творческого подхода к осознанию своей встроенности в деятельность общины.

Разработка темы праздника привела к необходимости описать языковую личность, понять, как человек выражает себя во время торжественных событий. На исследование темы и на выбор названия *homo festus* (человек празднующий) в первую очередь повлияли работы М. М. Бахтина «Смеховая культура» [1] и Й. Хейзинги «Homo ludens» [14]. Сначала поясним название: дело в том, что в латыни слово *праздновать* обозначалось глаголом *celebro* 1. массовое событие, 2. устраивать торжества при большом стечении народа и 3. деятельно участвовать в чем-либо. Употребление глагола *festeggiare* закрепилось около XIV века. До этого использовались производные слова от лат. *festus* (*festum, festivus, festive, festivitas*) то есть 'радостный', 'ликующий', 'веселый', и к этим значениям добавился вариант от слов *ferie* или *fanum* то есть *tempio* 'храм'; выделялись особые дни *dies ferias* для выполнения установленных церемоний, а в греческом языке было понятие *thes* 'молиться'. Также можно использовать вариант *homo celebrans* для выражения 'человек празднующий', но в понятиях *festus* и *celebrans* есть разница в характере и степени восприятия праздника.

В слове *celebro* (ликовать, прославлять) присутствует оттенок некой официальности и одновременно проявление духовной составляющей. Поэтому *homo festis* представляется наиболее подходящей формулой в рамках данного исследования, потому что сочетает и человека ликующего и в то же время благоговейно относящегося к особым праздничным дням.

Полагаем, что различие этих психоэмоциональных состояний заключается в стимуле проявления: веселье связано с развлечением и затрагивает внешнюю часть, а вот радость относится, скорее, к чувствам, что свидетельствует о наличии целого комплекса взаимосвязанных компонентов в празднике.

Средние века можно назвать основным этапом формирования праздничного мышления, в этот период наблюдается связь площад-

ной культуры, игры и праздника. На первый взгляд, эти понятия могут казаться очень близкими из-за соотнесения праздника с праздностью, но это не совсем верно: ведь у людей античности, а затем средневековья, когда, на наш взгляд, оформился институт праздничности с его типичным представителем, торжественные события не сводились к отдыху и развлечению. О периоде Средних веков как важнейшем историческом этапе с точки зрения философии, истории, культурологии занималась команда ученых под руководством Умберто Эко. Можно перечислить серию таких работ под общим заглавием *Medioevo*. Средние века, обширнейшее исследование, в котором в том числе затрагивается тема праздничности в контексте фольклорно-игрового мышления человека Средних веков. Всего в этой серии вышло 14 томов с разной тематикой. Также можно отметить и другие работы по истории формирования института праздничности и этнографическим описаниям: Alessandro Falassi *Festa, Natale Spineto La Festa*, Alessandra Rizzi *Ludus\Ludere giocare alla fine del Medioevo*. Антропологическое осмысление праздничности, то есть того, что повлекло за собой специфическое мировосприятие итальянцев, выраженное в формуле *dolce far niente*, встречается у исследователей Filippo Daverio, историка искусства франко-немецкого происхождения [12] и Mario Polia [15]. Как синоним праздников часто используется словосочетание *Giorni del sacro* (святые дни), вероятно, в силу того, что любой праздник религиозен по своей сути, или должен быть таковым. Исследователь Franco Cardini сравнивает праздник с войной, когда человеком движет идея свободы на грани с протестом [10]. На это же указывает и площадная разгульность, описанная М. М. Бахтиным: на грани всех мыслимых приличий человек искал баланс допустимого, испытывая правила существования среди себе подобных, как бы прощупывая линию, за которой другой индивид его терпеть не будет [1].

Можно предположить, что праздничная карта Италии повлияла на характер деятельности людей, которые за счет богатейшего

календаря событий самого разного свойства привыкли мыслить и вести себя в парадигме праздничности. Дни особых торжеств не были праздниками в нашем понимании, речь идет не просто о чередности работы и отдыха. Вектор праздничности людей был иным: человек, начиная с античности, устраивал торжественные действия в силу внутренней потребности выразить свои духовные поиски, пусть даже и не формулируя это таким образом. В аграрных культурах праздничность воспринималась как восстановление отношений с природой: без таких ритуальных действий человек просто не решался подступаться к стихиям воды, земли, огня, ветра. И вторая категория, так называемые события общественно-политического порядка, призванные поддерживать боевой дух, прославлять личность вождя или управлять сознанием простых людей. Последнее выразилось в саркастическом выражении Ювенала *pane et circensis*. Слово *circensis* (как понятно по корню *circo* – цирк) обозначает *цирковой*, то есть действия, главной целью которого было поразить воображение народа, может быть, в чем-то и запугать, что не очень соотносится с праздником.

Из истории формирования института праздничности.

Римский античный период предоставлял богатейшее разнообразие праздничного календаря, отправление культов не прерывало хода повседневности и помогало людям восстанавливать отношения с природой. В свою очередь высокая власть, понимая важность поддержания военного духа в народе, в качестве главного праздника выделяла *il Trionfo* (от греч. *Thriambos* – процессий в честь Вакха) [8] – торжественный въезд в город полководца-победителя. Кортёж собирался вне стен города и направлялся к храму *Giove Capitolino* (храм Юпитера на горе *Campidoglio* Кампидольё). В период зарождения сеньорий и региональных государств праздники забываются и остается лишь отголосок того, чем были эти события. Общество становится носителем культуры, в этом вклад коммун

Италии *comuni italiani*, именно в коммунах складывается театр, университеты, артель художников, потому что есть *principe* князь, правитель, который решает, развивает художественное мышление небольшой группы своих подданных. Синьор-вассал понимал, что способности человека раскрываются в свободной творческой среде, в этом случае человек может принести в общественную жизнь частицу своего таланта. «Участие индивида в культуре общества определяется его местом в среде людей и той подготовкой, которую он получил в предвосхищении занятия этого места» [13, с. 11]. Средние века часто изображают трубадуров (от слова *trovatore* – *trovare*, находить), которые поют, играют на свирелях, совершенно не задумываются о завтрашнем дне; они находятся в поиске, в пути по дороге жизни – такая своеобразная юность человечества с ее беззаботностью и открытостью. Светские власти вынуждены были приспособиться к феномену наличия праздника в жизни общества [10]. Уже в раннем Средневековье можно увидеть действия по систематизации литургического года, установление культа Святых, особенно местных. Появляются зачатки театра; сначала в церкви были представлены на сцене канонические моменты из жизни Христа, Девы Марии, святых, в дидактических целях, потом это перешло на площади. Религия и политика встречались в ежегодных праздниках, посвященных Святым покровителям городов.

Карнавальные процессии получают новое прочтение во Флоренции эпохи Возрождения. Праздник, который вовлекал всю общность целиком, в этот период делится на две группы: профессиональные участники действия и безликая публика; таким образом город становится живой театральной декорацией. Карнавал очень органично вместил в себя хаос, происходящий между 1400 и 1500: смена идеологии, исчезновение иерархии, перевернутое представление о мире. Изобретение маскарадов приписывают Лоренцо Великолепному, который так талантливо уловил веяние времени, именно он попытался соединить *sacro e profano*, святость и простоту, классическое и новое.

Карнавальные повозки также, в свою очередь, представляли собой весь мир в развитии и путь отдельного человека. На таких флорентийских гуляниях базируются все европейские праздники. Медичи понимали, что при помощи праздников можно выстраивать культурную политику. Ведь когда нет неравнодушных, легко удается внедрять определенную систему мышления. Уже в 16 веке (1500) праздничная сцена перемещается в Рим, папство сформировало целый ряд процессий обрядово-ритуального характера официального свойства. Можно сказать, что с этого времени соседствуют флорентийский образец народного праздника и римская традиция официальных торжеств [13].

Стиль, образ мышления и само отношение к празднику постоянно менялось в зависимости от складывающихся обстоятельств и условий жизни. Предположим, что целеполаганием для человека, участвующего в празднике, может быть реализация внутренней необходимости преобразования, духовного роста. Соответственно, есть необходимость выразить эти чувства, формируется своеобразный язык метафор как средство познания мира. Такие представления как скачки, забеги, рыцарские турниры и более своеобразные, как например, праздник живых шахмат в городе Маростика, региона Венето появляются в качестве особой образной коммуникации. Праздник располагает и своей знаковой структурой.

Символическое поле праздника Marostica

В качестве примера предлагаем рассмотреть праздник живых шахмат в городе *Marostica*[5] региона Veneto. Этот праздник восходит к 1454 году, то есть скорее всего можно увидеть в этом событии типичные характеристики сформированного представления о празднике. Шахматная партия представляется метафорой жизни человека, где присутствует выбор жизненного пути, поиск спутника жизни, целеустремленность, игра, помощь сородичей. Шахматы выступают как фигуральное изображение сложности мира, неоднозначности взглядов на происходящее. Чтобы составить представление о языковой личности, выделим структуру праздника, героев, тексты. Фрагмент записи праздника можно увидеть в интернет. Детальный подробный разбор праздника заслуживает отдельного исследования; в рамках данной статьи обозначим основные особенности праздника, по которым можно охарактеризовать языковую личность.

История праздника. 1454 год, город Маростика управляется Венецианской Республикой, двое доверенных высокопоставленных военных влюбляются в дочь владельца замка, который в свою очередь, дабы избежать печальной участи Ромео и Джульетты и похожего трагического конфликта, решает

Схема 1. Становление понятия «праздник» в Италии.

предложить партию в шахматы. Победитель женится на Леоноре, старшей дочери, а проигравший – на младшей дочери вассала. Далее приводим часть из текста по описанию праздника с официального сайта праздника и перевод на русский язык:

«L'incontro si sarebbe svolto in un giorno di festa nella piazza del Castello da basso, con pezzi grandi e vivi, armati e segnati delle insegne di bianco e di nero, secondo le antichissime regole imposte dalla nobile arte, alla presenza del Castellano, della sua affascinante figlia, dei Signori di Angarano e di Vallonara, dei nobili delle città vicino e di tutto il popolo. Decise anche che la sfida sarebbe stata onorata da una mostra in campo di uomini d'arte, fanti e cavalieri, fuochi e luminarie, ballerine, suoni e danze. Sfilarono arcieri e alabardieri, fanti schiavoni e cavalieri, il Castellano e la sua corte con Lionora e Oldarda, la fedele nutrice, dame, gentiluomini, l'araldo, il comandante degli armati, falconieri, paggi e damigelle, vessilliferi, musici e borghigiani, e poi ancora i meravigliosi pezzi bianche e neri con re e regine, torri e cavalieri, alfieri e pedoni. Lionora, trepidante perché segretamente innamorata di uno dei due, aveva, con discrezione, fatto sapere al contado che il Castello da basso sarebbe stato illuminato di candida luce qualora la vittoria fosse stata conquistata dal cavaliere che faceva battere il suo cuore, affinché tutti potessero partecipare alla sua gioia».

Встреча разворачивается в день праздника на нижней части площади Замка с расстановкой больших и живых фигур, вооруженных и снабженных табличками черного и белого цвета, с учетом античных правил, установленных престижным искусством, в присутствии владельца замка, его прекрасной дочери, двух знатных синьоров, всей знати города и остального народа. Решено, что во время поединка будет проведен смотр артистов, пехотинцев и рыцарей, огней и иллюминации, танцоров, музыки и танцев. Торжественно проходят лучники и алебардчики, пехотинцы и рыцари, владелец замка и придворные с Леонорой и Ольдардой, кормилицы, дамы, джентльмены, герольды, полководцы, сокольничьи, пажы и фрейлины, знаменосцы, музыканты

и сельские жители, и также – прекрасные фигуры в белом и черном с королем и королевой, башни и всадники, глашатаи и пешеходы. Леонора, трепещущая из-за своей тайной любви к одному из двух героев, сдержанно сообщила графству, что Замок осветится белоснежным светом, как только победу одержит рыцарь ее сердца, таким образом все смогут порадоваться вместе с ней.

Среди ярких примеров языковых можно выделить:

- *con pezzi grandi e vivi* с деталями, фигурами большими и оживленными
- *nobile arte* метафорическое обозначение шахмат
- *la sfida onorata* поединку воздаются почести (*onorare* – воздать почести)

Sfilarono глагол *sfilare* переводится как *разнизовать жемчуг*, например. То есть такое несколько сказочное впечатление, когда персонажи проходят подобно жемчужинам, снимаемым с нити. Такой пространственный список участвующих позволяет представить всю красочность этого шествия. Посредством возвышенного стиля языка передается торжественная атмосфера действия, в основе которого не просто театрализованное представление, а скорее возможность стать человеком другой эпохи, попытаться представить, как мыслили и вели себя люди в ситуации выбора, когда человек действует в соответствии с внутренней парадигмой, сформированной эпохой. Народное чувство зарождается непосредственно во время таких действий, в этом непреходящая ценность праздника.

Ситуация, возникшая несколько столетий назад, сейчас переживается так же живо и трепетно. Особое внимание уделяется тому, что это не просто переодевание, это перевоплощение в персонажей далекой эпохи, когда люди выражали свои чувства более искренно и непринужденно. Остальные участники не пассивные наблюдатели: почти весь город так или иначе принимает участие в действе. Деятельность человека заключается в смекалке, шахматы – игра знати, но в такой день каждый может почувствовать на себе иную

участь. Такое ролевое распределение помогает укреплять общинные связи. Чтобы быть достойным исполнять роли главных героев, надо проявить себя в течение всего года, что выявляет явную воспитательную функцию подобных праздников. Кроме того, человек выполняет целый набор действий, чтобы подготовиться к празднику, в ходе самого события и по итогам: все действия похожи на работу войска или слаженного механизма.

Человек празднующий

Сказать, что празднующий – это только простофиля в шапке с бубенцами и краюхой хлеба в кармане, как часто изображается человек средних веков, скорее всего, будет не совсем справедливо. Важно понять, почему так происходило, что таким поведением человек пытался выстроить. Благодаря характеристике типовых ситуаций и поведения человека в них, нигде более обширно и точно, как в праздничности, личность человека не раскрывается. На этой основе обозначим набор качеств (см. Таблицу 1).

ных (что когда сажать), фольклорных (персонажи) и социальных (как оформлять те или иные вехи человеческой жизни – сватовство, венчание и так далее) сведений. В празднике не формируется антонимическое сопоставление понятий, как, например, *праздник – работа* и *праздник – праздность* (участие в празднике подразумевает зачастую еще большую напряженную деятельность) или *праздник – повседневность*. Ведь повседневность – это просто обычное течение жизни, более спокойное, а праздник – это точка в этом потоке жизненных событий, одно без другого не мыслится. Можно сделать вывод, что праздник – категория обособленная, сама по себе важная, при этом не противопоставленная другим сферам жизни человека. Но без праздника жизнь не мыслится. Один из ключевых факторов, который содержит в себе праздник, – культурная память, состоящая из передачи знаний: ритуально-обрядовая часть праздничной культуры сохраняется в дописьменных источниках, общность копит знания, которые не зафиксированы, но они важны и состав-

Русская языковая личность	Итальянская языковая личность
Открытость	Скрытность (маскарады)
Доверчивость	Разборчивость
Праздник как дар, особое состояние, которое надо ценить	Долженствование (праздник воспринимается как неотъемлемая часть жизни)
Строгое соблюдение канонов	Особая щепетильность в организации, оформлении праздника. Стремление получать яркие впечатления во время праздника.

Таблица 1. Языковая личность в русской и итальянской культурах

Чтобы представить человека той эпохи, посмотреть его глазами на мир, в котором господствуют эпидемии, страх, неуверенность, труд и при этом – желание людей видеть во всем происходящем проявления невидимого мира, хорошо бы охарактеризовать значение праздника. Для итальянцев важна самоидентификация, страшно быть в забытии; человек осознает свою роль в жизни тогда, когда видит себя частью традиции. Праздничность – это не только следование ритуалу или привычке, но и передача знаний этноса, начиная от аграр-

ляют генетический код народной памяти [9]. В праздничной культуре наиболее в сильной степени хранится народная память, почему важно передавать не ритуальные механические знания, а обрядово-церемониальные, которые подкреплены рассуждением и использованием применительно к настоящему моменту. Предположим, что в самом наполнении и оформлении праздников существует сакральный элемент, а простые участники воспринимают это на эмоциональном уровне. Человек ждет от участия в празднике внутрен-

него преобразования, необязательно глобального, часто и минимальной амплитуды, но затрагивающего струны души, что отчетливо прослеживается в итальянской праздничной традиции, возможно, за счет именно исторической продолжительности исполнения церемониальной ритуально-обрядовой части события [11]. Все праздники по сути своей религиозны, если в качестве религиозного рассматривать сакральный компонент, который выражает попытку человека выстроить отношения с Богом, миром и с самим собой. В церковных праздниках все просто с этой точки зрения, потому что главная служба в церкви – это Литургия («благодарение Бога»), во время которой у человека наилучшим образом получается обратиться к своему внутреннему миру. Людям церковным в этом смысле гораздо проще, любое богослужение – это переживание особого рода. Быть может, поэтому люди, регулярно участвующие в церковных праздниках избегают светских мероприятий, которые в большинстве своем лишены главного праздничного компонента, и человек, потратив усилия на подготовку к такому мероприятию, уходит пустым: не происходит обмена ресурсов, нет духовного компонента, он утерян сознательно или в силу исторического забвения. В рамках церкви происходит и общение, человек чувствует и видит свою включенность. По этой причине новоиспеченные праздники встречают такое сопротивление в Италии, особенно, у старшего поколения. Мне довелось жить у преподавателей Felomena S. e Carmelo d. M. в Италии. По свидетельству их и их друзей, новые праздники – такие как День влюбленных, День Земли, дружбы, пап и мам – не отмечаются. В итальянском есть слово «*ricorrenza*» от слова «*correre*» – ‘бежать, течь’; в отношении таких событий, скорее всего, верно именно такое слово, чтобы обозначить нечто проходящее, чему мы являемся просто свидетелями.

С Днем всех влюбленных (или праздник Святого Валентина – *festa di San Valentino*) произошла своего рода подмена. История отсылает нас к почитанию святого епископа мученика, покровителя небольшого города Терни регио-

на Умбрия. Действительно, Святой Валентин [4], помимо обычных пасторских задач, благословлял молодых людей перед женитьбой, наставляя в правилах семейной жизни, христианского отношения друг ко другу. А появившийся легендарный еще один «Святой Валентин» – копия покровителя Терни, в соответствии с последними исследованиями объявлен персонажем вымышленным [7]. На сайте прихода базилики города Терни можно ознакомиться более подробно с этими фактами. И уже полумифическая легенда появилась в 14 веке, благодаря поэтическому воображению писателя Джеффри Чосера. Писатель жил Италии несколько лет и в своем произведении «*Parliament of fouse Parlamento degli uccelli*» (*Разговор птиц*) образно вывел аллегорического, сказочного персонажа, акцентируя внимание на общении влюбленных, что к жизни реального деятеля христианской церкви пятого века правдивого отношения не имеет.

Структура праздника как явления

Если характеристика *Празднующий* воспроизводит в воображении и представлении картины безудержного веселья, то это совершенно несправедливо, потому что неслучайно даже часть речи «причастие» подсказывает, что глагольная составляющая здесь предполагает наличие деятельности, труда особого рода. Подготовить себя к празднику – непростая задача: помимо материального физического аспекта как, например, подбор костюма, прически, изменения в распорядке дня, даже большего внимания заслуживает моральная составляющая в виде внутренней работы над своим состоянием. С одной стороны, человек ждет праздничного события, с другой, – эмоциональная сфера энергозатратна и требует эмоционального напряжения. Ведь участник не знает, что он получит в итоге, каким образом события повлияют на него; вдруг в результате он что-то поймет о себе, что заставит его менять свою жизнь [3]. На схеме представим структуру праздника, в которой каждый элемент несет определенную смысловую нагрузку: первый поверхностный смысл –

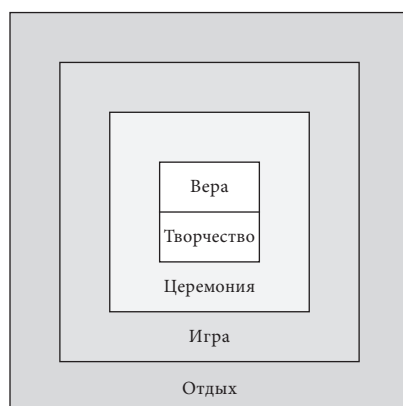

Схема 2. Компоненты праздника как явления

отвлечение от повседневности, возможность отдохнуть; далее следует игровой компонент, который аккумулирует готовность человека к некой активности, физической или ментальной; третий пласт занимает церемониальное оформление праздника, которое позволяет узнавать и воспроизводить событие на протяжении истории народа или страны, и в основе находится компонент творческого подхода как отражение веры человека.

Площадная карнавальная культура и игра тесно связаны и составляют основу праздника, но праздник располагается в несколько иной плоскости от игры. И в то же время без игрового элемента праздник нельзя представить, причем игра здесь не означает только развлекательную характеристику, но скорее это попытка сформировать ролевое самосознание и способ раскрыть собственные способности. Можно говорить о связи игры и культуры, праздника и искусства, что свидетельствует о желании преобразовывать действительность, потому что праздник соединяет такие факторы и вовлекает человека в круг деятельности, в результате которой возникает множество профессий [16]. Среди примеров можно указать изготовление *presepe* рождественских яслей; швейное мастерство развивается благодаря особенному восприятию праздничного облачения, наряда; изготовление масок для карнавала, автомобилей, о чем свидетельствует привязанность

к повозкам; культура виноделия во многом связана с сакральным значением, так как вино используется в богослужении, то есть отношение к вину и хлебу – самое трепетное у итальянцев, это продукты культа, в первую очередь, и уже потом – продукты питания.

Довольно сложная структура праздника как явления позволяет выделить **институт праздника**: это конфигурация культурных образцов, которая выполняет функции обучения, передачи ценностей, формирования общества; это целостная организация, сохраняющая модели поведения и поддерживающая институт сватовства и семьи, потому что молодые люди видят поведение друг друга. Здесь могут возникать и нетривиальные ситуации, решение которых выявляет набор качеств человека, высвечивают его характер, те черты, которые в обычной жизни могут и не проявиться. Это происходит за счет того, что в празднике *patterns* (образцы), которые регулируют взаимоотношения участников, весьма условны. В празднике у человека формируются не просто родственные связи, как например, в семье, но зачастую в большей степени социально-ролевые, дружеские или деловые. Деятельное участие индивида в празднике позволяет реализовать потребности в общении, в отдыхе, в развлечении, в веселье, в радости, в помощи другим, в труде. Пожалуй, ни одно другое событие или явление не обладает таким спектром качеств.

Можно сравнить это с попыткой прикоснуться к другому измерению: в празднике мы ощущаем иное течение времени за счет активного участия эмоциональной сферы. «Здесь и сейчас» праздничного события переживаются иначе, чем «здесь и сейчас» будничные. Праздник помогает конкретной личности осмыслить происходящее в своей жизни, что подтверждает наличие таких элементов в описании праздничности как хронотоп, языковая личность, тексты, соотношение материального и духовного, наличие концептуальных элементов, способность выражать культурную память народа [6]. В итальянском варианте коммеморация, или культурная память, заключается в большей степени в материальных памятниках, которые составляют мировое наследие. Может быть, поэтому на их сохранение отдаются практически все силы и на культивирование духовных, нематериальных ценностей ресурсов попросту не остается. Характеристики средневекового человека, жизнь которого была чередованием войны и тяжелого труда, работа в поле не отделялась от других сторон жизни, поэтому праздники логично сменяли особо тяжелые дни работы в поле. А еще праздники – это кульминация последовательности событий: человек все лето трудится, а потом наступают священные дни, когда собран урожай, есть повод разделить дары земли с соплеменниками, своеобразное благодарение.

Человек в празднике

1. восстанавливает отношения с природой и, соответственно, в более широком смысле – с Богом;
2. творит (приобретает божественные свойства), соотнося труд и творчество;
3. реализует талант;
4. и как следствие – формирует отношения с обществом, чему индивид должен тоже обучиться.

Можно сказать, что праздник представляет лучшую модель мира: видя дисгармонию окружающего, человек сам творит идеальную картину жизни. Человек участвует в этом празднике, чтобы почувствовать свою включенность

в контекст происходящего, в ход истории. Все должно быть оправданно и на осмысленном глубинном уровне. На уровне генетической памяти в празднике закладывается определенная парадигма мышления и поведения. Показательно, что современность лишь воспроизводит средневековое понимание праздника; можно предположить, что ничего более глубокого и важного не придумано. Вероятно, в этот период у человека складывается определенное видение мира или угол зрения, при котором в фокусе оказывались значимые вещи и то, что не заслуживает многих забот, уходило на второй план. Описание народных праздников позволяет увидеть личность, человека, участвующего в торжестве, приблизиться к пониманию того, что движет общностью людей, объединенных этим временем совместного празднования.

Праздник, как многокомпонентная сложная и наполненная смыслами структура, вовлекает человека в себя, приглашая к размышлению, созерцанию, переоценке своей жизни и происходящих событий. Благодаря выделению в празднике многокомпонентной структуры, можно предположить, что человеком во время праздника движет стремление к духовному изменению, потому что это одна из ключевых деятельностей, в основе которой – через призму праздника – формируется особое мировосприятие человека.

Языковая личность в парадигме праздничности – это типичный представитель общенародного традиционного представления о свободе и смысле жизни, взаимоотношениях внутри общины и радости созерцания момента.

Выводы

- Понимание праздника по-итальянски – конкурентная борьба: ментальная или физическая, в которой побеждает не просто более проворный или умный, но человек.
- *Человек празднующий* – это особый характер для Италии, что связано с национальным типом актера, поэтому в ситуации праздника итальянец особенно хорошо себя чувствует.

- Корпоративная структура общества сохраняется, в том числе, благодаря наличию института праздника.
- Культурноносителями являются группировки; когда люди объединены общей

целью они ощущают себя цельной группой. Процессия, крестный ход содержат духовный компонент, так как есть цель метафизического порядка, а не просто времяпрепровождение.

Список литературы

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья. Москва: Художественная литература, 1965. 545 с.
2. *Кондаков И. В.* «Победа над страхом» (концепция праздничной культуры М. Бахтина и ее индизнавательный смысл) // Эстетико-культурологические смыслы праздника, сборник статей, Москва: Государственный институт искусствознания, 2009. С. 78–116.
3. *Линтон Р.* Культурные основания личности // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры. Под ред. С. Я. Левит. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. С. 121–145.
4. Описание праздника покровителя города Терни Святого Валентина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diocesi.terni.it/diocesi/san-valentino/>
5. Праздник Marostica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marosticascacchi.it/partitaascacchi/storia.html>
6. *Репина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания. Гуманитарные исследования ИГИТИ. Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
7. Сайт Базилики Святого Валентина, покровителя города Терни. [Электронный ресурс]. URL: <https://san-valentinoternibasilica.it/san%20valentino%20vescovo%20e%20martire.html>
8. Этимологический словарь итальянского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etimo.it/?term=trionfo>
9. *Assman J.* La memoria culturale. Torino: Einaudi, 1992. 165 p.
10. *Cardini F.* I giorni del Sacro. Novara: De Agostino Libri, 2016. 304 p.
11. *Cattabiani A.* Calendario. Le feste, i miti, le leggende e i riti dell'anno. Milano: Mondadori, 2008. 397 p.
12. *Daverio P.* Guardar lontano, veder vicino. Milano: Rizzoli, 2013. 1045 p.
13. *Falassi A.* Feste, teste, tempeste // Le tradizioni popolari in Italia. La festa. A cura di Alessandro Falassi. Milano: Electa Spa, 1988. P. 9–29.
14. *Guizinga J.* Homo ludens. Einaudi Editore, 1946. 307 p.
15. *Polia M.* Tradizione: il significato di un termine. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.azionetradizionale.com/2011/11/06/tradizione-il-significato-di-un-termini-di-mario-polia/>
16. *Rizzi A.* Ludus\Ludere. Giocare in Italia alla fine del medio evo. Treviso: Viella, 1995. 211 p.
17. *Rizzi A.* Ceremonie, feste e giochi // il Medioevo. Esplorazioni. Commerci. Utopie. Milano, 2012. 950 p.
18. *Spineto N.* La festa. Roma: Editori Laterza. 2015. 66 p.

*

Поступила в редакцию 01.10.2023

«СОЧИНЕНИЯ НЕБЛАГОМЫСЛЯЩИХ» В РУКОПИСНОМ КАТАЛОГЕ БИБЛИОТЕКИ ИРКУТСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

УДК 002(09):1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-76-85>

О. В. Морева

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Российская Федерация,
e-mail: moreva.o.v@yandex.ru

О. А. Овчинникова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: olga-2011_11@mail.ru

Аннотация: История Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева связана с историей книжного собрания Иркутской духовной семинарии и Иркутского университета. В каталогах духовных семинарий в XVIII – начале XIX в. существовали разделы «Сочинения неблагомыслящих писателей». Статья посвящена анализу такого раздела в Рукописном каталоге фундаментальной библиотеки Иркутской духовной семинарии, хранящемся в Российском государственном историческом архиве. По мнению Питера Бёрка, объектом изучения социологии знания должен быть не только рост, но и «сокрытие, уничтожение и особенно отбрасывание знания». Книги «неблагомыслящих», выделенные в специальный раздел, таким образом «отбросили» или «скрыли» от читателей, но не уничтожили совсем (из 19 книг, указанных в рукописном каталоге, 12 – до сих пор хранятся в фонде Научной библиотеки Иркутского государственного университета, куда вошли самые ценные издания дореволюционного Иркутска). Расшифровав краткие библиографические записи из рукописного каталога, авторы анализируют книги и высказывают предположения, почему издания были включены в этот раздел.

Ключевые слова: Иркутская духовная семинария, Научная библиотека Уральского государственного юридического университета, Научная библиотека Иркутского государственного университета, история знания, Питер Бёрк, «отбрасывание знания».

Для цитирования: Морева О. В., Овчинникова О. А. «Сочинения неблагомыслящих» в рукописном каталоге библиотеки Иркутской духовной семинарии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 76–85. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-76-85>

МОРЕВА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук

ОВЧИННИКОВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат философских наук, директор Научной библиотеки, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

MOREVA OLGA VIKTOROVNA – CSc in History, Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

OVCHINNIKOVA OLGA ANATOLYEVNA – CSc in Philosophy, Director of the Scientific Library, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

© Морева О. В., Овчинникова О. А., 2023

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9.

«WORKS OF FORBIDDEN WRITERS»
IN THE HANDWRITTEN CATALOG OF THE LIBRARY
OF THE IRKUTSK THEOLOGICAL SEMINARY

Olga V. Moreva

State Public Scientific and Technological Library of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation,
e-mail: moreva.o.v@yandex.ru

Olga A. Ovchinnikova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: olga-2011_11@mail.ru

Abstract: The history of the Scientific Library of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev is connected with the history of the book collection of the Irkutsk Theological Seminary and Irkutsk University. In the catalogues of the libraries of theological seminaries in the XVIII – early XIX century there were sections "Works of forbidden writers". The article is devoted to the analysis of this section in the Manuscript catalog of the fundamental library of the Irkutsk Theological Seminary, stored in the Russian State Historical Archive. According to Peter Burke, the object of studying the sociology of knowledge should be not only growth, but also "hiding, destroying and especially discarding knowledge". The books of the "forbidden", allocated in a special section, were thus "discarded" or "hidden" from readers, but not destroyed at all (of the 19 books listed in the handwritten catalog, 12 are still stored in the fund of the Scientific Library of Irkutsk State University, which includes the most valuable publications of pre-revolutionary Irkutsk). Having deciphered brief bibliographic entries from the handwritten catalog, the authors answer the questions: what is the evidence of such "rejection of knowledge"; what caused the inclusion of books in this section; why some of the author's books were included in this section, and others were not.

Keywords: Irkutsk Theological Seminary, Scientific Library of the Ural State Law University, Scientific Library of Irkutsk State University, history of knowledge, Peter Burke, «rejection of knowledge».

For citation: Moreva O. V., Ovchinnikova O. A. «Works of forbidden writers» in the handwritten catalog of the library of the Irkutsk Theological Seminary. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 76–85. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-76-85>

The article was prepared according to the research plan of the State Scientific Research Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the project "Transformation of book culture in social communications of the XIX–XXI centuries", No. 122041100088-9.

В 2023 году исполнилось 105 лет Уральскому государственному юридическому университету и его Научной библиотеке (НБ УрГЮУ), история которой связана с книжными богатствами Сибири. Ее фонды начали формироваться при организации Иркутского

государственного университета в 1918 году, а наиболее ценная часть собрания происходит из библиотеки Иркутской духовной семинарии. В преддверии юбилейной даты мы открыли новые источники по истории вузовской библиотеки.

Источником для анализа книг «Сочинения неблагомыслящих» послужил раздел рукописного каталога Фундаментальной библиотеки Иркутской духовной семинарии, составленный в 1820-х годах – «Разряд последний. Сочинения неблагомыслящих»¹. В качестве методологической рамки мы выбрали «историю знания», предложенную П. Бёрком.

В 2010 г. Питер Бёрк, британский историк, известный своими трудами по истории культуры и социологии знания², выступая перед студентами Биркбек-колледжа, назвал свою лекцию «Потеря и приобретение: социальная история знания, 1750–2000» [23]. В ней он представил очень важный эффект, который возникает от «преднамеренных потерь, т. е. процессов: сокрытия, уничтожения и особенно отбрасывания знаний» [23]. Он привел пример из библиотечной истории XVIII века, когда «появилась идея уничтожать книги не потому, что они были еретическими или подрывными, а потому, что они были бесполезны» [23]. Он указал на Дэвида Юма (1711–1776), который в «Исследовании о человеческом разумении» (1748) предлагал сжечь книги «по богословию или школьной метафизике», так как они «не могут содержать ничего, кроме софистики и иллюзии» [22, с. 193]. П. Бёрк отмечал, что «большинство библиотекарей не зашли так далеко, как советовал Юм, но некоторые действительно предпочитают “де-присоединение” книг – недавний эвфемизм для их выбрасывания. Другие просто изгоняют то, что считают менее полезным, в отдаленные уголки библиотеки, подвалы <...> подальше от центра внимания, но еще не в мусорную корзину» [23]. По мнению П. Бёрка, эти «изгнанные» книги важно изучать, так как они свидетельствуют «об изменении приоритетов» и «долговечности идей» [23].

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 834. Оп. 3. Д. 3251. См. Рис. 1.

² Работы П. Бёрка по социологии знания: «Социальная история знания: от Гутенберга до Дидро» (2000), «Социальная история знания II: от Энциклопедии до Википедии» (2012), «Что такое история знания» (2016).

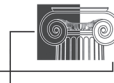
Новый источник по истории библиотеки Иркутской духовной семинарии.

К «де-присоединенным книгам» мы относим «сочинения неблагомыслящих». Благодаря электронным каталогам Научной библиотеки Иркутского государственного университета (НБ ИГУ), Российской государственной библиотеки (РГБ) и Баварской государственной библиотеки (БГБ) нам удалось расшифровать краткие библиографические записи из каталога, кроме двух (№ 4 и 8, таблица 1).

Сведения о книгах в рукописном каталоге расположены в семи столбцах: 1) порядковый номер издания в библиотеке; 2) порядковый номер в «отделении» (или разделе); 3) имя автора; 4) формат (указаны размеры в долях листа) и название в одном столбце; далее в отдельных столбцах 5) год и 6) место издания; последний столбец 7) «переплет» содержит сведения о внешнем виде книги («в досках», «в пергамене», «в коже», «в корешке» или «в бумажке»).

№ издания	№ отделения	Имя автора	Формат и название	Год	Место издания	Переплет
141. 1.		Fructibus carnis vitam mortuam...	1800	Amsterdam	Вязаный	
102. 2.		Epistola Apologetica pro Erubico...	1789	Amsterdam	Вязаный	
103. 3.		Epistola Apologetica pro Erubico...	1789	Amsterdam	Вязаный	
104. 4.		Enchiridion de virtute...	1782	Amsterdam	Вязаный	
105. 5.		Ammonitiones...	1774	Amsterdam	Вязаный	
106. 6.		Ammonitiones...	1774	Amsterdam	Вязаный	

Рис. 1

№ п/п	Библиографическое описание	Переплет
1	Alciato, Andrea (1492–1550). Andrea Alciati. Tractatus contra vitam monasticam, cui accedit sylloge epistolarum: nimirum Andr. Alciati et al. Aliorumque virorum clarissimorum... Vetera aliquot testamenta / Adjectis notis Antonius Matthaeus. Hagae: Comitum Apud Block, 1740. 4°.	в коже
2	**Buddeus, Johann Franz (1667–1729). Epistola apologetica pro ecclesia Lutherana contra calumnias et obtreccionem Stephani Javorskii, Resanens et Metropolitae, ad amicVum Moscuae degentem. Jena, 1729. 4°.	в корешке
3	** Конволют. Buddeus, Johann Franz (1667–1729). Epistola apologetica pro ecclesia Lutherana contra calumnias et obtreccionem Stephani Javorskii, Resanens et Metropolitae, ad amicVum Moscuae degentem. Jena, 1729. 4°. Сплетено с 4-мя изданиями: 1 аллигат. Wolff, Christian (1679–1754). Oratio de Sinarum philosophia practica, in solemnii panegyri recitata, cum in ipso Academiae Halensis natali XXVIII., d. XII. julii... 1721, fascis prorectorales successori traderet, notis uberioribus illustrata. / Ch. Wolff. Francofurti ad Moenum: apud J. B. Andree et H. Hort, 1729. 2 аллигат. Volder, Burcheri de (1643–1709). Burcheri De Volder Oratio De Rationis Viribus, Et Usu In Scientiis: Dicta Publice Cum Rectoris Academiae Lugd. Bat. munere abiret. A. d. VI. Idus Februarii, anni MDCXCVIII. / B. Volder. Lugduni Batavorum: apud Abrahamum Elzevier. 3 аллигат. Noodt, Gerard Noodt (1647–1725). Julius Paulus, sive de Partus Expositione et nece apud veteres, liber singularis / G. Noodt. Editio secunda, priore auctior. Lugduni Batavorum: apud Johannem vander Linden, 1710. 4. аллигат. Lommius, Joannes Henricus. Oratio De Necessitate Matheseos In Physica.; Dicta Pubice A. D. 15. Septembr. 1729: Quum Ordinariam Matheseos Professorem solenniter auspicaretur / Joannes Henricus Lommius. Breae: apud Hermannum Jaegerum, 1729.	в коже
4	Не установленное издание. Lipsia (Лейпциг), 1619. 4°.	в пергамене
5	**Gengell, Georgius S. J. Admiranda Lutheri tribus exposita tractatibus. In primo exponuntur & discutiuntur aliqua dicta & facta, Lutherum concementia, quae ab ejus Affectis, inter Admiranda reponi solent. In secundo exponunt vere Admiranda Lutheri mendacia, atque Convicia lata in SS. Patres, Sacra Concilia, S. Moysen, & libros Scripturae Sacrae. Item Admiranda ejus superbia, & malendicentia. In tertio Tractatu demum, admirandi errores continenti tum in Lutheri Doctrina, tum in ejusdem Doctrinae Confirmatione. tum in datis ab eo variorum Casuum Resolutionibus, exponuntur / Authore Patre Georgio Gengell, societatis Jesu Theologo. Pragae, typis Universit. Carolo-Ferdinandae, 1714. 4°.	в корешке
6	**Brochmand, Jesper Rasmussen (1585–1652). Lychnos Logu Prophetiku, Phainon en auchmero topo: Oppositus Veritatis Pontificiae Speculo. Hoc est, Succincta, sed solida, causarum, quibus inductus Illustrissimus Dux Christianus Wilhelmus Marchio Brandenburgensis &c., a Lutherana Ecclesia defecit, & se Ecclesiae Pontificiae mancipavit, refutation: regio iussu adornata / J. R. Brochmand. Rostochi: ac Johannis Hallervordii ac Joachimi Moltkenii, bibliopol. sumptibus, 1640. 4°	в пергамене
7	**Dannhauer, Johann Konrad (1603–1666). Hodomoria Spiritvs Papaei. Duodecim Phantasmatis, Academica Parrhesia ac Philalethea Detecti, ac examinati: Duodecim Phantasmatis, Academica Parrhesia ac Philalethea Detecti, ac examinati à Ioh. Conrado Dannhawero, Doctorie Et Professore Theologo In Acad. Argent. Argentorati: Spoor, 1653. 8°.	в пергамене
8	Не установленное издание. Н(?). Catechismus religions Reformatorum. Без года и места издания. 8°.	в бумажке
9	**Вольтер, Франсуа Мари Аруэ де (1694–1778). Человек в 40 талеров. / Сочинение г. Волтера; [Перевел П. И. Богданович]. Новое изд. Санктпетербург: Печат. и прод. с 5 картинами по Невской перспективе у Аничковского мосту в доме г. Зубова: [Тип. Богдановича], 1792. 8°.	в коже
10	**Гоббс, Томас (1588–1679). Фомы Гоббезия Начальные основания философического о гражданине / Переведены с латинского [Семеном Венецеевым]. Санктпетербург; Москва: [Тип. Воен. коллегии], 1776. 8°.	в корешке
11	Гюэ, Пьер Даниэль (1630–1721). Г. Гуэция Историческое разсуждение о начале романов, / С прибавлением Беллегардова Разговора о том, какую можно получить пользу от чтения романов; Переведено с французского языка Иваном Крюковым; Иждивением Н. Новикова и Компании. Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. 8°.	в корешке

Таблица 1 (начало). Сочинения неблагомыслящих* «Works of forbidden writers»

№ п/п	Библиографическое описание	Переплет
12	**Voltaire, François Marie Arouet de (1763–1764). Collection complete des oeuvres de mr. de Voltaire. [s. l.]: [s. n.], 1763–1764. 8°.	в корешке
13	**Voltaire, François Marie Arouet de (1763–1764). Contes de Guillaume Vadé [pseud.] et autres pièces / Par m. de Voltaire. Genève: [s. n.], 1764. 8°.	в корешке
14	Voltaire, François Marie Arouet de (1763–1764). Oeuvres complètes de Voltaire. [Kehl]: Impr. de la Société littéraire-typographique, 1785. T. 61: [Recueil des lettres de m. Voltaire.] [T. 10. 1769–1771]. 1785. 8°.	в бумажке
15	Von Ehesachen / D. Mart. Luth.; Item. Vom Ehebruch und weglauffen / D. J. Bugenhagen...; De arbore consanguinitatis & affinitatis, sive De gradibus. Philippi Melanthonis. Vittemberg [Wittenberg]: Durch Joseph Klug, 1540. 4°.	в досках
16	**Spinoza, Benedictus de (1632–1677). Tractatus theologico-politicus: continens dissertationes aliquot, quibus ostenditur libertatem philosophandi non tantum salva pietate, & reipublicae pace posse concedi, sed eandem nisi cum pace reipublicae, ipsaque pietate tolli non posse / Benedictus de Spinoz. – Hamburgi: apud Henricum Kunraht, 1670. 4°.	в пергамене
17	**Historia perbrevis. Aboae: Winter, 1671. 4°. Содержание: I. De ortu, progressu, et exitu Augustanae confessionis II. De ejusdem apologia III. De articulis Smalcaldicis IV. De libro interimistico V. De formula concordiae	в корешке
18	**Штарк, Иоганн Август (1741–1816). Апология, или Защищение ордена Вольных каменщиков. / Писанная братом**** членом Шотландской** ложи, в П**.; Перевод с немецкого языка [И. П. Тургенева]. Печатана в Москве: В вольной типографии И. Лопухина, 1784. 8°	в коже
19	Сире, Пьер Луи (1745–1798). Человек с латынью, или Судьба ученых людей: Небывалая история / Переведена с французского на российский язык; Иждивением Н. Новикова и Компании. Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. 8°.	в коже

* Источник: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 834. Оп. 3. Д. 3251. Л. 53 об. – 55 об.

** Сведения об экземпляре есть в Электронном каталоге Научной библиотеки Иркутского государственного университета.

Таблица 1 (окончание). Сочинения неблагомыслящих* «Works of forbidden writers»

В Таблице 1 мы расположили сведения о книгах в трех столбцах: номер по порядку в разделе, библиографические данные, сведения о переплете.

Анализ представленных книг начнем с внешнего вида изданий. В комментариях не нуждаются переплеты «в досках», «в пергамене», «в коже», а вот о вариантах «в корешке» и «в бумажке» скажем отдельно. В XVIII веке с расширением круга читателей появились более дешевые способы переплета – полукожаный («в корешок») и в обложке из одноцветной бумаги («в бумажку») [13, с. 153]. В Иркутском каталоге «в бумажке» две книги. Одну из них не удалось атрибутировать, так как, кроме краткого назва-

ния «Catechismus religions Reformatorum», нет указания на год и место издания (№ 8, таблица 1). Вторая книга – десятый том из французского полного собрания писем Вольтера 1785 года издания (№ 14, таблица 1). «В корешке» семь книг 1770–1780-х годов – это отдельные тома из Полного собрания сочинений Вольтера, две русские книги и трактаты на латыни (№ 2, 5, 10–13, 17, таблица 1). Вероятно, из-за недостатка средств у семинарской библиотеки книги остались без переплета («в бумажке») или были переплетены в один из дешевых вариантов («в корешке»). И. М. Полонская указывает, что «в 1780-х годах переплет одного тома в 8-ю долю листа в сафьян стоил 2 руб., в те-

лячью кожу – 30 коп., «в корешок» – 15 коп., в бумажную обложку – 5 коп. Для XVIII века это были немалые цены, если учесть, что пуд ржаной муки в 1762 г. стоил 14 коп., а в 1797 г. – 68 коп.» [13, с. 153]. Сохранность почти половины изданий (9 экземпляров из 19-ти), указанных в рукописном каталоге в разделе «Сочинения неблагомыслящих», в полукожаных переплетах или совсем без оных, может свидетельствовать о том, что эти книги были «сокрыты» (П. Бёрк) от большинства читателей либо сразу после приобретения (те, что «в бумажке»), либо предполагалось, что ими будут пользоваться, и их отдали в переплет по дешевому варианту, но позже «де-присоединили» (П. Бёрк).

От внешнего вида обратимся к количественным характеристикам. Всего в разделе каталога «Библиотека книг, не принадлежавших к духовному просвещению» было указано 119 изданий. Из них 19 (или 16%) составлял «Разряд последний» (отметим, что кроме «неблагомыслящих» в нем был раздел «Театр»³. Из 19 книг «сочинений неблагомыслящих» одна книга издана в XVI веке, шесть – в XVII-м и 12 – в XVIII-м. Среди трудов «неблагомыслящих авторов» нет изданий XIX века (время составления каталога), поэтому можно предположить, что они поступили в фонд Фундаментальной библиотеки Иркутской духовной семинарии в период ее организации, то есть после 1780 года и до 1820-х годов. Возможно, источником получения этих книг были дары (известно, что во многом благодаря дарам библиотека пополнялась [1]), а не закупки. В пользу этой версии говорит наличие владельческого конволюта, в состав которого входили сочинения 1698–1729 годов издания (№ 3, *таблица 1*). Но нельзя исключать и того, что книги специально приобретались, а в дальнейшем под воздействием разных обстоятельств (революционные события во Франции, цензурные ограничения, введение духовной цензуры и пр.) были помещены в раздел «неблагомыслящих».

³ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3251. Л. 53.

Авторы «Сочинений неблагомыслящих»

Кто были авторы книг, указанных в этом разделе? большей частью это философы, юристы, поэты, писатели, а также богословы и теологи, представители разных течений христианства. Так, например, Андреа Альчиати (1492–1550), итальянский юрист, один из основателей юридического гуманизма, автор многократно переиздававшегося труда по эмблематике [15], в Каталоге представлен «Трактатом против монашеской жизни» (№ 1, *таблица 1*). Автором «*Historia perbrevis*» (№ 17, *таблица 1*) был Йоханнес Гезелиус (1615–1690), шведский и финский церковный деятель, богослов, сторонник объединения всех протестантских исповеданий в одну церковь. В рамках воплощения этой идеи, видимо, и была издана книга, содержащая «*Formula concordiae*» («Формула согласия») – одна из символических книг лютеранской церкви, призванная прекратить распри, возникшие после смерти Лютера среди его сторонников [7, с. 5]).

Среди «неблагомыслящих» было популярное у русских читателей сочинение Томаса Гоббса (№ 10, *таблица 1*). Перевод труда английского философа-материалиста «Философских оснований учения о гражданине» был, например, в библиотеке Н. А. Демидова. После прочтения книги уральский заводчик оставил такую запись: «Хотя Сия филозофическая тонкость и дана знать, но не всякой с охотою прочтет а особливо думать можно что болшим боярам не понравится. Читано в апреле 26 числа 1776 года» [3, форзац⁴]. Идеи о гражданских правах, видимо, «не понравились» и тем, кто включил книгу Гоббса в последний раздел каталога иркутской библиотеки. Заметим, что в библиотеке Казанской духовной семинарии труд Т. Гоббса числился в разделе «Сочинения философов» [20, с. 253].

⁴ См. экземпляр из фонда Свердловской областной универсальной библиотеки им. В. Г. Беллинского, электронный вариант которого доступен в Национальной электронной библиотеке по ссылке: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000025436/. В записи Н. А. Демидова сохранена орфография и пунктуация.

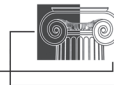
Книгу Иоганна Августа Штарка (1741–1816) об ордене Вольных каменщиков (№ 18, *таблица 1*), возможно, зачислили в «неблагомыслящие» только из-за упоминания известного масонского ордена. Известно, что в конце 1770-х гг. из-за обострения отношений России со Швецией Орден вольных каменщиков «начал вызывать высочайшие подозрения <...> начальник петербургской полиции П. В. Лопухин получил приказ проверить деятельность лож, управлявшихся князем Г. П. Гагариным и состоявших в союзе с Великой шведской ложей» [21, с. 211]. Как отмечает исследователь феномена русского масонства Д. Смит, И. А. Штарк, «преподававший в петербургской немецкой школе Св. Петра и являвшийся в прошлом видной фигурой русского и германского масонства был известен в масонских кругах России с 1760-х г.» [21, с. 109]. В 1784 г. в России труд «брата, члена Шотландской ложи», изданный на немецком языке в 1770 г., был переведен на русский и выдержал два издания [16, с. 387]. Новиковское издание (№ 11, *таблица 1*), предполагаем, было отнесено в раздел «неблагомыслящих» после суда над издателем и уничтожения части тиражей, изданных им книг [8, с. 338].

На первый взгляд может показаться, что популярные авторы западного мира, стоявшие у истоков протестантизма или защищавшие католицизм, автоматически «де-присоединились», но это не так; более того, книги одного и того же автора могли каталогизироваться как в раздел «Сочинения неблагомыслящих писателей», так и в другие. Примером является «Апологетическое письмо в защиту лютеранской церкви» немецкого лютеранского теолога Иоганна Франца Буддея (1667–1729), изданное в Йене в 1729 г. (№ 2 и 3, *таблица 1*). Это письмо – ответ Стефану Яворскому (1658–1722), митрополиту Рязанскому и Муромскому, на его сочинение «Камень веры», написанное «в опровержение протестантских теорий» [10, с. 153]. Другие труды Буддея, как прижизненные, так и переизданные после его смерти, были в библиотеках Московской (9 изданий) [17, с. 286] и Казанской духовных ака-

демий (5 изданий) [20, с. 81, 100, 248, 323, 352]; они каталогизировались в разделах «Патрология: сочинения средневековых и новейших церковных писателей», «Основное богословие: христианская апологетика», «Философия», «Системы библейской истории и истории еврейского народа» и «Древняя церковная история». В НБ УрГЮУ самое раннее издание – это тоже сочинение Буддея «Избранные права природы и народов» (Галле, 1704) [11, с. 25–26], ранее принадлежащее библиотеке Иркутской духовной семинарии (предположительно из раздела «Законоведение»). На книге сохранилась не только владельческая запись, но и многочисленные следы прочтения – подчеркивания и различные пометы на полях, т. е. семинаристы и преподаватели ее активно использовали, что вряд ли было возможно в отношении его «Апологетического письма в защиту лютеранской церкви», раз оно было отнесено к «неблагомыслящим».

Действительно, в этот раздел могли попасть не все книги автора, а какие-то отдельные его сочинения, как было с книгами Вольтера. Из полного собрания его сочинений только том с письмами за 1769–1771 гг. был отнесен к «неблагомыслящим» (№ 14, *таблица 1*). Возможно, других томов из этого собрания не было вовсе, но нельзя исключить и того, что письма только этого периода подверглись «изгнанию». Отметим, что из 19 изданий в разряде «неблагомыслящих» было 4 книги Вольтера (или одна пятая часть). Это три книги на французском языке (№ 12–14, *таблица 1*) и одна на русском (№ 9, *таблица 1*). В то же время в библиотеке Московской духовной семинарии было четыре книги Вольтера на русском языке [18, с. 183, 348] и десять – на французском, в том числе и те, что в Иркутске были отнесены в последний раздел Каталога (№ 12 и 14, *таблица 1*) [19, с. 28–29].

Нужно отметить, что интерес к сочинениям вольнодумца Вольтера среди читателей-священнослужителей был велик, что подтверждают не только каталоги семинарских библиотек, но и такие артефакты, как рукописный поэтический сборник конца XVIII – начала

XIX века, принадлежащий священнику [5]. Первыми стихами, записанными в альбом, был перевод неизвестным лицом поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» [5, с. 238]. Примечательно, что именно этот текст антиклерикальной направленности открывает сборник. И что этот неизвестный перевод (напомним, что на русском поэма впервые была издана лишь в 1924 году [2]) выполнен «старательным и умелым стихотворцем, вполне прилично знавшим французский язык, но ... не слишком образованным, хотя какими-то сведениями об истории Франции и Столетней войне он обладал» [5, с. 238]. Еще одним подтверждением популярности французского автора среди духовенства могут служить записи из дневника, который вел екатеринбургский протоиерей Екатеринбургской соборной церкви Ф. Л. Карпинский (1758–1831) в 1798–1799 годах [6]. Из 47 наименований книг и сборников екатеринбургский священник прочел три книги Вольтера и две Ж.-Ж. Руссо, что, несомненно, указывает на осознанный выбор книг этих писателей, так как все другие авторы в дневнике упоминаются по одному разу.

Популярность Вольтера и Руссо среди духовного сословия может быть связана и с тем, что отрывки из их сочинений использовались для занятий со студентами французским языком. Например, митрополит Самуил Миславский (в миру – Симеон Григорьевич Миславский; 1731–1796) советовал ректору Харьковского коллегиума Лаврентию Кордету (1720–1781) выбирать для занятий со студентами те места из произведений Руссо и Вольтера, «славнейших французских сочинителей ... красноречивых, искусных и остроумных авторов», которые не содержат «предосуждения нашей веры и благочестия» (цит. по: [14, с. 201]). Галломании, видимо, были подвержены не только представители дворянства, но и священничество, что наглядно демонстрируют каталоги духовных семинарий, изданные в 1870–1890-х гг., и раздел «неблагомыслящих» из Иркутского рукописного каталога.

Известно, что такие разряды в каталогах духовных лиц и учебных заведений в XVIII –

первой половине XIX века были нормой. Так, И. Л. Григорьева и Н. В. Салоников указали, что в Библиотеке архиепископа Ярославского и Ростовского Антония (Знаменского) в разряде «Неблагомыслящие писатели» было две книги на русском языке [4, с. 171].

Для окончательных выводов о составе подобных разрядов в фондах библиотек духовных семинарий нужны дальнейшие исследования и сравнительный анализ, который позволил бы определить, была ли это стандартная практика «отбрасывания» знания. Вполне возможно, формирование этой части фонда книжного собрания зависело от субъективного отношения библиотекаря, решений руководства семинарии, ситуаций, связанных с внешними обстоятельствами и т. п. Источником для подобных сравнительных изысканий могли бы послужить каталоги духовных училищ, семинарий и академий, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в 834-м фонде – «Рукописи Синода». Согласно третьей описи там хранится 90 каталогов (дела 3240–3330) [12, с. 315–335].

Но даже в первом приближении указанные данные свидетельствуют о бытовании в Сибири масонской литературы, сочинений представителей французского Просвещения, католических и протестантских авторов XVI–XVIII веков. Это расширяет наши представления не только о развитии книжной торговли и книгораспространении в Сибири, но и «сокрытии, уничтожении и особенно отбрасывании» (П. Бёрк) идей и знаний в прошлом. Наличие подобных сочинений в библиотеке духовной семинарии демонстрирует широту интеллектуальных интересов представителей духовенства, их открытость к «иному» знанию. Идеи Просвещения, новиковские издания, полемические труды, исторические, философские и теологические сочинения западноевропейских авторов находили своих читателей в далекой провинции, о чем свидетельствуют владельческие конволюты и переплеты. Включенные в раздел «Сочинения неблагомыслящих», они могли вызывать повышенный интерес со стороны молодых преподавателей

семинарии или наиболее настойчивых студентов, были доступны для знакомства. Важно отметить, что из 19 книг, включенных в раздел Каталога «Сочинения неблагомыслящих», 12 сейчас хранятся в НБ ИГУ. Это значит, что они сохранялись в фонде семинарской библиотеки, а после ее закрытия были переданы в фонд Иркутского университета. Летописец Иркутска Н. С. Романов писал, что из закрытых Советской властью учреждений «в Ир-

кутскую губернскую публичную библиотеку в 1918–1924 гг. поступило более 35 тысяч изданий, из которых наиболее ценные направлялись в Научную библиотеку Иркутского университета» [9, с. 70–74]. Таким образом, пусть «де-присоединенные», «отброшенные», но эти книги хранились с конца XVIII века и до сих пор доступны для изучения и анализа, тем самым доказывая, что у знаний нет «срока годности».

Список литературы

1. *Виноградов А.* Историческая записка об Иркутской духовной семинарии // Иркутские епархиальные ведомости. 1879. № 42. Прибавления. С. 485–498.
2. *Вольтер Ф. М. А. де.* Орлеанская девственница: поэма в 21 песни. Москва; Ленинград: Всемирная литература, 1924. Т. 1. XLII, 183, [7] с.
3. *Гоббс Т.* Начальные основания философические о гражданине. Санкт-Петербург; Москва: [Типография Военной коллегии], 1776. [48], 188, [4] с.
4. *Григорьева И. Л., Салонилов Н. В.* Библиотека архиепископа Ярославского и Ростовского Антония (Знаменского) // Лихудовские чтения = The Leichoudes' studies: материалы Научной конференции «Вторые Лихудовские чтения», Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2009. С. 167–191.
5. *Заборов П. Р.* «Сия книга грешного Степана» // Вопросы литературы. 2022. № 2. С. 238–241.
6. *Карпинский Ф. Л.* Дневник священника // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 114–143.
7. Книга согласия: вероисповедание и учение Лютеранской церкви / [ред. А. Комаров; пер. К. Комаров]. Санкт-Петербург: Наука, 2014. 829, [7] с.
8. *Кондратьев А. И.* Новиковские издания // Книга в России. 2-е изд. Москва: Государственная историческая библиотека, 2008. Ч. 1: Русская книга от начала письменности до 1800 года. С. 287–357.
9. Летопись Иркутской губернской библиотеки. Из воспоминаний Н. С. Романова 1861–1931 гг. / [авт.-сост. Ф. М. Полищук]. Иркутск: Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2008. 260 с.
10. *Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: ч. 1–3. Санкт-Петербург: Редакция журнала «Мир божий», 1897. Т. 2: Церковь и школа: (вера, творчество, образование). 1897. [2], VIII, 365 с.
11. *Овчинникова О. А., Морева О. В.* Книги XVIII в. по естественному праву из библиотеки Иркутской духовной семинарии как исторический источник // Библиосфера. 2021. № 4. С. 22–28.
12. Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего синода / [архивариус Св. синода А. Никольский]. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1910. Т. 2, выпуск 2. С. 315–335.
13. *Полонская И. М.* Русская издательская обложка и переплет XVIII в. // Книга. Исследования и материалы. Москва: Книга, 1979. Сб. 38. С. 152–161.
14. *Посохова Л. Ю.* «Сад украинских наук» и его создатели: опыт реконструкции интеллектуальных сетей второй половины XVIII – начала XIX века // Век Просвещения. Москва: Наука, 2018. Выпуск 6: Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос. С. 189–207.
15. *Сахно И. М.* «Ut pictura poesis»: поэтическая и живописная эмблема барокко // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2015. № 5. С. 94–101.

16. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800: [в 3 т.] / [сост.: Е. И. Кацпржак и др.]. Москва: Издание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1966. Т. 3: Р–Я: 1901–1916. 686 с.
17. Систематический каталог книг Библиотеки Московской духовной академии, составленный библиотекарем Московской духовной академии И. Корсунским: [выпуск 1–7]. Москва: Типография М. Н. Лаврова, 1887. Т. 2, выпуск 4: Богословие. [4], 413–752, LXXX с.
18. Систематический каталог книг Библиотеки Московской духовной академии, составленный библиотекарем Московской духовной академии И. Корсунским: [выпуск 1–7]. Москва: Типография М. Н. Лаврова, 1895. Т. 4, выпуск 7, первая половина: Словесность и история / сост. библиотекарем Акад. Н. Колосовым. [2], 380, LVII с.
19. Систематический каталог книг Библиотеки Московской духовной академии, составленный библиотекарем Московской духовной академии И. Корсунским: [выпуск 1–7]. Москва: Типография М. Н. Лаврова, 1890. Т. 3: Богословие и философия. Выпуск 6: Философия. [2], 252, XXXVIII с.
20. Систематический каталог книг Фундаментальной библиотеки Казанской духовной академии / [сост. библиотекарь Академии Ф. Троицкий]. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1874. 552 с.
21. *Смит Д.* Работа над диким камнем: масонский орден и русское общество в XVIII веке. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. 222 с.
22. *Юм Д.* Исследование человеческого разума = (An inquiry concerning human understanding). Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1902. [4], 194 с.
23. *Burke P.* Loss and gain: the social history of knowledge, 1750–2000 // Think-Pieces. 2010. 13 дек. Theory. Culture & Society Global Pablik Life. URL: <https://www.theoryculturesociety.org/blog/peter-burke-on-the-social-history-of-knowledge-1750-2000>

*

Поступила в редакцию 02.10.2023

ОБРАЗ ЗАКРЫТОГО ГОРОДА В ЛОКАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОЗЕРСКА)

УДК 008+316.7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-86-95>

З. А. Загуляева

Челябинский государственный институт культуры,

Челябинск, Российская Федерация,

e-mail: z.a.zagulyaeva@mail.ru

Аннотация: Культурология города включает в себя широкий спектр направлений исследовательского поиска. Среди них весьма актуальным на сегодняшний день является изучение моногородов, сложно адаптирующихся к современным социокультурным реалиям. В меньшей степени системно отрerefлексированы, с точки зрения культурологии, закрытые атомные города, выделяющиеся в ряду других моногородов спецификой урбаногенеза, принадлежностью к наукоемкой отрасли промышленности и до сих пор являющиеся режимными объектами с буквально закрытой территорией. Это способствовало формированию на данных территориях особого социокультурного пространства, важнейшим структурным компонентом которого является образ Места. В статье на основе анализа ценностно-смыслового наполнения стихотворений местных авторов о городе Озерске Челябинской области (ЗАТО г. Озерск) выявлены доминирующие лейтмотивы и ключевые концепты образа закрытого атомного города, репрезентирующие художественное восприятие локуса и отношение жителей к нему.

Ключевые слова: ЗАТО, закрытый атомный город, Озерск, социокультурное пространство, локальный текст, локальная культура, культурология города, образ города.

Для цитирования: Загуляева З. А. Образ закрытого города в локальной поэзии (на примере города Озерска) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 86–95. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-86-95>

THE IMAGE OF A CLOSED CITY IN LOCAL POETRY ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF OZERSK

Zoya A. Zagulyaeva

Chelyabinsk State Institute of Culture,

Chelyabinsk, Russian Federation,

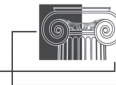
e-mail: z.a.zagulyaeva@mail.ru

Abstract: Urban cultural studies includes a wide range of scientific studies. Among them, we can highlight those that are relevant in the humanities course in the complex study of single-industry towns, which are difficult to adapt to modern sociocultural realities. To a lesser extent, the points of view of culture are sys-

ЗАГУЛЯЕВА ЗОЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры

ZAGULYAEVA ZOYA ALEXANDROVNA – Postgraduate at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture

© Загуляева З. А., 2023

tematically reflected, closed nuclear cities, popular among other single-industry towns with the specifics of urbanogenesis, belonging to a knowledge-intensive industry, industry and are still leaders in sensitive objects with a literally closed territory, which ultimately contributes to the formation of these territories of a special socio-cultural space., the most important structural component of which is the image of the Place. In the article, based on the analysis of the value and semantic content of poems by local authors about the city of Ozersk in the Chelyabinsk region (CATE Ozersk), vague leitmotifs and basic concepts of the image of a closed nuclear city are identified, representing the artistic perception of the locus and the attitude of residents towards it.

Keywords: CATE, closed nuclear city, Ozersk, sociocultural space, local text, local culture, cultural studies of the city, image of the city.

For citation: Zagulyaeva Z. A. The image of a closed city in local poetry (on the example of the city of Ozersk). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 86–95. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-86-95>

Исследование города на данный момент является популярным направлением научного поиска в гуманитаристике. О городах пишут социологи, историки, представители гуманитарной географии, экономисты, архитекторы, философы и, конечно, культурологи, чья исследовательская оптика отличается ярко выраженной интегративностью и способствует системному взгляду на этот многогранный феномен во всем его многообразии. Согласимся с культурологом Е. Н. Мастеницей: «Город и культура – понятия неотделимые друг от друга, более того, они настолько взаимосвязаны, что между ними невозможно провести границу» [21, с. 226].

Сегодня ученые-гуманитарии стремятся постичь не только особенности столичных и больших городов, но более активно – и эта тенденция усиливается с каждым годом – занимаются исследованиями «на местах»: изучают малые города и провинции в попытке обозначить уникальность локальных городских культур, найти опоры городской идентичности в условиях роста больших городов и культурной глобализации.

К таким локальным городским культурам можно отнести культуры многочисленных моногородов, по-прежнему зависящих от градообразующих предприятий и нуждающихся в диверсификации индустриальной ментальности, придании новых, актуальных смыслов их социокультурному пространству. Моно-

городами являются и десять закрытых городов-спутников предприятий и конструкторских бюро атомной промышленности, которые были построены или перепрофилированы в период с 1945 по 1957 год на территории СССР в рамках реализации атомного проекта. Все они обладают чертами сходства, обусловленными идентичными факторами культурогенеза и принадлежностью к уникальной наукоемкой отрасли промышленности, а также – особенным режимом бытования в условиях закрытой территории со специальной пропускной системой, действующей до сих пор. Это города Озерск, Трехгорный, Снежинск, Новоуральск, Лесной, Железногорск, Зеленогорск, Заречный, Саров и Северск¹, достаточно подробно рассмотренные в работах историков Н. В. Мельниковой, В. С. Толстикова, Г. А. Реута, В. Н. Кузнецова, А. Г. Константиновой, С. А. Ряскова и др., экономистов Д. Ю. Байдарова, Д. Ю. Файкова, социологов и философов А. В. Юрьевой, Г. А. Орловой, Т. Е. Картановой. При этом они практически не изучены с точки зрения культурологии (несколько статей доктора культурологии М. Л. Шуб посвящены локальной идентичности атомных ЗАТО), что объясняет актуальность данного исследования.

¹ Указаны современные названия. До выхода в 1992 году Закона «О закрытом административно-территориальном образовании» имели номерные названия (например, Челябинск-40 и т. п.).

Образ города и его репрезентация в локальном тексте

Постигая город как социокультурный феномен, культуролог всегда стремится не столько к описанию внешних, видимых особенностей (архитектурного облика, топонимической системы, специфики культурной среды) и процессов (социокультурных практик в широком смысле), сколько к пониманию через них социокультурного пространства города – его «индивидуальности», «души». Именно так один из родоначальников отечественного градостроения Н. П. Анциферов называл «исторически проявляющееся единство всех сторон жизни города» – географического и культурного ландшафтов, особенностей повседневности, «духовного бытия» горожан [2, с. 45, 48].

Восприятие этой системной совокупности уникальных особенностей локальной культуры, ее историко-культурного фундамента и ценностного ядра, смыслов и нарративов, а также внешнего облика выражается через образ города – категорию, нашедшую отражение в научных работах западного урбаниста К. Линча и трудах отечественных ученых – Н. А. Анциферова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Н. Е. Меднис, В. В. Абашева, Т. Г. Горанской, В. И. Жельвиса, Е. И. Головановой, Л. М. Гаврилиной, Ю. Р. Гореловой, Д. Н. Замятина, Н. О. Анисимова, Д. С. Сабининой, Ж. А. Баянбаевой, Г. В. Горновой, В. Г. Рыженко, Ю. А. Веденина, С. В. Мельниковой и др.

Образ города – это, по сути, целостный и «неповторимый узор смыслов» [14, с. 19], который «формируется всей совокупностью представлений и мнений (обыденных, научных и художественных)» [14, с. 26] о Месте. Он отражает сущность локальной городской культуры и являет собой систему символов, знаков, визуальных и эстетических характеристик, связанных с городом, включает в себя всю совокупность его репрезентаций – историко-культурную, архитектурно-средовую, ландшафтную, художественную и т. д., а также – эмоциональное восприятие города жителями.

Важно, что понятие «образ города» тесно связано с понятием локального текста – «корпуса “текстов о Месте”» [3, с. 77], который складывается на основе семиотических ресурсов локуса, представляющего собой совокупность его характеристик, «отражающих специфику, неповторимость» [11, с. 46] города, сложившуюся в процессе его исторического развития и репрезентирующую актуальное состояние его культуры.

Локальный текст всегда связан единым ценностно-смысловым ядром [3, с. 78], что позволяет достаточно объективно реконструировать образ изучаемого локуса, несмотря на то, что для каждого жителя изучаемый город «свой», особенный, наполненный личными воспоминаниями и перцептивными характеристиками, «персональными смыслами» [13, с. 95].

К локальным текстам обычно относятся те, которые создают образ Места посредством визуальной репрезентации, живописных и литературных произведений, научных текстов, публикаций в СМИ и т. д. [14, с. 19, 21]. Так, одним из самых популярных в гуманитарной науке и наиболее репрезентативных способов «прочсть» образ города есть обращение к литературным источникам о нем, актуализирующим смыслы локальной культуры, позволяющим «субъективной данности Места возможность раскрыться во всей своей красоте и многогранности» [13, с. 95].

Объектом исследования в данной статье выступает Озерск – закрытый город-спутник первого предприятия отечественной атомной промышленности производственного объединения «Маяк», расположенный на Южном Урале. Цель работы – выявление ключевых концептов образа города в локальных поэтических текстах, среди авторов которых в основном ветераны градообразующего предприятия и других учреждений города, коренные озерчане, имеющие высокую степень идентичности с местом проживания.

Так, на основе анализа ценностно-смыслового наполнения стихотворений об атомграде, написанных в постсоветский

период и представленных в полнотекстовой базе данных «В память о времени и людях»², был выявлен ряд ключевых концептов образа закрытого атомного города.

Производственный концепт: Озерск – атомный город. Необходимость предотвращения ядерной монополии Соединенных штатов Америки и обеспечения безопасности Советского государства после Второй мировой войны способствовала возникновению новой для СССР наукоемкой отрасли промышленности – атомной. Одновременно с комбинатами, предприятиями, конструкторскими бюро на территории Урала, в Сибири и Поволжье, в отдалении от столицы и государственных границ, поскольку безопасности и секретности требовала специфика производства, появились закрытые рабочие поселки, ставшие впоследствии городами.

Озерск – один из десяти закрытых атомных моногородов, родина первого предприятия советской атомной отрасли, завода № 817 (сегодня ПО «Маяк»), и его появление непосредственно связано с производственной необходимостью. Учитывая эту особенность урбаногенеза, неудивительно, что в локальной поэзии активно вербализуется метафора «города-завода»:

*Среди Уральских гор, после Победы,
С прицелом дальним, точно на века,
“Урановым проектом” вызван
к жизни Город.
Построен первый атомный реактор
“Маяка” [16].*

Стихи, представленные в исследуемой подборке, транслируют ярко выраженную «атомную» идентичность; авторами достаточно часто используются слова «атом», «атомный», «ядерный», «атомград», постулирующие неразрывную связь города, где «Атом подчинился Человеку...» [16] с уникальной отраслью. Стоит обратить внимание, что в це-

лом для жителей моногородов свойственна приоритетность подобного ракурса их восприятия, а в структуре локальной (городской) идентичности существенную роль играет корпоративная [24, с. 123]:

*У Озерска есть святая Дата,
Торжеством согретый Юбилей,
Это день рожденья Комбината, –
Нет для города ни ближе, ни родней!..
Всё прошли, “МАЯК”, с тобою
И в тебе судьбу свою нашли!
И навек историей живою
В “МАЯКе”, как зерна проросли! [26].*

Так, этот неотъемлемый концепт образа закрытого атомного города, являющийся одним из ведущих его смыслов и особенностей, можно обозначить как *производственный*.

Концепт уникальности: Озерск – город с особой судьбой. Атомграды, куда до сих пор можно попасть, только имея специальный пропуск, изначально воспринимались жителями как «хранящие тайну производства атомного оружия», скрытые от посторонних, «доступные не каждому», «уникальные и особенные», как замечает уральский историк Н. В. Мельникова. А проживание в условиях секретности и территориальной изолированности ощущалось как «жизнь на другой планете» [23, с. 17].

Действительно, секретность производства и закрытость территории, специфика самой отрасли промышленности, многоступенчатый кадровый отбор работников градообразующего предприятия и других сфер, первостепенное товарное снабжение и обеспечение сферы соцкультбыта таких городов сделали их в некотором смысле уникальными в ряду городов-заводов эпохи директивной советской урбанизации. Стихи об Озерске, «городе с особой судьбой» [8], который является родиной первенца атомной промышленности, активно транслируют эти смыслы:

*Здесь в гармонии с физикой, с химией
Зрелость, молодость и седина,*

² Ссылки на цитируемые стихотворения указаны в списке литературы.

*Всё надежное, мощное, сильное,
Направляет сюда вся страна.
Здесь металл, неподвластный коррозии,
Здесь бетона седой монолит,
Здесь оплот всей новейшей истории,
Мирный атом и Ядерный щит [19].*

Что ж, «...особый мир, где всё не как везде...» [12], и сегодня бережно хранит уникальную историю своего урбаногенеза и становления и неизменно гордится ею.

Сопричастность к истории страны: Озерск – ядерный щит. Атомный проект стал во второй половине 1940-х годов приоритетной государственной задачей. Его успешная реализация, т. е. создание ядерного оружия, должна была обеспечить безопасность Советского Союза, понесшего серьезные потери в совсем недавно победно завершённой Великой Отечественной войне. Озерск – город, где был построен первый в СССР промышленный реактор для наработки оружейного плутония, без которого создание атомной бомбы для обеспечения ядерного паритета с США было бы невозможно.

Поэтому атомград в поэтических текстах предстает перед читателем городом-героем, «городом-защитником Отечества», городом, «сохранившим мир», «ковавшим кольчугу» государства [29], городом, перед которым «в долгу вся страна» [22], «щитом и мечом» Родины:

*Озерск достоин всероссийской славы!
Его заслуг перед страной не счесть!
Да, наш Урал – опорный край державы,
А наш Озерск – и щит её, и меч! [15].*

Стихи об Озерске наполнены патриотической патетикой, осознанием жизненной необходимости выполнения этой сложнейшей и такой нужной стране работы, для которой были мобилизованы («Сделать атомный щит для народа / На Урал нас послала страна» [7]) выпускники ведущих технических вузов, сотрудники научно-исследовательских институтов Москвы, Ленинграда и других больших городов:

*В мыслях не было сомненья.
Каждый верил, как себе,
Чьей-то воле и велью:
Значит, нужно так стране [4].*

Уникальность исторических и производственных особенностей атомной промышленности, ее важнейшей роли в истории советского государства – неотъемлемое смысловое наполнение локального текста:

*Не всё было просто – бывали невзгоды.
Оплачено многое полной ценой.
И памятник лучший за прошлые годы —
Тот щит, что надежно стоит
над страной [27].*

Или:

*...Наш город, скромно нареченный,
В века с Курчатовым войдет
Надежной, справедливой силой,
Защитником родной земли.
Здесь тыщи (авт. – Л. Волкова)
головы сложили,
Но миллионом жизнь спасли [9].*

Озерск – город трудового подвига. Этот концепт не только отлично объясняет пафос предыдущего, но и позволяет вербализировать истинный героизм «поколения великих первопроходцев, атомных творцов» [15], которые «...в этом деле первыми были...» [5] и «одолевая зной и зимы, в тайге воздвигли комбинат» [9].

Становление отрасли, которая не имела аналогов в индустриальном СССР, не было легким, производство создавалось в сложнейших условиях и, что немаловажно, в форсированном темпе, в условиях буквальной закрытости города, его территориальной изолированности, серьезных режимных требований. Но осознание высокой миссии, несомненно, нивелировало многие трудности и способствовало постоянному научно-творческому поиску, трудовой самоотверженности:

*Еще будут историки головы
Напрягать и обдумывать – как
Можно было в разрухе и голоде
В скором темпе построить "Маяк"?
А вопрос – до предела решаемый,
И страну выручал он не раз.
Жил в народе неиссякаемый
Патриотический энтузиазм!* [28].

Подобными смыслами наполнен и следующий отрывок:

*День и ночь, на холоде и в зное
Шли работы жаркие подряд!
В основание каждом Первостроя
Трудовые подвиги лежат!* [26].

Историк Н. В. Мельникова обращает внимание, что поколение, стоявшее после окончания Великой Отечественной войны у истоков атомной промышленности и закрытых городов, отличали патриотизм, самоотверженность, целеустремленность, а трудовой энтузиазм поистине был имманентно присущей ему чертой [23, с. 16]:

*Был молодой, надежный, славный
На подвиг призванный народ.
Он разный был, но в самом главном
Корчагина продолжил род...* [9].

«Укрощение атома», работа на комбинате воспринималась первопроходцами как борьба за мирное небо. Так, например, одно из стихотворений емко называется «Дважды спасшие мир» [28], что в некотором смысле позволяет сделать вывод о том, что работа на атомном производстве приравнивается самодеятельным поэтом к суровому бою, в котором сложности и невзгоды преодолеваются смело и уверенно. Другое стихотворение из подборки подтверждает подобное восприятие:

*Мы на фронте не все воевали.
Шла война, и среди тишины
Мы от атома мир защищали,*

*Ветераны холодной войны!
Шли мы в бой без защитных экранов,
Без кассет, лепестков, рукавиц,
Под осколками ядер урана,
Под бомбежкой гамма-частиц.
От энергии высших значений
Много нас полегло в том бою,
Под смертельным огнем излучений
Защищая Отчизну свою* [5].

Поистине художественно звучит словосочетание «ветераны Холодной войны» в предыдущем тексте, отражая идею трудового подвига первопроходцев. И вторит ему следующий отрывок: «Мы – атомщики! Мы – однопольчане! / Мы все в одном незыблемом строю!» [15].

Концепт элитарности и привилегированности. Важнейшим фактором формирования социокультурного пространства Озерска можно назвать ощущение привилегированности и избранности, что связано с выполнением ответственной работы государственной важности:

*Нам доверье оказали —
Молодым и полным сил.
Авангард собой являли:
Сильный дух, задорный пыл* [4].

Стоит обратить внимание, что это ощущение усиливалось во многом благодаря тому, что к реализации атомного проекта были привлечены настоящие профессионалы своего дела со всего Союза: «*России центр – седой Урал / Все силы лучшие собрал*» [6]. Костяк атомщиков-первопроходцев города действительно представлял собой, причем не только в воображении поэтов, а на самом деле, «...сплав интеллекта научной элиты с элитой рук золотых» [17]: первыми ведущими сотрудниками комбината и города были выпускники столичных и крупных вузов, аспиранты, ученые, специалисты высокого класса, прошедшие специальный кадровый отбор [23, с. 16–17]. Компенсацией за работу в условиях территориальной изолированно-

сти и секретности для них служила не только возможность интеллектуального и творческого развития на закрытой территории, но и, отчасти, приоритетное товарное снабжение, и обеспечение сферы соцкультбыта. Так, урбанисты Г. М. Лаппо и П. М. Полян в своей статье называют закрытые атомные города «коммунистическими заповедниками», где в некотором смысле «в условиях планово-распределительной системы и общесоюзного дефицита» [20, с. 28] удалось реализовать идею соцгорода.

Природно-ландшафтный концепт: Озерск – город живописной природы. Благодаря необходимости обеспечения секретности градообразующего предприятия, завод № 817 (будущий химкомбинат «Маяк») был построен на берегу озера Кызыл-Таш между городами Кыштым и Касли в удалении от государственных границ, столичных и крупных городов. Но при этом достаточно близко от промышленных центров – Челябинска и Екатеринбурга (тогда Свердловска), в окружении живописной уральской природы, удачно скрывающей место его размещения. Рабочий поселок База-10 (будущий город Челябинск-40, Озерск) расположился на южном берегу озера Иртяш: «В лесистых горах на Урале / Среди множества чистых озер...» [25].

Поэтому природно-ландшафтный концепт естественен и неотъемлем для образа города, где «...кругом озера, горы...» [4]. Он активно транслируется в локальном тексте, красота природы, окружающей Озерск, одетый в «зеленый наряд» [7], неизменно восхищает и вдохновляет местных поэтов:

*На холмах, на камнях меж лазурных озер,
Обрамлённых зелёной тайгой,
У подножья легендой овечьих гор
Встал ты – город с особой судьбой* [8].

Город – близкий друг. Данный концепт достаточно ярко вербализуется в локальной поэзии Озерска. Причем эмоционально стихи редко представляют собой клишированное,

хотя и, несомненно, искреннее восхищение родным городом:

*Озерск мой, красивый и милый,
Озерск, ты прекрасен всегда,
И утром в рассвете весеннем,
И вечером после труда* [25].

В основном поэтические тексты артикулируют настоящую проникновенность чувств к городу, который «стал судьбой»:

*Город мой, закрытый и таинственный,
Приютил тебя седой Урал.
Ты в моей судьбе такой единственный,
Ты мое начало всех начал...
Мы с тобой полвека вместе прожили,
Нет тебя дороже и родней* [22].

Озерск для местных поэтов – это «милая сердцу "сороковка"³» [29], «родное созданье» [8], «дружище» и «брат» [10], с которым горожане «связали жизнь» [7]. Так, достаточно ярко представлен данный концепт в следующем тексте:

*Здравствуй, дружище!...
Помнишь наш первый десант,
Первый бетон под "Маяк",
Ласковый девичий взгляд,
Вальс, танцплощадку, барак...
Что-то взгрустнулось мне, брат,
Слушай, давай помолчим...* [10].

Не менее показателен и данный пример трепетного, трогательного обращения к городу на «ты», его одушевления, простой дружеской беседы:

*Мой город, выслушай меня,
Глянь голубым озерным оком,
А я, колени преклоня,
Спою тебе о близком и далеком...*

³ Город имел до середины 1960-х годов секретное название Челябинск-40 («сороковка»), затем – Челябинск-65. После выхода Закона о ЗАТО в 1992 г. официально стал Озерском.

*Я помолюсь судьбе твоей,
Я обниму тебя за плечи,
Чтоб звонкий смех твоих детей
Был светел, добр и бесконечен [18].*

Таким образом, Озерск в локальной поэзии предстает родным и милым, добрым другом, собеседником. Это неудивительно и объясняется не только спецификой моногородской культуры, которой свойственен высокий уровень локальной идентичности [24, с. 132], но и, надо полагать, закрытостью города, предполагающей тесную, «эмпатийную», по замечанию челябинского культуролога М. Л. Шуб, коммуникацию [30, с. 91].

Озерск – уютный город. Немаловажной для локального текста Озерска является вербализация уюта городского пространства в целом, актуализируемая эпитетами «милый», «красивый», «славный» (в том числе, возможно, и в коннотации «хороший») и т. д.:

*Он зелен, красив и молод
Уютный атомный город [1].*

Или:

*Ты прекрасен зимою и летом.
Если шагом неспешным пройдёшь
По твоим площадям и проспектам.
Славный город наш – как ты хорош! [7].*

В поэтических текстах Озерск предстает «дружным», «юным» («молодым»), «сияющим огнем новостроек» и «мечтающим о завтрашнем дне» [25], что говорит о высокой степени любви озерчан к городу, желании быть частью не только его истории, но и современности.

Выводы и перспективы исследования

Локальная поэзия представляет собой одну из самых художественно насыщенных и, порой, комплиментарных граней городского текста, отражающих ценностно-

смысловые паттерны социокультурного пространства локуса, знакомство с которыми позволяет лучше понять исследуемую культуру. Ведь в стихах смешиваются и реальный, и, отчасти, идеальный, рожденный в творческом воображении авторов, в данном контексте – самодеятельных поэтов, образ города.

Анализ локальной поэзии Озерска показал, что большинство из выделенных концептов образа закрытого атомного города демонстрируют ярко выраженную ретроориентированность, высокую степень аксиологизации прошлого и активно артикулируют производственную специфику, т. к. урбано-генез, достижения и победы атомграда, его повседневность связаны с градообразующим предприятием. Сам город проявляется в стихах, написанных в основном представителями старшего поколения, как уютное, приятное место для жизни без конкретных указаний на уникальность архитектурно-средового пространства или каких-либо других, кроме производственной, сфер жизни локуса. Все поэтические тексты, посвященные Озерску, так или иначе, посвящены «атомной» теме. Вероятно, анализ локальной поэзии других атомных городов даст похожий результат, если учесть принадлежность их к одной отрасли и особенности «атомного» урбанизационного процесса.

Безусловно, сохранение богатой и интересной истории становления и развития атомградов является сегодня важным вектором культурной политики на данных территориях. При этом очевидно, что для их социокультурного развития на актуальном этапе бытования в условиях культурной динамики современности, необходимо трансформировать узконаправленную индустриальную идентичность, придать ей новые черты и смыслы, обращаясь к имеющемуся потенциалу социокультурной среды, а также обозначить актуальные векторы развития закрытых атомных городов, что может стать дальнейшим направлением научного поиска.

Список литературы

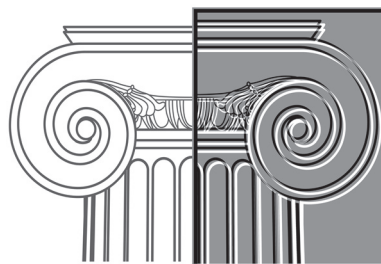
1. *Абрамович Л. И.* Атомград // Озерска поэтический родник. 2-е изд., доп. Кыштым, 2011. С. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/abramovich.html>
2. *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1922. 228 с.
3. *Баянбаева Ж. А.* Локальный текст и его функции (на примере Алма-Атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.
4. *Бурлакова В.* Первопроходцам // Озерска поэтический родник. Озерск, 2009. С. 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/burlakova.html>
5. *Василенок А. С.* Ветеранам Озерска // Озерска поэтический родник. Озерск, 2009. С. 31. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/vasilenok2.html>
6. *Василенок А. С.* Комбинату – 50 // ПрО МАЯК. 2005. 17 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/vasilenok1.html>
7. *Василенок А. С.* Озерску в день рождения // ПрО МАЯК. 2000. 3, 15 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/vasilenok.html>
8. *Вершинин М.* Город с особой судьбой // Озерска поэтический родник. Озерск, 2009. С. 35. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/vershinin.html>
9. *Волкова Л.* Бессмертие // Озерска поэтический родник. Озерск, 2009. С. 36. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/volkova.html>
10. *Ворошилов В.* Разговор // Звездный голос в Озерске: лит. альманах Южного Урала; спец. выпуск. Челябинск, 2013. С. 66. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/voroshilov1.html>
11. *Гаврилина Л. М.* Локальные сверткесты как форма осмысления регионального многообразия российской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2(82). С. 43–50.
12. *Гимн реакторщиков* // Вестник Маяка. 2015. 3 апреля. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/gimn.html>
13. *Горелова Ю. Р.* Образ города в художественных практиках городской интеллигенции // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3. С. 94–97.
14. *Горелова Ю. Р.* Образ города в восприятии горожан: монография. Москва: Институт Наследия, 2019. 154 с.
15. *Кашков Г. Я.* Я славлю // Звездный голос в Озерске: лит. альманах Южного Урала; спец. выпуск. Челябинск, 2013. С. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/kashkov.html>
16. *Ковалевская Е.* Ярче тысячи солнц // Единый Озерск. 2008. 4 июля (№ 5). С. 13. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/kovalev.html>
17. *Коровин В. Ф.* Озерск // Озерский вестник. 2010. 27 мая. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/korovin1.html>
18. *Ксентицкая Н. В.* Мой город // Вестник Маяка. 2015. 17 июля. С. 15. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/ksentickaya1.html>
19. *Кукушкин А.* В Озерске // ПрО Маяк. 2006. 20 октября. С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/kukush.html>
20. *Лапто Г. М., Полян П. М.* Наукограды России: вчерашние запретные и полузапретные города сегодняшние точки роста // Мир России. Социология. Этнология. 2008. № 1. С. 20–49.

21. *Мастеница Е. Н.* Культурное пространство города: пути постижения и интерпретации // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 223–237.
22. *Матющенко З. А.* Город мой таинственный... // ПрО Маяк. 2003. 29 августа. С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/matush.html>
23. *Мельникова Н. В.* «Атомная» идентичность жителей закрытых атомных городов России // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 3 (84). С. 15–19.
24. *Недосека Е. В., Жигунова Г. В.* Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133.
25. *Окулов А.* Озерск // ПрО Маяк. 2005. 11 сентября. С. 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/okulov.html>
26. *Полянский П. Т.* Крепче стой, «Маяк»! // ПрО МАЯК. 2005. 17 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/polyansky.html>
27. *Попов П.* Маяк // В память о времени и людях: Полнотекстовая база данных об Озерске. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/popov.html>
28. *Смирнов М.* Дважды спасшие мир // ПрО МАЯК. 2005. 17 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/smironov.html>
29. *Торопыгин В.* Атомный город: песня // Звездный голос в Озерске: лит. альманах Южного Урала: спец. выпуск. Челябинск, 2013. С. 119. [Электронный ресурс]. URL: <https://libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/lyrics/torop.html>
30. *Шуб М. Л.* Культура памяти в структуре идентичности жителей промышленных городов: монография. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2021. 283 с.

*

Поступила в редакцию 20.09.2023

ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

РАЗВИТИЕ МОТИВАЦИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

УДК 378.147

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-97-106>

Т. В. Христидис

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tahrisk@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы развития мотивации студентов в процессе обучения в вузе. Дан анализ понятия мотивации, определены факторы ее развития, структурные составляющие мотивации, дана характеристика внутренней и внешней мотивации. Подчеркивается необходимость уделять особое внимание мотивации в условиях смешанного обучения. Представлены результаты эмпирического исследования развития мотивации к профессиональной деятельности у магистрантов вуза культуры, подтверждающие, что к концу первого курса магистратуры у студентов превалирует внутренняя учебная мотивация; большинство магистрантов готовы к преодолению трудностей и новым задачам, готовы самосовершенствоваться и развиваться. Определены эффективные методы развития мотивации в процессе изучения педагогических дисциплин.

Ключевые слова: мотивация, мотивы, познавательная активность обучения, магистранты, профессиональная деятельность.

Для цитирования: Христидис Т. В. Развитие мотивации к профессиональной деятельности: опыт педагогической практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 97–106. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-97-106>

DEVELOPMENT OF MOTIVATION FOR PROFESSIONAL ACTIVITY: EXPERIENCE OF TEACHING PRACTICE

Tatiana V. Khristidis

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: tahrisk@mail.ru

Abstract: The article deals with the development of students' motivation in the process of studying at a university. The analysis of the concept of motivation is given, the factors of its development, the structural components of motivation are determined, the characteristics of internal and external motivation are given.

ХРИСТИДИС ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и психологии, Московский государственный институт культуры

KHRISTIDIS TATIANA VITALIEVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of Culture

© Христидис Т. В., 2023

The necessity to pay attention to the development of motivation of students in conditions of mixed learning is substantiated. The results of an empirical study of the development of motivation for professional activity among undergraduates of the University of Culture are presented, confirming that by the end of the first year of the master's degree, internal educational motivation prevails among students, most undergraduates are ready to overcome difficulties and new tasks, are ready to improve themselves and develop. Effective methods of motivation development in the process of studying pedagogical disciplines are determined.

Keywords: motivation, motives, cognitive activity training, undergraduates, professional activity.

For citation: Khristidis T. V. Development of motivation for professional activity: experience of teaching practice. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 97–106. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-97-106>

Современная социально-экономическая ситуация создает потребность в подготовке специалистов, обладающих высоким уровнем профессионализма, обладающих адаптационными качествами, креативностью, готовностью к непрерывному обучению, мотивированных на постоянное совершенствование своих профессиональных способностей.

Доктор философских наук В. С. Слепиков считает, что необходимым условием профессиональной подготовки будущих специалистов – в контексте государственной культурной политики – является ориентация на современную социокультурную ситуацию, «которая характеризуется турбулентностью во многих сферах жизнедеятельности общества: ростом неопределенности...» [8].

Как отмечают современные ученые доктор педагогических наук Кудрина Е. Л. и доктор педагогических наук Ремизов В. А., «мир сегодня озадачен поиском смыслов будущего в своем развитии <...>, молодежь стремится быть «впереди» поискового процесса» [6]. Из этого следует, что мотивация и познавательная активность имеют первостепенное значение для становления будущего профессионала в быстро меняющемся мире.

При сформированной мотивации обучающийся настроен на получение знаний и дальнейшее профессиональное развитие. Поэтому формирование мотивации является одной из приоритетных проблем современного высшего профессионального образования. Она помогает выпускнику вуза успешно выполнять свои обязанности, развиваться и более гибко

решать нестандартные задачи в дальнейшей профессиональной деятельности.

Однако могут сформироваться мотивы, которые нацелены не на приобретение знаний, а на получение положительной оценки от социума. Актуальность данной проблемы усиливается тем, что в современных условиях в деятельности человека увеличивается роль проявления им инициативности, активности, стремлении совершенствоваться, приобретать новые знания, формировать способность самостоятельно принимать решения и творчески подходить к их реализации.

Современный формат обучения в вузах предполагает огромную долю самостоятельной работы студента, поэтому на данном уровне получения образования так важно развитие мотивов, направленных на получение знаний. Также следует отметить и нынешнюю ситуацию, в которой дистанционное обучение и смешанное обучение стало основной формой получения знаний.

Проблеме развития мотивации обучения посвящен целый ряд исследований в современной психологической и педагогической науке. Проблему мотивационной сферы личности изучали как отечественные авторы (П. К. Анохин, П. П. Блонский, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, К. Н. Корнилов, А. Н. Леонтьев, А. К. Маркова, В. Д. Шадриков и др.), так и зарубежные (А. Маслоу, Г. Оллпорт, К. Роджерс, Э. Торндайк, Э. Шпрангер и др.). Факторы, влияющие на развитие учебной мотивации, рассматривались А. К. Марковой, Ю. М. Орловым и др.

Следует вспомнить, что термин «мотивация» был употреблен А. Шопенгауэром в статье «Четыре принципа достаточной причины» (1900–1910 гг.). Затем данное понятие надежно вошло в науку для разъяснения детерминант поведения человека.

Исследование развития мотивации к обучению привлекала и привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных ученых. В связи с этим обосновывались различные подходы к развитию мотивации, выявляющие механизмы и факторы ее формирования, структурные компоненты.

Можно сказать, что исследователи обращают внимание на различные аспекты мотивации. Например, К. Мадсен и Ж. Годфруа мотивация понимается «как совокупность факторов, поддерживающих и направляющих», или «как совокупность мотивов»; в другом случае – «как побуждение, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность» [2].

И. А. Джидарьяном «мотивация рассматривается как процесс психической регуляции конкретной деятельности», «как процесс действия мотива и как механизм, определяющий возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности» [1].

Таким образом, мотивацию понимают и как структурное образование, и как совокупность различных факторов, и как комплекс мотивов. Также предлагается ее понимание как статичного явления и как динамичного процесса. «Исследователи определяют ее и как один конкретный мотив, и как единую систему мотивов, и как особую сферу, включающую в себя потребности, мотивы, цели, интересы в их сложном переплетении и взаимодействии» [1].

Определение мотивации соотносят также с актуализацией потребностей личности (А. Маслоу, С. Л. Рубинштейн). Актуализированная потребность может быть побудителем к деятельности, главным фактором процесса развития, формирования мотивов деятельности [3].

Наиболее содержательным является определение мотива Л. И. Божович: «Мотив – это то, ради чего осуществляется деятельность, в качестве мотива могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания. Словом, все то, в чем нашла свое воплощение потребность» [1].

Мотивация к обучению, как совокупность мотивов, является движущей силой учебного процесса и определяет готовность студентов к профессиональной деятельности. Ведь основной предпосылкой эффективной деятельности студента после окончания вуза является именно его готовность к профессиональной деятельности.

В целом, «внутренне мотивированная деятельность обучения является самоцелью и переживается личностью как получение удовольствия и удовлетворения от самого процесса учения». Развивая внутреннюю мотивацию студентов к профессиональной деятельности в вузе, необходимо, прежде всего, разрабатывать программу самообразования и саморазвития, формировать непрерывную познавательную активность, самостоятельность и пр.

Внешняя мотивация формируется различными мотивами, которые находятся вне субъекта деятельности. К такой мотивации относятся узкие учебно-познавательные мотивы, получение поощрения, похвалы, признание сокурсников, исполнение требований преподавателей, избегание отчисления и т. д. В современном мире обучение становится более доступным благодаря введению в образовательный процесс инновационных технологий, в частности, портала электронного обучения. В связи с этим проблема мотивации становится еще более актуальной: можно быстро пробежать глазами страницы с лекцией; при работе в среде дистанционного обучения нет преподавателя, который может привлечь внимание к изучаемому материалу, указать на значимые аспекты рассматриваемой в лекции проблемы. Именно поэтому остро встает вопрос о внутренней мотива-

ции обучающихся. У студента должна быть собственная активность и любопытство при работе с учебным материалом в удаленном режиме.

Можно сказать, что сегодня формат смешанного обучения активно применяется при обучении студентов и заочного и очного обучения, но возможности смешанного обучения для эффективного формирования мотивационной готовности магистрантов к профессиональной деятельности остаются малоизученными.

Однако уже появляются научные исследования в данной области. Так, проблему изучения развития мотивации в формате смешанного обучения рассматривают Тимкин С. Л. и Трушина М. Р., подтверждая гипотезу, что данный формат вполне может способствовать развитию мотивации у студентов [9;10].

Мы исследовали развитие мотивации к профессиональной деятельности у магистрантов Московского государственного института культуры. Для определения сформированности мотивации магистрантов к профессиональной деятельности в условиях современной формы образования – смешанного обучения – нами было организовано и проведено экспериментальное исследование в процессе преподавания педагогических дисциплин на базе МГИК.

В эксперименте приняли участие 95 магистрантов очной формы обучения первого курса следующих факультетов: государственной культурной политики, библиотечно-информационного, хореографического. Исследование проводилось в два этапа, в начале учебного года и в конце учебного года. На протяжении этого времени в процессе изучения педагогических дисциплин (педагогика высшей школы, методика преподавания профессиональных дисциплин, организационные основы системы образования), мы знакомили магистрантов с современными педагогическими технологиями, направленными на развитие мотивационной готовности, профессионального и личностного саморазвития.

На учебных занятиях по данным дисциплинам нами были использованы различные дидактические методы и технологии, в частности, активные (дискуссии о профессиональной деятельности, о профессиональной культуре и этике, лекции-провокации, бинарные лекции, игровые методы, мини-тренинги), имеющие целью развитие познавательной активности студентов (внутренней мотивации). Не исключалась на занятиях и система поощрений активных студентов (развитие внешней мотивации).

Нашей гипотезой выступило предположение о том, что активное вовлечение студентов способствует развитию внутренней мотивации к профессиональной деятельности.

Для выявления мотивов обучения в вузе была выбрана методика Т. И. Ильиной. Данная методика позволяет выявить мотивы учебной деятельности по трем шкалам: приобретение знаний (стремление к приобретению знаний, любознательность), овладение профессией (стремление к овладению профессиональными знаниями и сформированности профессионально важных качеств), получение диплома (стремление приобрести диплом при формальном отношении к усвоению знаний, поиск обходных путей при сдаче экзаменов). Методика представляет собой опросник, который состоит из пятидесяти утверждений, позволяющих выявить мотивы обучения студентов в вузе [6].

Также был использован тест «Мотивация достижения» А. Мехрабиана для измерения мотивации достижения. На основе подсчета суммарного балла определяется, какая мотивационная тенденция наиболее выражена у испытуемого [5]. Баллы подсчитывают в соответствии с ключом и выделяют две конкретные группы: первая характеризуется мотивом стремления к успеху, а вторая – мотивом избегания неудачи.

Для выявления готовности к саморазвитию была использована методика В. Павлова «Готовность к саморазвитию». Тест состоит из 14 утверждений, на которые нужно дать отрицательный либо положительный ответ. Методика способствует определению готов-

ности к саморазвитию: готовность изменяться, познавать себя, оказывать влияние на формирование и развитие личностных качеств и личности в целом. В соответствии с ключом полученные ответы испытуемых подсчитываются и разделяются на два показателя: ГЗС – готовность «знать себя» и ГМС – готовность «могу самосовершенствоваться». Именно эти показатели имеют большое значение при формировании мотивации [11].

Для выявления отношения студентов к образовательному portalу МГИК нами был составлен специальный опросник «Изучение отношения к электронному образовательному portalу».

После проведения работы по методике Т. И. Ильиной на первом этапе были получены следующие результаты (см. Рис. 1.):

- у 62% респондентов доминирующей оказалась шкала «Приобретение знаний», это означает, что у большинства опрошенных доминирует внутренняя мотивация получения знаний;

- у 19% опрошенных преобладает шкала «Овладение профессией», они ставят своей задачей овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества;
- лишь у 17% обучающихся преобладающей оказалась шкала «Получение диплома», эти обучающиеся настроены на формальное овладение знаниями и на поиск легкого пути сдачи экзамена.

После проведения опроса по тесту «Мотивация достижения» А. Мехрабиана были получены следующие результаты (см. Рис 2):

- у большинства испытуемых, что составляет 52% от всей выборки, преобладает мотив стремления к успеху; это означает, что большинство опрошенных студентов готовы к преодолению трудностей и новым задачам, готовы преодолевать препятствия и добиваться высоких показателей в труде, самосовершенствоваться и развиваться;

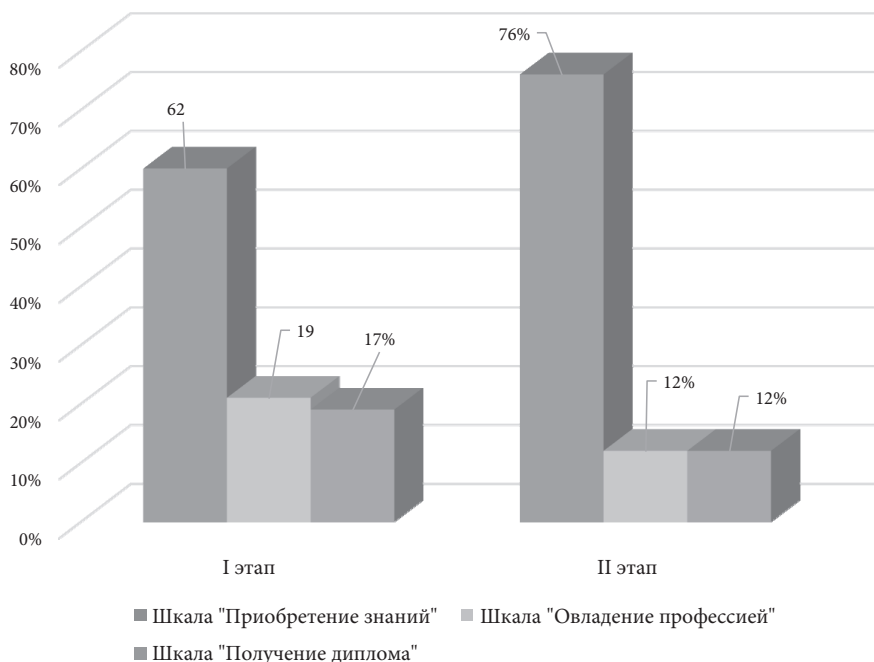

Рисунок 1. Результаты по методике Т. И. Ильиной на I и II этапах

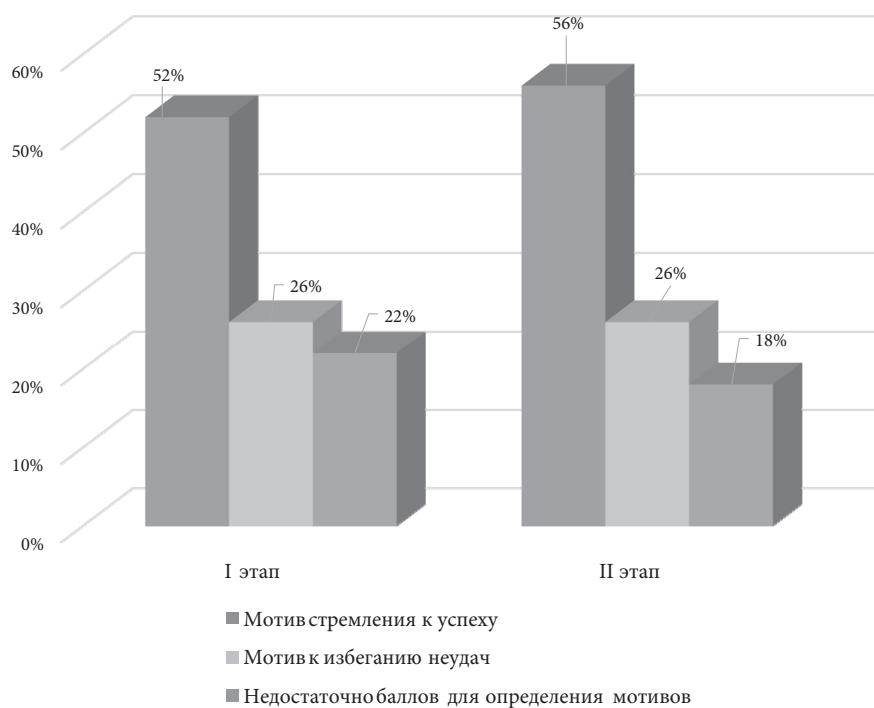

Рисунок 2. Результаты по методике А. Мехрабиана на I и II этапах

- у 26% опрошенных доминирует мотив избегания неудач. То есть они склонны выполнять только легкие и известные им задачи, не испытывают потребности в решении новых задач.
- у 22% опрошенных недостаточно баллов для отнесения их в какую-либо из двух групп по преобладанию мотива.

По итогам проведения методики В. Павлова «Готовность к саморазвитию» на первом этапе исследования были получены следующие результаты: у большинства опрошенных студентов (87% и 81%) достаточно высокие уровни готовности к познанию самих себя и возможности самосовершенствоваться. Это говорит о том, что магистранты стремятся к саморазвитию, самосовершенствованию имеющихся качеств. Данный фактор оказывает влияние на формирование и развитие личностных качеств и личности в целом.

Исходя из анализа проведенных методик на первом этапе исследования, мож-

но утверждать, что у студентов доминирует внутренняя мотивация к приобретению знаний и обучению профессии. Тем не менее, процент студентов, у которых есть желание лишь формально получить диплом, также присутствует.

Также из результатов следует, что у испытуемых доминирует мотив достижения к успеху, они не боятся трудностей и готовы идти к своей цели. Важно отметить и высокий уровень мотива к познанию себя и самосовершенствованию. Наша цель была изучить данные показатели в динамике, поэтому мы провели второй этап исследования.

На втором этапе исследования мы добавили составленный нами опросный лист «Изучение отношения к образовательному порталу МГИК».

1. Начали ли Вы свою профессиональную деятельность? 84% студентов от всей выборки уже начали свою трудовую деятельность.

2. Вы работаете по профессии в соответствии со своим образованием? 67% работают не по профессии, которой они обучаются.
3. Как Вы относитесь к работе с дистанционным образовательным порталом? 45% относятся к порталу неоднозначно, то есть не могут дать отрицательную или положительную оценку; 43% относятся положительно и 12% – отрицательно.
4. В какие сроки Вы выполняете задания на портале? 55%, делают задания в конце срока, 33% – в середине и 12% – в первые дни появления задания.
5. Возникают ли у Вас технические проблемы с использованием портала? Технические проблемы с использованием портала подтверждают 63%.
6. Повышает ли данный портал, по Вашему мнению, мотивацию к овладению знаниями? 32% считают, что портал частично повышает уровень и качество знаний.
7. Может ли данный портал быть полезным для овладения необходимыми компетенциями будущей профессии? 49% ответили положительно, 12% – отрицательно, 39% – затрудняются ответить.

Таким образом, при выражении своего отношения к дистанционному способу обучения студенты отмечали его перспективные возможности по реализации обучения и развития навыков, но делали акцент на его неполной технической обеспеченности. Можно сделать вывод о том, что образовательный портал в своей перспективе развития может способствовать развитию необходимых профессиональных качеств.

Обобщая результаты, полученные на втором этапе исследования, можно сделать вывод о том, что к концу первого курса магистратуры у студентов превалирует внутренняя учебная мотивация. Большинство опрошенных студентов готовы к преодолению трудностей и новым задачам, готовы преодолевать пре-

пятствия и добиваться высоких показателей в труде, самосовершенствоваться и развиваться. Определены достаточно высокие уровни готовности к познанию самих себя и возможности самосовершенствоваться. Это говорит о том, что студенты стремятся к саморазвитию, самосовершенствованию имеющихся качеств. Данный фактор оказывает влияние на формирование и развитие личностных качеств и личности в целом.

Итак, итоги проведения методики Т. И. Ильиной в начале и конце второго курса обучения демонстрируют, что количество испытуемых с мотивацией к получению знаний увеличилось с 62% до 76%. Это говорит о том, что студенты начали более осознанно подходить к учебному процессу, получению знаний. Процент студентов по шкале «Овладение профессией» снизился с 19% до 12%. Также по шкале «Получение диплома» процент испытуемых снизился с 17% до 12%, что говорит об уменьшении формального настроя на получение образования, простого заучивания.

Анализируя динамику изменения мотивов по методике А. Мехрабиана, видим, что процент стремящихся к успеху студентов незначительно увеличился с 52% до 56%, а по неопределенным снизился с 22% до 18%. Процент испытуемых с превалирующим мотивом к избеганию неудач остался таким же – 26. Результат можно интерпретировать так, что за учебный год у студентов, которым не хватило баллов до шкалы «Стремление к успеху», развилось стремление к самореализации и самостоятельности.

На рисунке 3 можем видеть, что уровень мотива по шкале «Хочу знать себя» не изменился по сравнению с результатами первого этапа. Это может говорить о том, что у магистрантов уже достаточно устойчивые мотивы готовности к самопознанию либо прошло недостаточное количество времени для их изменения.

Уровень мотива по шкале «Хочу самосовершенствоваться» также не изменился по сравнению с результатами первого этапа.

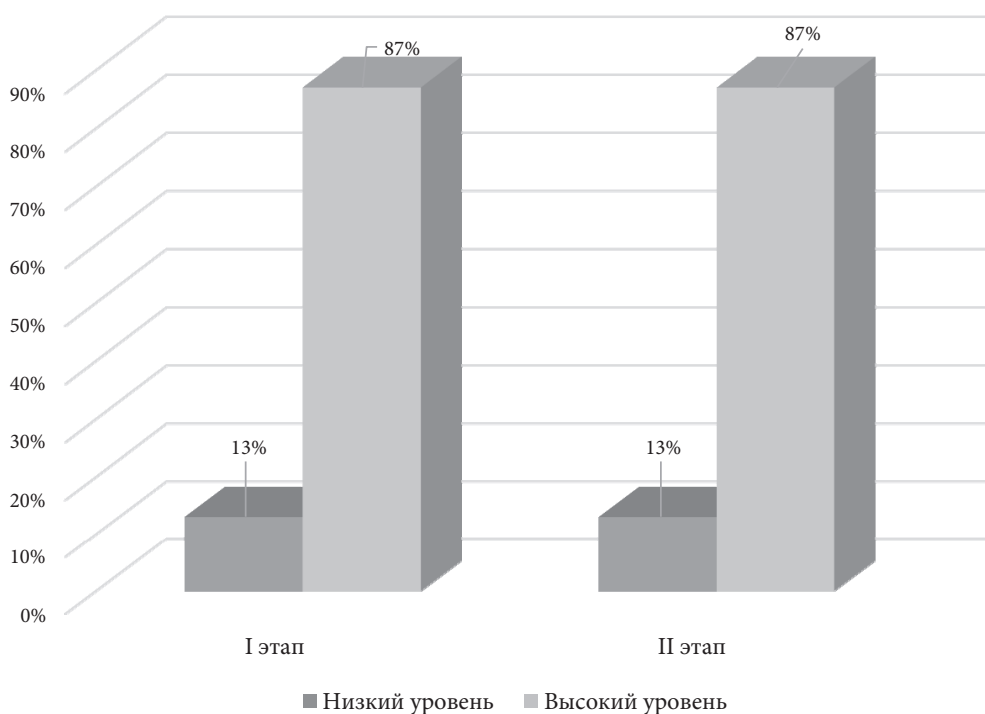

Рисунок 3. Результаты по методике В. Павлова на I и II этапах по шкале "Хочу знать себя"

Это может говорить о том, что у испытуемых уже достаточно устойчивые мотивы готовности к саморазвитию и самосовершенствованию либо также прошло недостаточное количество времени для их изменения.

Обобщая результаты, полученные на втором этапе исследования, можно сделать вывод о том, что к концу первого курса магистратуры у студентов преобладает внутренняя учебная мотивация, большинство опрошенных студентов готовы к преодолению трудностей и новым задачам, они готовы преодолевать препятствия и добиваться высоких показателей в труде, самосовершенствоваться и развиваться. Определились достаточно высокие уровни готовности к познанию самих себя и возможности самосовершенствоваться. Это говорит о том, что студенты стремятся к саморазвитию, совершенствованию имеющихся качеств. Данный фактор оказывает влияние на формирование и развитие личностных качеств и личности в целом.

Обобщая результаты, полученные с помощью опросного листа, можно сделать вывод о том, что портал электронного обучения в своей перспективе может способствовать развитию необходимых профессиональных компетенций.

Среди эффективных методов развития мотивации к профессиональной деятельности в процессе изучения педагогических дисциплин в вузе, мы видим, прежде всего, интерактивные методы: тренинги, игровые технологии, творческие задания, проектную деятельность, научно-исследовательскую работу, дискуссии, интерактивные лекции и т. д.

Таким образом, нам удалось определить основные факторы, влияющие на развитие внутренней мотивации обучающихся в современной образовательной среде. Мы выявили, что у студентов вуза в достаточной мере развит интерес к обучению и саморазвитию, а это способствует формированию мотивации к профессиональной деятельности.

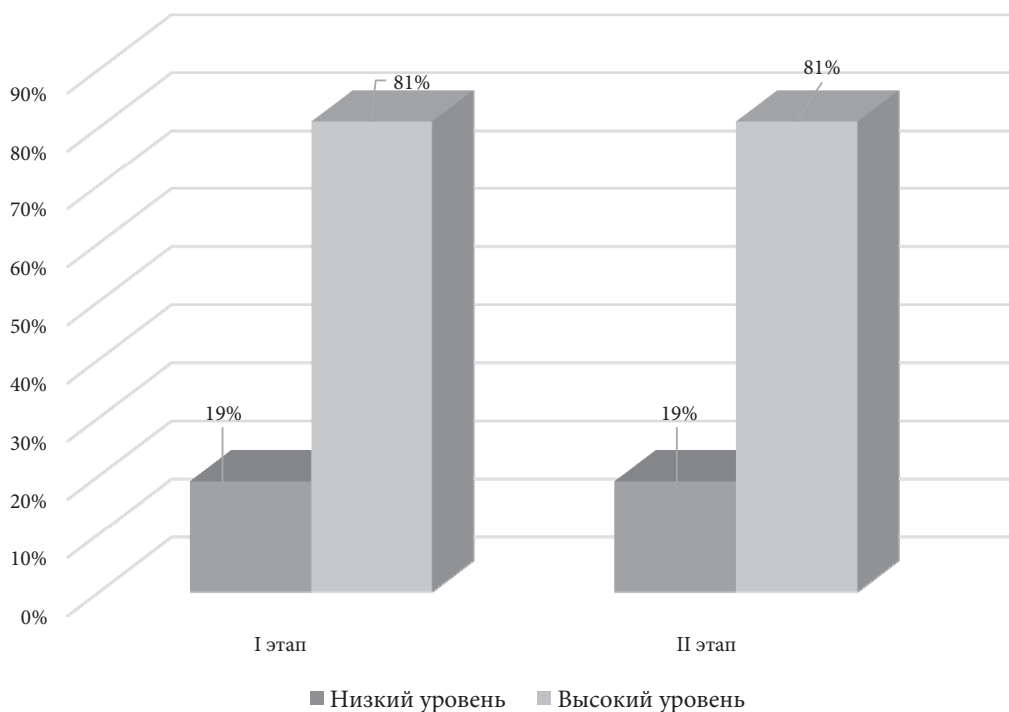

Рисунок 4. Результаты по методике В. Павлова на I и II этапах по шкале "Могу самосовершенствоваться"

Мотивация имеет первостепенное значение в формировании профессионала, так как отвечает за воспитание конкурентоспособных, обладающих необходимыми знаниями, умениями и навыками (компе-

тенциями) выпускников. Именно поэтому развитие мотивации к профессиональной деятельности студентов является одним из актуальных вопросов современного высшего образования.

Список литературы

1. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. Москва: Издательская корпорация «Логос». 2000. 384 с.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 512 с.
3. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. 3-е изд. Перевод с англ. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 352 с.
4. Методика достижений Мехрибиана А. [Электронный ресурс]. URL: https://crthm.ru/wp-content/uploads/2021/05/kic_3_3_1.pdf?ysclid=lowy61w5yc701767212
5. Методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной. [Электронный ресурс]. URL: <https://testoteka.narod.ru/ms/1/05.html?ysclid=logyr3ahek482464394>
6. Кудрина Е. Л., Ремизов В. А. Студенты творческого вуза: ценности воспитания в условиях вызовов XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2022. № 6 (110). С. 43–49.
7. Новашина М. С. Педагогика высшей школы в современных цифровых реалиях // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2022. № 6 (110). С. 57–62.

8. Слепокуров В. С. Поиск новых ориентиров // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2022. № 4 (108). С. 6– 14.
9. Тимкин С. Л. Мотивация студента в модели смешанного обучения // Высшее образование в России. 2008. № 9. С. 116–119.
10. Трушина М. Р. Развитие мотивации учебной деятельности у студентов педагогического вуза в условиях смешанного обучения // Сборник докладов XIII Межвузовской конференции молодых ученых по результатам исследований в области педагогики, психологии, социокультурной антропологии (Москва, 24 апреля 2018 г.). Москва: МПГУ. 2019. С. 75–77.
11. Павлов В. Готовность к саморазвитию. [Электронный ресурс]. URL: <https://epk.ucoz.ru/Coll/psix/6.pdf>
12. Ярошенко Н. Н. Педагогика социально-культурной деятельности: институциональная основа и теоретический базис // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2021. № 6 (104). С. 107–124.

*

Поступила в редакцию 14.11.2023

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

УДК 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-107-113>

А. И. Юдина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

А. В. Григорьева

Кузбасский государственный технический университет (филиал в г.Белово),
Белово, Кемеровская область, Российская Федерация,
e-mail: grigorieva_av@list.ru

Аннотация: Актуальность изучения мотивации безопасного поведения заключается в том, что, по прогнозам ученых, доля молодых специалистов в общей численности рабочей силы России в ближайшие годы будет существенно сокращаться. Проведя всесторонний теоретический анализ практического педагогического опыта, авторы статьи доказывают влияние мотивации безопасного поведения молодых специалистов на повышение безопасности труда на производстве. Разработаны педагогические условия, благоприятствующие развитию мотивации безопасного поведения при профессиональной подготовке молодых специалистов, в том числе ориентированные на использование в системе непрерывного образования. Выявлены характеристики профессиональной образовательной среды, способствующие процессу развития мотивации безопасного поведения. Сделан вывод о необходимости регулярной оценки и коррекции мотивации безопасного поведения молодых специалистов с учетом предложенных педагогических условий.

Ключевые слова: педагогические условия, мотивация, безопасное поведение, молодые специалисты, непрерывное образование, профессиональная среда.

Для цитирования: Юдина А. И., Григорьева А. В. Педагогические условия развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 107–113. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-107-113>

ЮДИНА АННА ИВАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-методической и воспитательной деятельности, Московский государственный институт культуры

ГРИГОРЬЕВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, Московский государственный институт культуры; начальник учебно-методического отдела, Кузбасский государственный технический университет (филиал КузГТУ в г. Белово)

YUDINA ANNA IVANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Educational, Methodical and Educational Activities, Moscow State Institute of Culture

GRIGORIEVA ANASTASIA VLADIMIROVNA – undergraduate student, Moscow State Institute of Culture; Head of the Educational and Methodological Department, Kuzbass State Technical University (Belovo branch)

© Юдина А. И., Григорьева А. В., 2023

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF MOTIVATION FOR SAFE BEHAVIOR OF YOUNG PROFESSIONALS

Anna I. Yudina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Anastasia V. Grigorieva

Kuzbass State Technical University (Belovo branch),
Belovo, Kemerovo region, Russian Federation,
e-mail: grigorieva_av@list.ru

Abstract: The relevance of studying the motivation for safe behavior lies in the fact that, according to experts, the share of young professionals in the Russian workforce will decrease significantly in the coming years. Based on theoretical analysis and the study of practical pedagogical experience, the authors of the article show the influence of motivation for safe behavior of young professionals on ensuring safety at work, and propose pedagogical conditions that promote the development of motivation for safe behavior in the professional training of young professionals, including those focused on use in the system of continuing education. Some characteristics of the professional educational environment that contribute to the process of developing motivation for safe behavior have been identified. The conclusion is made about the need for regular assessment and correction of the motivation for safe behavior of young specialists, taking into account the proposed pedagogical conditions.

Keywords: pedagogical conditions, motivation, safe behavior, young professionals, continuing education, professional environment.

For citation: Yudina A. I., Grigorieva A. V. Pedagogical conditions for the development of motivation for safe behavior of young professionals. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGU-KI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 107–113. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-107-113>

В современном мире значение безопасного поведения как глобальной ценности приобретает особое значение в отношении профессиональной подготовки молодых специалистов. Одним из направлений повышения безопасности труда является организация безопасного поведения работника в процессе трудовой деятельности. Под этим подразумевается выработка внутреннего стремления выполнять все требования правил и норм без внешнего принуждения.

Мероприятия, проводимые на предприятиях, не обеспечивают достаточный уровень безопасного труда. Анализ данных показывает, что главной системной причиной травматизма является умышленное игнорирование требований безопасности, несоблюдение производственной и технологической дисципли-

ны. Такое отношение к труду показывает низкий уровень развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «молодой специалист» – это «гражданин Российской Федерации в возрасте до 30 лет, имеющий среднее профессиональное или высшее образование, принятый на работу по трудовому договору в соответствии с уровнем профессионального образования и квалификацией» [8]. Согласно данным, приведенным НИУ ВШЭ, в России к 2030 году доля трудоспособного населения в возрасте младше 40 лет – в качестве рабочей силы – сократится до 37,4%. В складывающейся-

ся ситуации проблема развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов особенно актуальна.

Разрыв взаимовыгодных связей образования и реальных секторов экономики, отсутствие практического опыта и навыков безопасного поведения молодых специалистов на производстве приводит к тому, что работодатели не удовлетворены компетенциями выпускников образовательных организаций в отношении требований безопасности на рабочих местах. На сегодняшний день одной из педагогических проблем становится поиск новых технологий, направленных на развитие мотивации безопасного поведения еще на этапе обучения.

Педагогический анализ сущности безопасного поведения молодых специалистов и студентов рассмотрен в научных трудах таких ученых как В. А. Бодров, А. Л. Журавлев, С. Э. Косынкина, Н. П. Кудяшев, Е. О. Лазебная, Т. Л. Николаева, О. В. Писарь, Е. Ю. Половнева, К. Г. Эрдынеева, Н. Е. Харламенкова.

Анализ состояния данного вопроса в педагогической теории и практике показывает, что проблемы сложно разрешимы традиционными педагогическими методами. Всё это диктует нам необходимость внедрения педагогических условий, способствующих укреплению и развитию мотивации безопасного поведения молодых специалистов.

Мотивация безопасного поведения представляет собой набор ценностей, норм и практик, направленных на обеспечение безопасности в определенной среде, будь то рабочее место, общество или другая область. Эта концепция стремится создать атмосферу, где люди сознательно и активно соблюдают правила и процедуры, направленные на предотвращение рисков и защиту от потенциальных рисков.

В своей работе Котик М. А. рассматривает психологию безопасности как отрасль психологической науки. В качестве объекта он выделяет «различные виды предметной деятельности человека, связанные с опасностью: а) психические процессы, порождаемые дея-

тельностью и влияющие на ее безопасность; б) психическое состояние человека, сказывающееся на безопасности его деятельности; в) свойства личности, отражающиеся на безопасности деятельности» [6, с. 37].

Ряд исследователей выделяет ценности и нормы, разделяемые членами организации, при принятии которых формируется соответствующее поведение. Галкина Т. П. отмечает, что безопасное поведение – это «совокупность ценностей, убеждений, отношений, общих для всех сотрудников данной организации, предопределяющих их нормы поведения» [4, с.71].

Шейн Э. Г. считает, что безопасное поведение может изучаться на трех уровнях: уровне артефактов, уровне ценностей и уровне базовых представлений. Именно уровень базовых представлений играет главную роль при определении сущности культуры безопасного поведения [11].

В соответствии с этими формулировками Грачев А. А. отмечает, что «понимание культуры безопасного поведения предполагает формирование ценностей безопасности, норм безопасного поведения и базовых представлений, реализующих ценности и нормы» [5, с. 227].

На основе анализа научной литературы мы можем утверждать, что именно развитие мотивации безопасного поведения молодых специалистов играет ключевую роль в обеспечении безопасности на производстве. На наш взгляд, теоретические основы и практика развития мотивации безопасного поведения обучающихся не в полной мере используются в образовательных организациях и необходимо создание определенных педагогических условий, способствующих мотивации безопасного поведения на рабочем месте при профессиональной подготовке молодых специалистов.

Именно цели, содержание, методы, формы, средства представляют педагогические условия всех составляющих процесса обучения и воспитания. Божович Л. И. рассматривает педагогические условия как совокупность мер, направленных на повышение эффективности педагогической деятельности

[2]. Андреев В. И. считает, что педагогические условия – это «обстоятельства процесса обучения, которые являются результатом целенаправленного отбора конструирования и применения элементов содержания, методов, а также организационных форм обучения для достижения определенных дидактических целей» [1, с. 17].

Понятие «педагогические условия» можно рассматривать как комплекс мер, которые направлены на реализацию поставленных целей. Взаимодействуя, педагогические условия ставят барьер проникновению процессов, затрудняющих обеспечение требуемой результативности. В связи с этим цель нашего исследования заключалась в изучении теоретических положений и практического педагогического опыта для создания педагогических условий, представляющих совокупность педагогических и психологических компонентов, обеспечивающих возможность развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов.

В исследовании, проведенном на угольных предприятиях АО «Сибирская угольная энергетическая компания», мы выявили закономерность: именно ориентация на безопасное поведение для всех категорий работников и руководителей выступает одной из ведущих мотивационных установок.

Педагогические условия развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов представляют собой важный инструмент для формирования сознательного и ответственного отношения к собственной безопасности и безопасности окружающих.

На основе изучения и теоретического анализа педагогической литературы по проблеме исследования, изучения практического педагогического опыта деятельности коллектива филиала КузГТУ в г. Белово, а также результатов наблюдения, анкетирования педагогов и представителей работодателей нами разработаны педагогические условия развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов:

1. Разъяснение и принятие стимулов повышения мотивации безопасного поведения всеми участниками образовательного процесса. В данном процессе особое значение приобретает сознательное понимание рисков и возможных опасностей на рабочем месте. Это происходит через усвоение знаний о последствиях несоблюдения правил безопасности.
2. Изучение интересов и основных мотивов деятельности будущих специалистов в реализации идей безопасного поведения на рабочем месте; создание модели успешности и продуктивности в выборе оптимального поведения.
3. Определение здоровьесберегающих компонентов личностного развития будущих специалистов для разработки педагогических подходов и средств.
4. Стимулирование интереса к соблюдению правил безопасного поведения и развитие мотивационных установок осуществляются за счет организации и проведения совместных мероприятий с работодателями: привлечение специалистов и экспертов по безопасности для проведения лекций и мастер-классов, проведение конкурсов профессионального мастерства и проектов, посвященных безопасности и др.
5. Тренинги и симуляции с целью отработки правильной реакции на чрезвычайные ситуации для выработки навыков безопасного поведения.
6. Развитие потребностей молодых специалистов в самовыражении, самоутверждении, социализации, признании для всестороннего становления личности, готовой к осознанному общественно полезному труду, где решающее значение имеет безопасность индивида и общества.

В системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношениях необходимо пролонгировать педагогическую

помощь и поддержку молодых специалистов в решении задач безопасного поведения.

Следует отметить, что развитие мотивации безопасного поведения будущих специалистов необходимо для решения задач безопасной и продуктивной профессиональной деятельности. Для этого следует развивать навыки профессионального общения, используя опыт традиционной и инновационной педагогики.

В рамках организации образовательного процесса используются современные интерактивные методы обучения: применение современных технологий для создания интерактивных уроков и тренингов; использование кейс-метода для анализа реальных аварийных ситуаций на предприятиях; организация сценариев, которые моделируют ситуации опасности; проведение ролевых игр для обучения правильному реагированию на экстремальные ситуации и др.

Определенные нами педагогические условия развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов, ориентированные на использование в системе непрерывного образования, подтверждаются мнением Свиначенко В. Г. о том, что непрерывное образование – основа и функция, модель и конструкт самоорганизации развития личности и общества в целом [9].

С целью выявления результативности педагогических условий в области мотивации безопасного поведения молодых специалистов, нами осуществлялась диагностика уровня становления безопасного поведения в начале исследования, на промежуточном этапе и в конце исследования. За основу мы взяли методику многофакторного исследования особенностей личности Р. Б. Кеттелла. В качестве L-данных указанной методики применялась анкета, разработанная с учетом опросника «Уровень организационной культуры И. Д. Ладанова [7]. Q-данные были получены с помощью методики «Оценка мотивации организационного поведения» [11]. В качестве T-данных использовались результаты теста IT-компании ООО "ЭйчТи Лаб" SafetyStart,

позволяющего определить пригодность сотрудника к работе на опасном производстве, выявить причины небезопасного поведения.

В рамках исследования нами были определены следующие уровни формирования безопасного поведения обучающихся:

1. *Реконструктивный*, который отражает неустойчивость в безопасном поведении: интерес к безопасному поведению при работе был ситуативным и фрагментарным и зависел от организации учебной деятельности обучающегося.
2. *Вариативный* уровень характеризуется в проявлении обучающимися самостоятельности в решении профессиональных задач, предлагающими свои способы решения проблем безопасности на производстве.
3. *Продуктивный* уровень отличается высокой степенью сформированности безопасного поведения. Обучающиеся были активны в решении вопросов безопасности, были способны к генерированию идей, умению размышлять и оценивать результаты принятых решений в аварийных ситуациях.

Результаты первого этапа диагностики, проведенной среди обучающихся первого курса, показали следующее:

- 61% обучающихся обладают *реконструктивным* уровнем сформированности безопасного поведения, при этом имеются трудности в отношении осознанности соблюдения норм и правил безопасности.
- 34% обучающихся показали *вариативный* уровень овладения безопасным поведением; они готовы самостоятельно принимать решения по организации безопасного труда и соблюдению норм и правил безопасного поведения, способны контролировать эмоции в аварийных ситуациях.

И только 5% обучающихся обладают *продуктивным* уровнем. Но на первом курсе это, как правило, субъективные мнения обучающихся, их социальные представления

о будущей профессии и рисках, а также – эмоциональные реакции.

Анализ результатов опытно-экспериментальной работы по развитию мотивации безопасного поведения показал, что среди молодых специалистов, участвующих в эксперименте, наблюдается значительный рост обучающихся, находящихся на вариативном уровне (в конце эксперимента составил 48% обучающихся) и на продуктивном уровне (20% обучающихся) за счет снижения обучающихся с реконструктивным уровнем. Из приведенных результатов следует, что педагогические условия развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов обеспечивают результативность становления безопасного поведения.

Немаловажное значение для развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов занимает профессиональная среда рабочего места. Развитие надлежащих навыков, знаний и соблюдение безопасных практик на рабочем месте напрямую влияют на уменьшение рисков производственных несчастных случаев и создают безопасное рабочее окружение для всех работников. Приведем лишь некоторые характеристики такой профессиональной среды.

1. **Лидерство** – это способность управлять командой, вовлечение всех членов коллектива в рабочую деятельность, создание различных условий для развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов.
2. **Коммуникация** – своевременность и достоверность информации, доведение сообщений о потенциальных

опасностях и рисках, способах их предотвращения.

3. **Чувство личной и коллективной ответственности** в вопросах безопасности, осознанного принятия решений, способствующих снижению рисков на производстве.

Для оценки эффективности реализации педагогических условий для развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов требуется систематический контроль теоретических знаний правил охраны труда и промышленной безопасности, а также мониторинг трудовой деятельности, который выражается в проведении регулярных проверок наличия и использования средств индивидуальной защиты, своевременного анализа и устранения выявленных нарушений безопасности.

В рамках реализации педагогических условий для развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов должна осуществляться обратная связь и коррекция ошибок, что способствовало бы постоянному улучшению данного процесса. При реализации данных педагогических условий и обеспечении их эффективности необходимо учитывать особенности и специфику различных отраслей производства.

Развитие мотивации безопасного поведения молодых специалистов требует системного и целенаправленного подхода. Педагогические условия должны акцентировать внимание на развитии не только технических навыков, но и на формировании сознательного и ответственного отношения к вопросам безопасности.

Список литературы

1. *Андреев В. И.* Педагогика: Учебный курс для творческого саморазвития, 2-е изд. Казань: Центр инновационных технологий, 2000. 608 с.
2. *Божович Л. И., Конникова Т. Е.* Нравственное формирование личности школьника в коллективе. Москва: Просвещение, 2000. 312 с.
3. *Войнов Д. И.* Проблемы и перспективы работающей молодежи в Российской Федерации как субъекта гражданского общества // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 94–103.

4. *Галкина Т. П.* Социология управления: от группы к команде: Учеб. пособие по специальности "Менеджмент". Москва: Финансы и статистика, 2003. 222 с.
5. *Грачев А. А.* Организационный подход к формированию культуры безопасности работника // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 276–287.
6. *Котик М. А.* Психология и безопасность. Таллинн: Валгус, 1989. 447 с.
7. *Ладанов И. Д.* Психология управления рыночными структурами: Преобразующее лидерство. Москва: УЦ «Перспектива», 1997. с. 155.
8. *Распоряжение Правительства РФ* от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kto_yavlyaetsya_molodym_specialistom/
9. *Свинаренко В. Г., Сорокин С. В., Тарасевич М. В.* Педагогические условия в системе детерминант, моделей, педагогических конструктов // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/10/84442>
10. *Спивак В. А.* Корпоративная культура. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 352 с.
11. *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие. Москва: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 74–76.
12. *Шейн Э. Г.* Организационная культура и лидерство. Москва [и др.]: Питер, 2011. 330 с.

*

Поступила в редакцию 29.11.2023

УЧАСТИЕ ВОЛОНТЕРОВ В РАБОТЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

УДК 351.853:323.212(47-87)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-114-120>

Н. И. Горлова

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,

Москва, Российская Федерация,

e-mail: gorlovanat@yandex.ru

Аннотация: Сегодня привлечение волонтерского сообщества к социально значимой деятельности в сфере охраны и защиты объектов культурного наследия является достаточно распространенной практикой зарубежных некоммерческих организаций. Статья содержит обзор участия добровольных помощников в работе профильных памятникоохранных организаций Великобритании – таких, как «Английское наследие», «Национальный фонд Шотландии», Фонд «Исторические королевские дворцы», «Фонд по сохранению церквей» и других. Примечательно, что в этих организациях рассматривают волонтеров в качестве ключевого актива для реализации собственных проектов и программ в сфере сохранения объектов культурного наследия и исторической городской среды.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерские программы, волонтерский менеджмент, некоммерческие организации, объекты культурного наследия, сохранение и защита культурного наследия.

Для цитирования: Горлова Н. И. Участие волонтеров в работе некоммерческих организаций в сфере защиты объектов культурного наследия Великобритании // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 114–120. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-114-120>

PARTICIPATION OF VOLUNTEERS IN THE WORK OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF PROTECTION OF OBJECTS OF HISTORICAL HERITAGE OF GREAT BRITAIN

Natalya I. Gorlova

Plekhanov Russian University of Economics,

Moscow, Russian Federation,

e-mail: gorlovanat@yandex.ru

ГОРЛОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – доктор исторических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

GORLOVA NATALYA IVANOVNA – DSc in History, associate professor, Plekhanov Russian University of Economics

© Горлова Н. И., 2023

Abstract: Today, the involvement of the volunteer community in socially significant activities in the field of protection and protection of cultural heritage sites is a fairly common practice of foreign non-profit organizations. The article contains an overview of the participation of volunteers in the work of specialized monuments organizations in the UK (English Heritage, the National Trust for Scotland, the Historic Royal Palaces Foundation, the Church Preservation Foundation, etc.), which, in turn, consider volunteers in as a key asset for the implementation of its own projects and programs in the field of preservation of cultural heritage sites and the historical urban environment.

Keywords: volunteering, volunteer programs, volunteer management, non-profit organizations, cultural heritage sites, preservation and protection of cultural heritage.

For citation: Gorlova N. I. Participation of volunteers in the work of non-profit organizations in the field of protection of objects of historical heritage of Great Britain. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 114–120. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-114-120>

Исследование зарубежного опыта и подходов в реализации некоммерческими организациями волонтерских программ в области сохранения наследия расширяет теоретические представления о выстраивании работы с добровольными помощниками, об эффективных инструментах поддержки и мотивации, которые могут быть использованы в качестве аналогов и адаптированы к деятельности российских профильных общественных организаций и благотворительных фондов.

За последние годы зафиксирован рост количества публикаций по проблемам развития добровольческого движения в сфере сохранения культурного наследия, проведения международных и локальных тематических волонтерских лагерей (кампусов), организации работы с добровольными помощниками на базе учреждений культуры (музеи-заповедники, библиотеки) [1; 7; 6]. Многие из работ стали своего рода заказом общественных объединений и организаций, которым непосредственно близка тема охраны объектов культурного наследия и исторической среды. Речь, прежде всего, идет о Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и Общественном движении «Волонтеры культуры» [2; 3; 4; 5].

Большая роль в охране исторических и культурных объектов в Великобритании отводится крупнейшим негосударственным

организациям, таким как, например, Национальный фонд по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест Великобритании, Национальный фонд Шотландии, Фонд «Исторические королевские дворцы», «Фонд по сохранению церквей».

Согласно данным Национального совета волонтерских организаций за 2014–2015 годы, к числу востребованных направлений практик приложения добровольческого труда в Великобритании относится сфера культуры, в том числе и памятникоохранительная деятельность, которая уступает только социальному волонтерству [13]. Комплексный обзор добровольческого движения в области защиты объектов культурного наследия на примере Великобритании представляет исследовательский интерес с точки зрения более глубокого понимания логики и тенденций развития профильного направления безвозмездных практик в зарубежных странах.

Особенно интересны данные исследования «Группы по культурному волонтерству», опубликованные весной 2019 года, посвященные теме сохранения культурного наследия в Соединенном Королевстве [17]. По результатам исследования, 32% волонтеров работают с посетителями и гостями объектов культурного наследия, осуществляют навигацию, распространяют информационные материалы и др. Добровольные помощники (21%)

также задействованы в работах по благоустройству территории объекта культурного наследия и прилегающей к нему территории. 15% приходится на волонтеров, участвующих в реализации тематических просветительских проектов благотворительных организаций. Еще 13% волонтеров занимается архивной деятельностью, а 11% выступают в роли гидов и экскурсоводов. Около 9% волонтеров привлекаются профильными организациями к выполнению тех или иных работ непосредственно на объектах наследия. И только 1% волонтеров оказывают помощь в решении административных задач некоммерческих организации (маркетинг, фандрайзинг, тренерство, привлечение спонсоров).

В добровольческом движении в сфере сохранения культурного наследия в Великобритании отсутствует унифицированный термин, который бы определял самого субъекта добровольческого труда и его область профильной деятельности. В основном распространена практика, когда в определении понятия «волонтер» идет привязка к деятельности конкретного фонда. Так, в Справочнике по работе с волонтерами «Национального фонда Шотландии» волонтер рассматривается как помощник, выполняющий неоплачиваемую работу для организации, как человек, не преследующий финансовую или материальную выгоду.

Согласно документу Исторических королевских дворцов «Политика о заботе коллекций и их сохранению» волонтеры осуществляют бесплатную деятельность и на безвозмездных началах помогают организации в текущей деятельности, проведении различных мероприятий и реализации социально значимых, просветительских проектов и программ [11].

Примечательно, что до недавнего времени в практике отечественного волонтерского движения не существовало унитарного термина в отношении субъекта добровольческого труда в сфере защиты культурного наследия. Организаторы добровольческой деятельности нередко обращались к сино-

нимичным терминам, таким как «реставрационные волонтеры», «волонтеры историко-культурного наследия» и т. п. За несколько лет оформился единый общеупотребительный термин «волонтеры наследия», который наделяется конкретными отличительными характеристиками субъектов памятникоохранной деятельности.

«Национальный фонд по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест Великобритании» – самая большая благотворительная организация-заповедник, основанная в 1895 году, заботится о культурных и природных объектах по всей Англии, Уэльсу и Северной Ирландии [8]. Фонд работает на принципах самофинансирования за счет членских взносов, пожертвований и доходов от коммерческой деятельности.

Благодаря сплоченной команде волонтеров, Фонд успешно справляется с выполнением своей работы. По данным ежегодного отчета организации, в 2017–2018 годах более 60 тысяч добровольцев пожертвовали почти 4,6 млн часов своего времени в поддержку Фонда [14].

Волонтеры Фонда задействованы в самых разных процессах: уходе за садово-парковой территорией, организации фандрайзинговых мероприятий, реализации просветительских проектов, работе в кафе, археологических раскопках и др. [16]. Отдельная категория добровольных помощников занята в обслуживании посетителей с ограниченными возможностями в рамках реализуемой Фондом инклюзивной политики. Так, волонтеры-водители гольфмобиля помогают данной категории гостей беспрепятственно перемещаться по территории объекта культурного наследия.

Значительная доля волонтерского сообщества Фонда приходится на студенческую молодежь и людей пожилого возраста. Так, стаж работы пожилых волонтеров в благотворительной организации варьируется от 5 до 25 лет. К примеру, более 20 лет трудится на добровольных началах на благо Фонда се-

мейная пара Кита и Сью Уилсон. Рою Ишервуду 86 лет; он один из самых пожилых волонтеров, который совместно со своим другом патрулирует пешеходные дорожки, инспектируя их состояние на территории Лэнгдейла в Озерном крае.

Организация инициирует множество мероприятий для развития семейного волонтерства (программа «Трудовые лагеря») и корпоративного добровольчества.

Фонд поддерживает своих неравнодушных и деятельных помощников. Организацией была внедрена гибкая система скидок для активистов, отработавших более 50 часов в ресторанах и сувенирных магазинах самой организации. Помимо этого, волонтеры могут бесплатно посещать музеи и мероприятия Фонда. [4, с. 103].

Фонд инвестирует в развитие своих сотрудников, работающих с волонтерами. Организация регулярно проводит конференции, семинары, аудиторные сессии, консультации, нацеленные на обучение и подготовку менеджеров-волонтеров. Ежегодно Фонд инициирует мониторинг сотрудников на предмет степени удовлетворенности работой в организации. Так, в 2022 году 93% сотрудников, принявших участие в опросе, указали, что они удовлетворены работой в организации.

«Национальный фонд Шотландии» – крупнейшая благотворительная организация в Шотландии, которая занимается сохранением архитектурного, культурного и природного наследия. В организации трудится на безвозмездной основе более 4000 добровольных помощников [18].

Для каждой возрастной категории волонтеров Фондом предусматриваются соответствующие виды работ. К примеру, школьники от 11 до 15 лет вместе со своими преподавателями участвуют в образовательных программах организации, посещают местные достопримечательности, общаются с жителями, изучают их образ жизни. Молодые люди (16–17 лет) могут принять участие в работе трудовых лагерей (локальные тематические кампусы) по программе «Рабочие каникулы».

Кроме того, действуют мобильные волонтерские отряды по охране природы, выполняющие следующие виды работ: строительство дорог, очистка от инвазивных видов растений, сохранение рекреационной ценности, биологического и ландшафтного разнообразия.

В зависимости от функционала занятость добровольных помощников может колебаться от нескольких часов в неделю до полного рабочего дня.

Отдельное внимание в работе Фонда с волонтерами уделяется подготовке и обучению. Так, на сайте организации в общем доступе более 100 учебных онлайн-уроков. Помощников знакомят с предстоящим функционалом и его особенностями, правилами безопасности производимых работ на объектах культурного наследия и др. Предусмотрен и инструктаж для волонтеров офиса организации.

Большое значение в работе с волонтерами Фонд придает системе мотивации, разработав так называемую карту лояльности, позволяющую ее владельцу бесплатно посещать все объекты культурного наследия под патронажем организации, участвовать в образовательных программах и просветительских проектах и др. На карту может претендовать волонтер, отработавший более 40 часов в Фонде. Также распространена практика награждения активистов за выслугу лет: 3 года, 5 лет, 10 лет, 15 лет, 20 лет и 25 лет [3, с. 57].

Фонд «Исторические королевские дворцы» – это независимая благотворительная организация, образованная в 1998 году. Он заботится о лондонском Тауэре, дворце Хэмптон-Корт, Банкетном доме, Кенсингтонском дворце и дворце Кью [12]. В обязанности волонтеров входит организация мероприятий, работа в садово-парковой зоне, благоустройство в выставочных залах и в проведении экскурсий. Мотивация играет важную роль в реализации Фондом политики по поддержке и поощрению волонтерства. В числе бонусов в системе поощрения добровольческого актива возмещение расходов на транспорт до места проживания (до 5 фун-

тов в день), бесплатный доступ для членов семьи волонтера и скидки в кафе и магазинах курируемых объектов культурного наследия.

«Английское наследие» – независимый благотворительный фонд, существующий с 2015 года; отвечает за защиту коллекции, состоящей более чем из 400 исторических зданий, ландшафтов и археологических памятников. Главной силой «Английского наследия» являются неравнодушные добровольные помощники. Согласно данным ежегодных отчетов English Heritage, в 2015 году на безвозмездной основе работали 1872 волонтера [10]. В 2023 году эта цифра увеличилась в два раза.

Организация в работе с волонтерским сообществом придерживается определенных правил и стандартов: равные возможности, обучение и поддержка, оплата медицинской страховки, возмещение расходов, связанных с осуществлением безвозмездной деятельности, безопасные условия труда, предоставление рекомендательных писем для работодателей. [7, с. 118].

В целом, весь спектр деятельности и функционал добровольных помощников организации условно можно разделить на несколько ключевых направлений:

- обучающие волонтеры: проведение просветительских и образовательных мероприятий в школах, тематических туров и мастер-классов;
- волонтеры по работе с посетителями: навигация на территории объекта культурного наследия, встреча гостей, работа на информационных стойках и парковке, проведение экскурсий и развлекательных тематических мероприятий;
- волонтеры садов: уход за садово-парковой территорией объекта культурного наследия;
- волонтеры на объектах культурного наследия: контроль за влажностью и освещением объекта культурного наследия, защита коллекций, ремонтные работы, укрепление оснований фундамента, выявление дефектов в конструкции сооружения и др.;

- волонтеры офиса: работа с социальными сетями, добровольческим активом в качестве куратора/менеджера и др. [1, с. 74].

К числу ключевых инструментов мотивации «Английского наследия» можно отнести специальный документ – сертификат, на который может рассчитывать волонтер организации. Отдельные преференции предусмотрены для активистов со стажем. Так, добровольный помощник, отработавший более 60 часов, получает право бесплатного посещения всех объектов культурного наследия под патронажем «Английского наследия».

Благотворительная организация «Фонд по сохранению церквей» – лидер в сфере защиты религиозных сооружений на территории Великобритании. В волонтерском сообществе Фонда числится около 2000 человек. Активисты участвуют в фандрайзинговых мероприятиях по сбору средств, в качестве гидов проводят экскурсии, организуют различные мероприятия и фестивали. [2, с. 98].

«Альянс по сокращению преступлений против объектов культурного наследия», одна из ключевых организаций в Великобритании, с 2011 года занимается вопросами защиты локальных объектов культурного наследия. Добровольные помощники (от школьников и учителей до граждан пожилого возраста), выступая в роли общественных инспекторов, мониторят состояние объектов культурного наследия, выявляют случаи вандализма и нарушений законодательства об охране культурного наследия [9].

Как показал анализ волонтерских программ памятникоохранных организаций Великобритании, диапазон задач и направлений деятельности добровольных помощников достаточно широкий. И сами безвозмездные социально значимые практики варьируются от просветительской деятельности среди местных жителей, фандрайзинговых сборов, распространения лотерейных билетов и просветительской литературы до благоустройства прилегающей территории объекта культурного наследия, орга-

низации театрализованных и концертных мероприятий, фестивалей, помощи в проведении выставок.

Анализ волонтерских программ исследуемых негосударственных организаций в сфере сохранения и защиты объектов культурного наследия Великобритании позволяет выделить ряд общих положений, которые можно рассматривать с точки зрения «фундамента» организации работы со своими помощниками. Волонтерский менеджмент состоит из нескольких последовательных этапов: планирование, рекрутинг, отбор, обучение и мотивация. Так, в рамках проводимой коммуникационной кампании информация, размещенная на сайтах профильных организаций, находится в широком доступе для потенциальных волонтеров и содержит необходимые сведения о видах работ на объектах культурного наследия, требования к кандидатам и условия осуществления безвозмездной деятельности.

Подать заявку на участие в том или ином проекте или событии может каждый желающий через сайт, с ним обязательно свяжется координатор волонтеров. Содержание программы обучения на этапе подготовки добровольных помощников отличается неоднородностью. Теоретическая и практическая подготовка волонтера зависит от уровня сложности предстоящих работ и функционала. Программа мотивации может включать в себя: грамоты и благодарственные письма, участие в закрытых мероприятиях и бесплатные экскурсии по объектам культурного наследия, посещение музеев и выставок.

Таким образом, выводы, полученные в результате предпринятого исследования, помогут сформировать общее представление о работе общественных и благотворительных организаций с волонтерским сообществом в сфере охраны культурного наследия Великобритании.

Список литературы

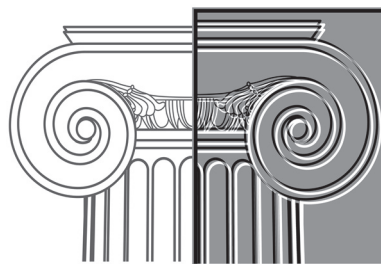
1. Горлова Н. И. Волонтерство в России и за рубежом: исторический опыт и современное состояние сохранения культурного наследия: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. 157 с.
2. Демидов А. Г., Губина А. В., Воропаева М. Д. и др. Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции). Тверь: Парето-Принт, 2020. 308 с.
3. Губина А. В., Демидов А. Г. Современные практики привлечения волонтеров к сохранению историко-культурного наследия: монография. Москва: Перспектива, 2021. 244с.
4. Губина А. В., Шульгин П. М. и др. Волонтерский кампус в музее-заповеднике. Принципы, методы, правовые основы. Москва, 2023. 264 с.
5. Жукова Д. Д., Нефедова С. Г и др. Сохранение культурного наследия народов России: чем могут помочь волонтеры культуры. Москва, 2022.
6. Зиновьева Ю. В. Музейное волонтерство в структуре добровольчества в сфере культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 4. С. 39–44.
7. Романова А. Г. Сравнительный анализ волонтерских проектов по сохранению исторических знаний и объектов культурного наследия // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 1 (15). С. 117–120.
8. About us // National trust. URL: <https://www.nationaltrust.org.uk/about-us>
9. Alliance to Reduce Heritage Crime (ARCH). URL: <https://historicengland.org.uk/advice/caring-for-heritage/heritage-crime/prevent/get-involved/>
10. English Heritage annual report and accounts 2014–2015. URL: https://web.archive.org/web/20151010051200/https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/445367/English_Heritage_ARA_1415_Print_Version.pdf

11. *Frame K.* Collection care and conservation policy. Surrey: Historic Royal Places, 2014.
12. Historic Royal Palaces. URL: <https://studentsunionucl.org/volunteering/organisation/historic-royal-palaces>
13. *Keen R., Audickas L.* Charities and the voluntary sector: statistics. London: House of Common Library, 2017.
14. National Trust Annual Report 2017/18. URL: <https://nt.global.ssl.fastly.net/documents/annual-report-201718.pdf>.
15. Volunteer with us. URL: <https://www.english-heritage.org.uk/support-us/Volunteer/>
16. Volunteer. URL: <https://www.nationaltrust.org.uk/volunteer>.
17. *Walters T.* Heritage Volunteering Group Survey 2019. Full report. Oxford: Agenda Consulting, 2019.
18. What we do//National trust for Scotland. URL: <https://www.nts.org.uk/what-we-do>.

*

Поступила в редакцию 07.09.2023

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О ПРОГНОЗИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ БИБЛИОТЕК КАК ФОРПОСТОВ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ БУДУЩЕГО

УДК 027.2:004:001.89

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-122-128>

Я. Л. Шрайберг

Государственная публичная научно-техническая библиотека России,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: shra@gpntb.ru

П. К. Тарасов

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tarasovpavelkonstantinovich@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются первые результаты интуитивно-экспертного прогнозирования развития библиотек на пути их становления как библиотек будущего. В данном исследовании мы не фокусируемся на математической теории, а используем интуитивные методы, логические суждения, опросные данные и экспертные оценки. Вводится понятие прогноза, как научно-обоснованное описание возможных состояний системы или процесса в будущем и сроков достижения этих состояний. В статье описаны основные прогнозируемые оценки основных компонент библиотек будущего, которые позволят нам сформировать новое видение библиотек будущего: фонды библиотек, их состав, сочетание электронных и традиционных носителей; читательские потоки, состав и категории читателей; режимы обслуживания, в первую очередь – онлайн-овое (дистанционное) обслуживание; роль библиотеки как «третьего места» в современных реалиях. Дальнейшее исследование в данной области позволит более точно прогнозировать изменения и требования современного общества, а также предложить рекомендации по оптимизации работы библиотек и созданию лучшего пользовательского опыта. Статья является первой из планируемого цикла с учетом опросных и экспертных оценок специалистов библиотечно-информационной сферы и, безусловно, является актуальной в связи с огромным вниманием общественного интереса к самому феномену «библиотека будущего».

Ключевые слова: библиотеки будущего, прогнозирование, фонды библиотек, электронные и традиционные носители, читательские потоки, пользовательский опыт.

ШРАЙБЕРГ ЯКОВ ЛЕОНИДОВИЧ – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, научный руководитель Государственной публичной научно-технической библиотеки России

ТАРАСОВ ПАВЕЛ КОНСТАНТИНОВИЧ – независимый исследователь, соискатель, Московский государственный институт культуры

SHRAIBERG YAKOV LEONIDOVICH – DSc in Technical Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, scientific director of the State Public Scientific and Technical Library of Russia

TARASOV PAVEL KONSTANTINOVICH – Independent researcher, applicant, Moscow State Institute of Culture

© Шрайберг Я. Л., Тарасов П. К., 2023

Для цитирования: Шрайберг Я. Л., Тарасов П. К. К вопросу о прогнозировании развития современных библиотек как форпостов библиотечной системы будущего // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 122–128. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-122-128>

ON THE QUESTION OF FORECASTING THE DEVELOPMENT OF MODERN LIBRARIES AS OUTPOSTS OF THE LIBRARY SYSTEM OF THE FUTURE

Yakov L. Shraiberg

State Public Scientific and Technical Library of Russia,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: shra@gpntb.ru

Pavel K. Tarasov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: tarasovpavelkonstantinovich@gmail.com

Abstract: The initial results of intuitive-expert forecasting libraries development on their way to becoming libraries of the future are considered in the paper. We do not focus on mathematical theory. The intuitive methods, logical perceptions, data from questionnaires and expert evaluations are primarily used. The term “forecast” is introduced as scholarly grounded description of possible stages of a system of a process in the future and time needed to reach those stages. The forecasted evaluations of basic components of the libraries of the future which will help in forming a new vision of them are described in the paper. Those are: library collections, combination of electronic and traditional media; readers and their categories, service modes, primarily online (distant) service; role of a library as “third place” in contemporary realities. Further study in this segment will help to forecast changes and requirements of contemporary society in more detail, as well as to suggest recommendations in optimizing library work and identifying better user experience. This paper is the first in the row of planned cycle of papers with consideration of data from questionnaires and expert evaluations by professionals in library and information sphere.

Keywords: libraries of the future, forecasting, library collections, electronic and traditional media, readers, user experience.

For citation: Shraiberg Y. L., Tarasov P. K. On the question of forecasting the development of modern libraries as outposts of the library system of the future. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 122–128. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-122-128>

На современном этапе развития общества особую актуальность приобретает деятельность институтов сбора, хранения и использования информации. Абсолютно очевидно, что интернет-среда, как саморегулирующаяся система, не может контролировать и проверять всю информацию, загружаемую в Сеть, поэтому эту функцию могут и должны взять на себя современные библиотеки, уверенно идущие к новой своей миссии – библиотекам будущего.

Проблемы сбора, хранения, актуализации информации, а также эффективного использования с учетом информационного шума и другой вредоносной информации становятся одними из самых важных вопросов в современном информационном обществе.

Библиотеки – это, прежде всего, источник получения информации и выдачи требуемых документов из локальных и распределённых фондов. Библиотеки будущего должны искать уже сегодня пути привлечения читате-

лей, в том числе, обеспечивая их доступом к требуемым ресурсам, доступным через интернет, стараясь максимально удовлетворить их спрос релевантной информацией. Активное распространение цифровизации в обществе затронуло и сферу библиотечно-информационной деятельности, определило направление, в котором строятся библиотеки будущего и формируются прогнозные оценки целого ряда элементов (компонентов) библиотеки будущего. Мы рассматриваем подходы к библиотеке в целом, вне зависимости от ее типа / вида.

Применение методов прогнозирования

Будем понимать в широком смысле прогнозирование как некоторое видение будущего, или точнее, как пишут Бутырский Е. Ю. и Матвеев А. В. [1], как «опережающее отражение будущего». А прогноз понимается как научно-обоснованное описание возможных состояний системы или процесса в будущем и сроков достижения этих состояний. Прогнозирование – достаточно широкая категория, один из компонентов математического моделирования, математической статистики, теории вероятности и ряда других дисциплин исследования операций. Один из важных принципов прогнозирования – это то, что оно не просто исследуется для операционного управления, его оценки и направления. Сегодня трудно найти сферу деятельности человека, где не применялось бы или не должно применяться прогнозирование. Методы прогнозирования делятся на два больших класса: интуитивные и формализованные, а моделей прогнозирования гораздо больше. Мы в настоящем исследовании не будем углубляться в математическую теорию, а воспользуемся интуитивным методом и методами, основанными на логических суждениях, опросных данных и экспертных оценках.

Подчеркнем, что для сложных систем существует совокупность методов прогнозирования и это является сложной алгоритмической и управленческой задачей, опреде-

ляемой, прежде всего, сложностью объекта управления, а также – возможностью использования искусственных нейронных сетей, как считает Дышкант Е. Е. [2]. Мы же пока ограничимся экспертно-интуитивным подходом, основываясь на понимании, что библиотеки будущего должны достичь тех функций и решать те задачи, которые определены многими сегодняшними исследователями и, в частности, о которых упоминается в материалах ежегодных докладов одного из авторов статьи [9; 10; 11].

Заметим, однако, что в отечественном библиотековедении есть примеры успешного применения математического прогнозирования в задачах поиска оптимального комплектования фондов. В частности, в ГПНТБ России (тогда еще ГПНТБ СССР) в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века были получены уникальные результаты по прогнозированию спроса на научно-техническую литературу на основе анализа спроса, в первую очередь, по каналам МБА и обслуживания ксерокопирования как отдельного канала. Эти задачи решились в секторе исследований процессов управления под руководством А. Г. Раева научными сотрудниками сектора Ю. А. Строгановым [6] и Я. Л. Шрайбергом [4].

Компоненты библиотек будущего

Вернемся к нашим текущим задачам. Рассмотрим несколько главных объектов (компонентов) библиотек будущего, которые, на наш взгляд, позволят сформировать новое видение библиотек будущего, и это, прежде всего,

- (1) *фонды*, их состав, сочетание электронных и традиционных носителей;
- (2) *читательские потоки*, состав и категории читателей;
- (3) *режимы обслуживания*, в первую очередь онлайнное (дистанционное) обслуживание;
- (4) *роль библиотеки* как «третьего места» в современных реалиях.

Есть еще ряд компонентов, которые мы пока рассматривать не будем, так как считаем, что основу нового видения библиотеки

будущего составляют именно эти – вышеперечисленные – компоненты.

1. Прогнозируемые оценки в отношении фондов будущих библиотек должны строиться на основе тенденций развития современного информационного рынка. Нет сомнений в том, что состав фондов библиотеки будущего будет гибридным: электронные (цифровые) издания будут соседствовать с печатной частью фондов. При этом будут и должны использоваться микроносители (микрофильмы, микрофиши), как страховая часть фондов. Очевидно, в ближайшем будущем оффлайновые носители электронной информации (флешки, диски) почти полностью уйдут из оборота, и мы в библиотеках будущего будем оперировать только с электронными разделами (массивами), размещенными в Сети. Таким образом, состав фондов библиотек будущего прогнозируется в следующем виде:

- электронные (цифровые) разделы в сети;
- электронные (цифровые) документы;
- электронные библиотеки, полнотекстовые системы.
- печатные издания;
- микроносители.

Оффлайновые электронные носители останутся в минимальном количестве, и это будут, в основном, энциклопедии, справочники, словари, другие справочно-информационные материалы, которые необходимо всегда иметь под рукой. Анализ реалий современного информационного (книжного) рынка показывает, что сегодня приоритет все равно остается за печатными изданиями, оценочные прогнозы говорят о 60% – 40% в пользу печатных изданий, иногда даже 70% – 30% или даже 75% – 25%. Поэтому этот фактор необходимо учитывать при построении модели информационного обслуживания в библиотеке будущего.

С точки зрения формирования библиотечных фондов периодических изданий, в первую очередь, в научных и в вузовских библиотеках достаточно несложно спрогнозировать переход к электронным полнотекстовым

коллекциям, тем более что уже почти 10 лет научно-образовательное сообщество страны использует систему национальной/централизованной подписки, в первую очередь, на зарубежные научные журналы. Даже сегодня в условиях санкций эта опция превалирует над другими возможными вариантами.

Более того, современное развитие цифровизации активизирует трансформацию библиотек к модели будущего; точнее говоря, необходимо новое осмысление библиотеки будущего в обществе знаний. В частности, в этом контексте интересными являются результаты исследования И. П. Тикунновой [7] по анализу современных практик библиотечной цифровизации и А. И. Каптерева по методике оценки цифровой трансформации [3].

Однако одной из наиболее важных задач для общества мы считаем прогнозирование развития библиотек не только и не столько как хранилищ информации, а как институтов социального и социокультурного проектирования. Библиотеки становятся одним из самых доступных и востребованных общественных учреждений и приобретают большое значение для научно-образовательной и культурной жизни общества в плане обеспечения доступа к информации и знаниям.

Современные технологии позволяют значительно улучшить и расширить доступ к информации и обеспечить эффективную работу библиотек в цифровом формате. Поэтому развитие библиотек должно учитывать не только традиционные форматы хранения и предоставления информации, но и новые цифровые технологии и продукты, включая электронные книги, базы данных, открытые архивы и другие форматы и системы хранения и распространения знаний. Следует отметить, что работая с цифровым контентом в части обслуживания пользователей библиотекой будущего, придется постоянно верифицировать ссылочную часть реестров в Интернет: ссылки часто меняются, вебсайты модифицируются, со временем не всегда открываются и т. д. Важен системный подход

к организации и хранению сетевой информации и контролю доступа к ней. И особую роль следует отвести режимам и технологиям открытого доступа как одного из самых передовых сегодня, особенно для научных и образовательных организаций, как считает Редькина Н. С. [5] Подчеркнем, что библиотеки будущего активно планируют использовать ресурсы и техники открытого доступа в своей повседневной деятельности.

2. *Читательские потоки*, состав и категории читателей. Читатели библиотек будущего – это, как правило, хорошо подготовленные пользователи Интернета, в достаточной степени компьютерно-ориентированные. Прогнозируемые оценки показывают, что, несмотря на иногда встречающиеся мрачные прогнозы, интерес к чтению и использованию библиотечного контента не ослабевает, особенно, если речь идет о научных и университетских библиотеках. Ни о какой полной замене библиотечных фондов ресурсами Интернет не может быть и речи и, прежде всего, потому что

- не все выходящие в свет издания представлены в Интернет;
- не все интернет-ресурсы могут быть просто скачаны без согласия правообладателей;
- в целом ряде случаев владельцы ресурсов предпочитают открывать доступ через IP-адреса лицензированных библиотек. (Особенно следует подчеркнуть, что постепенно возрастает отечественный документный поток открытого доступа и это тоже одна из черт продвижения к библиотекам будущего, по мнению Чавыкина Ю. И. [8]);
- не всегда доступные интернет-ресурсы верифицированы на предмет адекватности и качества.

Поэтому разумным правилом для читателя библиотеки будущего может стать сочетание использования доступных интернет-ресурсов и фондов библиотек. При этом, категории читателей, как показывает прогноз-оценка, будут следующими:

1. студенты/магистранты/аспиранты;
2. научные сотрудники;
3. профессорско-преподавательский состав;
4. информационные работники;
5. частные исследователи и интересующиеся читатели;
6. другие.

В целом прогнозирование развития библиотек на пути к библиотеке будущего должно позволить оценить место и функции этого важнейшего общественного института и обеспечить доступ к знаниям и информации. Все больше и больше библиотек начинают предоставлять электронные книги, базы данных, онлайн-обучение и другие виды (продукты) электронной информации.

3. Если говорить о трансформации *режимов обслуживания* читателей в библиотеках будущего, то нельзя не выдвинуть на первое место дистанционные (удаленные) режимы обслуживания и представление онлайн-читателя как основного потребителя информации в библиотеках будущего. При этом большая часть онлайн-читателей будут предпочитать мобильные технологии доступа к библиотечным ресурсам, поэтому одной из главных задач IT-специалистов в библиотеках становится разработка требуемых технологий для работы с мобильными приложениями. Кроме того, будет усилена значимость режимов обслуживания читателей по каналам МБА и электронной доставке документов. Более того, современный читатель, часто хорошо ориентированный в документном потоке, является партнером библиотекаря в поиске и предоставлении требуемой информации. Библиотека будущего должна иметь требуемый набор лингвистических средств, чтобы достаточно удовлетворить информационный спрос своего читателя.

4. Библиотеки сохраняют свою *важную роль* в современном обществе, обеспечивая доступ к информации, выступая в качестве социального центра, поддерживая культурное наследие и содействуя образованию и воспитанию молодежи, в первую очередь, разви-

вая информационную культуру. Библиотеки становятся еще более важным фактором в образовании, включая самообразование и поддержку обучения. Таков должен быть один из выводов предлагаемой прогнозной оценки. Однако библиотеки играют важную роль не только как источники информации, но и как общественные центры, где люди могут встречаться, общаться, учиться и развиваться профессионально и духовно. Библиотеки проводят различные мероприятия, в том числе курсы повышения квалификации, лекции, организуют дискуссии, кружки чтения и многое другое, чтобы вовлечь в свою деятельность как можно больше людей. Библиотеки также играют важную роль в социальном воспитании и формировании культурного наследия. Они сохраняют и обеспечивают доступ к культурно-историческим ценностям, помогают создавать новое культурное наследие.

Библиотека будущего должна встать на ключевые позиции в формировании социокультурного и общественного пространства для создания прогнозируемых и понятных инструментов для общества, в оценке и работе с новыми информационными объема-

ми. Для устойчивого развития у современной публики навыков структурного анализа, критической оценки, работы с первоисточниками библиотека должна развиваться в ногу с обществом и технологиями. Библиотеки будущего – это «третье место» после работы и дома, куда читатели приходят не только за информацией, но и за общением. За тем простым человеческим общением, которое часто исчезает из нашего компьютеризированного бытия.

Таким образом, библиотека будущего формируется уже сегодня. Среди множества исследований на эту тему хотелось обратить внимание на те, в которых понятно и определенно пытаются прогнозировать признаки, по которым библиотеку можно с уверенностью назвать «библиотекой будущего». Учитывая ожидаемые результаты, которые будут получены на основе опроса многочисленных исследователей и пользователей, надеемся, что нам удастся в ближайшее время систематизировать эту информацию в данной предметной области и привести в систему перечень этих критериев и требуемых рекомендаций. Ведь за библиотекой будущего – реальное будущее!

Список литературы

1. Бутырский Е. Ю., Матвеев А. В. Математическое моделирование систем и процессов. Санкт-Петербург: Стратегия будущего, 2022. 732 с.
2. Дышкант Е. Е. Интеллектуальная система выбора методов прогнозирования временных рядов, основанная на применении искусственных нейронных сетей и аппарата нечеткой логики. Краснодар: КубГТУ, 2021. 179 с.
3. Кантерев А. И. Методика оценки цифровой трансформации библиотек // Библиотекосведение. 2023. Т. 72, № 4. С. 295–309.
4. Раев, А. Г., Шрайберг Я. Л. Об оценке необходимой точности прогнозируемых значений частоты спроса на вновь приобретаемые в фонд библиотеки издания // Проблемы совершенствования автоматизированных библиотечно-информационных систем ГПНТБ СССР: сборник научных трудов / Государственная публичная научно-техническая библиотека: Москва: ГПНТБ СССР, 1986. С. 80–84.
5. Редькина Н. С. Библиотека и ресурсы открытого доступа: угрозы vs возможности // Научные и технические библиотеки. 2023. № 6. С. 94–112.
6. Строганов Ю. А. Анализ результатов экспериментальной проверки алгоритма прогнозирования читательского спроса на издаваемые отечественные книги // Труды / Государственная публичная научно-техническая библиотека СССР. Москва: ГПНТБ СССР, 1979. Выпуск 13: Исследования по совершенствованию деятельности научно-технических библиотек. С. 116–120.

7. *Тикунова И. П.* Библиотечная цифровизация: анализ современных практик // Потенциал библиотеки в современном мире: трансформации, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара: СГИК, 2021. С. 13–19.
8. *Чавыкин Ю. И.* Характеристика отечественного документного потока по проблемам открытого доступа к информации // Научные и технические библиотеки. 2023. № 10. С. 39–52.
9. *Шрайберг Я. Л.* Информационно-документное пространство образования, науки и культуры в современных условиях цифровизации общества: ежегодный доклад Пятого Международного профессионального форума «Крым-2019». Москва: ГПНТБ России, 2019. 79 с.
10. *Шрайберг Я. Л.* Особенности компоненты цифровой трансформации общества, активно влияющие на технологические и поведенческие модели деятельности современных библиотек: ежегодный доклад. *Седьмого Международного профессионального форума «Сочи-2023»*. Москва: ГПНТБ России, 2023. 63 с.
11. *Шрайберг Я. Л.* Цифровизация, пандемия, экология языка, рынок информационных и образовательных услуг и библиотеки: курс на выживание и устойчивое развитие: ежегодный доклад. Шестого Международного профессионального форума «Крым-2021». Москва: ГПНТБ России, 2021. С. 13–72.

*

Поступила в редакцию 05.12.2023

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ БИБЛИОТЕК НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

УДК 02.

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-129-137>

А. М. Мазурицкий

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: mazuram@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу опыта денацификации библиотек нацистской Германии после окончания Второй мировой войны и его использованию для работы с библиотечными фондами на новых территориях, присоединённых к Российской Федерации. Рассмотрены отдельные фрагменты нормативно-правовой базы по денацификации Германии, созданные странами антигитлеровской коалиции. Особое внимание уделено деятельности Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по координации работы по очищению библиотек в советской зоне оккупации от нацистской литературы. Акцентировано внимание на разных подходах к этой проблеме союзников СССР, США и Великобритании. В публикации кратко обозначен процесс распространения нацистской идеологии на территории Украины. Дан анализ участия библиотек в распространении националистических идей среди населения страны. Основной акцент сделан на русофобские действия украинской власти по изъятию русской литературы из библиотек. В заключении представлен ряд предложений по использованию опыта работы по денацификации немецких библиотек в современных условиях.

Ключевые слова: денацификация, нацистская идеология, нацистская литература, героизация нацизма, Советская военная администрация в Германии, библиотека, бандеризация, русскоязычная литература, изъятие книг.

Для цитирования: Мазурицкий А. М. Денацификация библиотек нацистской Германии в контексте современных социально-политических реалий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 129–137. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-129-137>

DENAZIFICATION OF NAZI GERMANY LIBRARIES IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIO-POLITICAL REALITIES

МАЗУРИЦКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – доктор педагогических наук, доцент, декан библиотечно-информационного факультета, Московский государственный институт культуры; профессор кафедры информационно-аналитической деятельности, Московский государственный лингвистический университет

MAZURITSKY ALEXANDER MIKHAILOVICH – DSc in Pedagogy, Associate Professor, Dean of the Library and Information Faculty, Moscow State Institute of Culture; Professor at the Department of Information and Analytical Activities, Moscow State Linguistic University

© Мазурицкий А. М., 2023

Alexander M. Mazuritsky

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: mazuram@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the experience of denazification of libraries in Nazi Germany after the end of World War II and its use to work with library collections in new territories annexed to the Russian Federation. Separate fragments of the regulatory framework for the denazification of Germany, created by the countries of the anti-Hitler coalition, are considered. Special attention is paid to the activities of the Soviet Military Administration in Germany (SWAG) to coordinate the work on clearing libraries in the Soviet occupation zone of Nazi literature. Attention is focused on the different approaches to this problem of the allies of the USSR, the USA and Great Britain. The publication briefly outlines the process of spreading Nazi ideology on the territory of Ukraine. The analysis of the participation of libraries in the dissemination of nationalist ideas among the population of the country is given. The main focus is on the Russophobic actions of the Ukrainian authorities to withdraw Russian literature from the libraries. In conclusion, a number of proposals are presented for using the experience of denazification of German libraries in modern conditions.

Keywords: denazification, Nazi ideology, Nazi literature, glorification of Nazism, Soviet military administration in Germany, library, banderization, Russian-language literature, seizure of books.

For citation: Mazuritsky A. M. Denazification of Nazi Germany libraries in the context of modern socio-political realities. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 129–137. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-129-137>

24 февраля президент России В. В. Путин объявил о решении начать специальную военную операцию в Донбассе после соответствующего обращения властей Донецкой и Луганской народных республик. В его выступлении были обозначены целевые установки Специальной военной операции (СВО): «Её цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации» [12].

Необходимо исходить из того, что с момента окончания Великой Отечественной войны прошло почти 80 лет. За этот период в жизнь вступили новые поколения, и если значение слова «демилитаризация» в основном понятно, то с понятием «денацификация» есть определённые проблемы. Общине ав-

тора статьи со студенческими аудиториями различных вузов свидетельствует о том, что только незначительное число молодых людей понимают основной смысл данного определения.

Денацификация нацистской Германии явилась одним из основных результатов Второй мировой войны. На её завершающем этапе, в начале февраля 1945 года, в Крыму состоялась Ялтинская конференция лидеров трёх стран антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании, посвящённая вопросам установления послевоенного устройства мира.

Среди разнообразного круга вопросов обсуждалась проблема создания международного трибунала. Его юрисдикции подлежали преступления, совершённые нацистской Германией против мира и человечности. Наряду с этим было принято решение о ликвидации после окончания войны всех пронацистских организаций, составлявших опору нацистского режима [17].

С 17 июля по 2 августа 1945 года после победы над гитлеровской Германией неподалёку от Берлина в городе Потсдаме проходила последняя официальная встреча лидеров государств союзников. Одной из обсуждаемых проблем был вопрос о денацификации Германии [13].

Под денацификацией (нем. *Entnazifizierung*) понималось очищение немецкого и австрийского общества, культуры, прессы, образования, юриспруденции и политики от влияния идеологии нацистов. Наряду с другими организациями этот процесс затрагивал и немецкие библиотеки.

После капитуляции Германии главнокомандующими четырех союзных держав 5 июня 1945 года была подписана «Декларация о поражении Германии», а на следующий день, 6 июня 1945 года, было опубликовано Соглашение союзных держав «О контрольном механизме Германии», согласно которому был организован Контрольный Совет по управлению Германией [3].

Контрольный Совет возглавлялся главнокомандующими четырех союзных держав, которые на своих заседаниях решали возникающие вопросы. Заместители командующих четырех союзных держав и их представители составляли Координационный Комитет, на который возлагалось согласование текущих вопросов. Кроме того, при Контрольном Совете действовал Контрольный Штаб. Отделы штаба формировались из представителей Военной администрации союзных держав.

Решениями Потсдамской конференции в разделе «А. Политические принципы» предусматривалось следующее: уничтожить национал-социалистскую партию и её филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить условия, при которых они не могли бы возродиться ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду [7].

Осуществляя решения Потсдамской конференции по денацификации Германии, Союзный Контрольный Совет 10 октября

1945 года издал Закон, статья II которого гласила: «Всё движимое и недвижимое имущество, оборудование, фонды, счета, архивы и другое имущество организаций, упраздненных на основании этого Закона, конфискуется».

В развитие этого документа Главнначальствующим СВАГ маршалом Г. К. Жуковым был подписан приказ от 29 сентября 1945 года «О запрещении нацистских организаций», а затем – приказ от 30 октября 1945 года «О наложении секвестра и принятия во временное управление некоторых категорий имущества в Германии».

Одним из важнейших направлений деятельности Советской военной администрации в Германии (СВАГ) являлась реализация решений Потсдамской конференции по демилитаризации и денацификации Германии. Восьмого сентября 1945 года был издан приказ СВАГ № 039 «Об изъятии нацистской и милитаристской литературы», в котором указывалось: «В целях быстрейшего искоренения идей нацизма и милитаризма, нашедших своё широкое распространение в разного рода литературе, изданной за годы фашистского режима: 1. Всем владельцам частных библиотек, книжных магазинов, издательств, а также всем частным лицам сдать к 1 октября 1945 г. в районные комендатуры: а) все книги, брошюры, журналы, альбомы и другую литературу, содержащую пропаганду фашизма, расовой теории, захвата чужих территорий, а также всякого рода литературу, направленную против СССР и других Объединенных Наций; б) всю военную литературу, в том числе и учебники, и учебные пособия для военных учебных заведений и армий, а также всю научную и техническую литературу военно-прикладного характера. 2. Всем бывшим государственным и городским библиотекам, ректорам университетов и директорам других учебных заведений, научно-исследовательских учреждений, президентам академий, научных и научно-технических обществ и объединений <...> изъять из подведомственных им библиотек

всю указанную в п. 1 фашистскую и военную литературу <...> и передать представителю военной комендатуры» [5].

13 мая 1946 года Союзный Контрольный Совет по Германии издал приказ № 4 «Об изъятии литературы и материалов нацистского и милитаристского характера». В этот период советская сторона выступила с предложением об издании единого справочника по изъятию литературы нацистского и милитаристского характера, однако это предложение не было поддержано союзниками [2].

В советской зоне оккупации к работе по составлению списков были привлечены немецкие специалисты из Немецкой книжной палаты (Дойче Бюхерай) в Лейпциге. Был составлен библиографический указатель из 13 тыс. названий. В 1947 году к справочнику вышло дополнение, в которое вошли еще 9 тыс. названий. Издание списков для изъятия нацистских книг происходило и в британской зоне оккупации. Там же был издан специальный справочник, включающий около 1000 названий. Во французской зоне оккупации пользовались справочником, изданным в советской зоне.

Библиотекарей, приехавших из СССР для работы в различных представительствах, широко привлекали к проверке фондов немецких библиотек с целью выявления нацистской и милитаристской литературы. В частности, библиотекари из Представительства Комитета по делам культурно-просветительных учреждений знакомились с фондами библиотеки Имперской канцелярии, МВД, Гестапо, осматривали личные библиотеки Геббельса, Риббентропа, Шахта, Руста.

В Советской зоне оккупации всего было изъято более 15 млн томов нацистской литературы. Четыре пятых ее было утилизировано. По указанию Советской Военной администрации были организованы специальные хранилища изъятой литературы в Берлине, Галле, Лейпциге, Иене. В них было сосредоточено 150 тыс. книг [4, Л. 45].

В целом осознавая важность процесса денацификации Германии, советские окку-

пационные власти особое внимание уделяли проверке состава библиотечных фондов немецких библиотек. Так, в июле 1946 года была проведена выборочная проверка немецких библиотек, в ходе которой были просмотрены фонды 120 библиотек, находящихся в советской зоне оккупации. Повторная проверка проводилась в 1947 году и охватила уже 141 библиотеку [4, Л. 45]. Аналогичные процессы проходили в западных зонах оккупации Германии.

Рассматривая процессы демилитаризации и денацификации Германии, нельзя не сказать о существовании серьезных разногласий между союзниками по вопросу изъятия литературы нацистского и милитаристского характера. Так, например, в специальной инструкции от 10 сентября 1946 года, изданной в американской зоне оккупации, отмечалось, что учебным заведениям, судам, которые считают, что сохранение нацистской литературы является необходимым для их работы, разрешается её оставить. Согласно этой же инструкции частные библиотеки, в том числе библиотеки редакций и частных фирм, освобождались от чистки фондов литературы. В беседе с представителями Отдела народного образования США офицер по контролю над библиотеками в американской зоне оккупации заявил, что американцы планируют отобрать по 50 экземпляров каждого названия нацистской литературы, так как они предвидят, что в будущем эта литература будет «весьма высокооплачиваемой» [4, Л. 37–74]. Подобная ситуация складывалась и в английской зоне оккупации. В декабре 1947 года в английской зоне была издана «Директива для проведения чистки библиотек от политически нежелательной литературы». Этот документ давал право немецким органам оставить в фонде часть книг, имеющих отношение к первой мировой войне. Известно, что в английской зоне оккупации действовала директива, предусматривающая использовать изъятую национал-социалистическую и милитаристскую литературу для научных целей и борьбы с национал-социализмом и сохра-

нить их для университетских библиотек Кельна, Бонна, Мюнстера, библиотеки Высшей технической школы в Аахене, а также – для городских и земельных библиотек Дюссельдорфа, Дортмунда, и ряда других библиотек. Данная ситуация определила чёткую позицию английского представителя в Комитете Образования при Союзной Контрольной Власти. В целом подходы союзников и советской стороны к организации и самого процесса изъятия нацистских книг были диаметрально противоположны. Если в советской зоне оккупации этот процесс жёстко контролировался со стороны различных административных структур, то в западных зонах оккупации владельцам библиотек самим было поручено определять, относится та или иная книга к категории запрещенных. Всё это явилось результатом разного отношения к природе нацизма бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Англо-американской военной администрацией нацизм рассматривался в отрыве от общественно-политической и экономической системы Германии, как обыкновенное проявление немецкого национализма [6].

Известно, что советская сторона неоднократно протестовала против этих действий, которые противоречили Потсдамскому соглашению. Очистка библиотек от нацистской литературы в Советской зоне оккупации была окончательно завершена к 1948 году. Об этом говорит тот факт, что в 1948 году речь шла уже об освобождении немецких библиотек от «оппортунистической литературы». Этот процесс проходил под контролем партийных организаций СЕПП и был направлен на укрепление позиций коммунистов в Германии, так как представительства АН СССР и Комитета по делам культурно-просветительных учреждений к этому времени практически завершили свою работу [4, Л. 40].

Никто из российских и немецких специалистов, занимавшихся вопросами денацификации библиотек Германии в послевоенные годы, не мог предположить, что эта проблема возникнет на территории Европы в следующем веке. Не считая возможным остано-

вливаться на анализе причин возрождения нацистской идеологии в современной Украине, отметим, что практически на всём протяжении её постсоветской истории делалось всё возможное, чтобы вытравить из памяти новых поколений, вступающих в жизнь, всё, что связывало Украину с Россией, что было связано с русским языком и русской культурой. Поначалу это было отнесено к пресловутой десоветизации. Но уже после начала специальной военной операции началась целая вакханалия. К сожалению, всё это нашло отклик в странах Европейского союза (ЕС), устроивших гонения на нашу отечественную культуру. Практически во всех странах, входящих в ЕС, игнорируются многочисленные факты превращения Украины в государство, исповедующее откровенно нацистскую идеологию. Все факты, которые говорят об этом, считаются российской пропагандой, а здравомыслящих людей на Западе, которые откровенно рассказывают и пишут об этом, расценивают как «агентов Кремля».

Таким образом, на Западе традиционные шествия по улицам Киева с факелами последователей Степана Бандеры в день его рождения рассматриваются как обычная прогулка киевлян по вечернему городу. Дикие пляски на улицах украинских городов – «кто не скачет, тот москаль» – просто безобидная забава украинской молодёжи.

Не было никакой объективной реакции на сожжение людей в Доме профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года. Данный факт наглядно иллюстрируется в «Википедии» (напомним, что верховной администрацией проекта является Совет попечителей американской некоммерческой организации «Фонд Викимедиа»). Об этом событии написано следующее: «Российская пропаганда изображает пожар в Доме профсоюзов как намеренное убийство пророссийски настроенных протестующих украинским государством. В России инцидент подаётся как иллюстрация мнимого геноцида русского населения на Украине и как одно из оправданий российского вторжения в 2022 году» [11].

Можно подумать, западным пропагандистам ничего не известно о том, как депутат Львовского облсовета от ВО «Свобода» Ирина Фарион в феврале 2010 года проводила акцию по украинизации львовского детского сада № 67. Напомним, 5–6-летним детям украинская националистка внушала следующее: «Оленка, какая красавица, никогда не будь Алёной. Ведь если ты станешь Алёной, деточка, то нужно паковать чемоданы и уезжать в Москву...» [16].

Необходимо сказать и о том, что значительную роль в бандеризации населения Украины сыграли украинские библиотеки. Ещё до начала Специальной военной операции руководством Министерства культуры Украины был взят курс на удаление русскоязычной литературы из книжного сегмента библиотек. Об этом свидетельствует, например, директор Черкасской областной библиотеки для юношества имени В. Симоненко, которая на протяжении последнего десятилетия не комплектовалась русскоязычной литературой [15].

Более того, после начала Специальной военной операции в библиотеках Украины начались массовые акции по изъятию русскоязычной литературы. Этот процесс реализовывался под названием «Позбудься російського мотлоху» («Избавься от русского хлама»). Потенциальным участникам предлагалось сдать в утильсырьё книги, а вырученные деньги перечислить на поддержку вооружённых сил Украины (ВСУ) [14].

В марте 2023 года депутат Верховной Рады Евгения Кравчук сообщила о работе по «дерусификации» украинских библиотек. По состоянию на ноябрь 2022 года из публичных библиотек было изъято около 19 млн экземпляров книг. Из них примерно 11 млн составляли издания на русском языке. Она добавила, что списывают и некоторые украиноязычные книги, изданные в советские времена. Также депутат рассказала о рекомендации списывать и изымать книги, авторы которых поддержали спецоперацию. Отметим, что на Украине с 2017 года действует

закон, ограничивающий ввоз в страну книг «антиукраинского содержания». Под запрет попали десятки изданий – от книг по истории России до былин об Илье Муромце [9].

В мае 2022 года сообщалось о принятии решения об изъятии из публичных библиотек и сдаче в макулатуру более 100 млн книг на русском языке. Об этом заявила в своём интервью директор Украинского института книги Александра Коваль. Интересное совпадение: во время Великой Отечественной войны в библиотеках СССР фашистами было уничтожено более 100 млн томов. Единственное отличие действий Александры Коваль от деяний немецких нацистов заключается в методике действий: в нацистской Германии изъятые книги просто сжигали. По словам Коваль, в возглавляемом ею институте подготовлены документы для изъятия русских книг. Это будет самая масштабная в мире операция по сдаче бумажных носителей на макулатуру. По её мнению, речь идёт об изданиях «антиукраинского содержания с имперскими нарративами, о книгах с пророссийской и шовинистической политикой».

Изъятию подлежала и русская классическая литература. Вот один из перлов пособницы нацистов по этому поводу: «Все мы читали эти книги, в мои школьные годы была сплошная русская классика, которая считалась вершиной мировой письменности. За счет того, что мы достаточно средне знали мировую классику, многие остались с убеждением, что это действительно та литература, без которой невозможно развить интеллект и эстетические ощущения, быть образованным человеком. На самом деле это не так», – заявила Коваль. По её мнению, именно такие русские поэты и писатели, как Александр Пушкин и Федор Достоевский, заложили основы «русского мира» и «русского мессианства». И далее: «Это действительно очень вредная литература, она может действительно влиять на взгляды людей. Поэтому моё личное мнение, что эти книги также должны быть изъяты из публичных и школьных библиотек. Они, наверное, должны остаться в универси-

тетских и научных библиотеках для изучения специалистами корней зла и тоталитаризма», – подчеркнула она [8].

Автором данной публикации, начиная с 2014 года, проводился мониторинг сайтов юношеских и детских библиотек Украины. Этот анализ свидетельствует о значительной работе библиотек по героизации нацистских преступников, участников националистических подразделений, воевавших на стороне Германии.

С первых дней провозглашения независимости Украины реализовывалась политика, направленная на то, чтобы искоренить из сознания простых людей всё, что связано с близостью и тесной исторической связью народов Украины и России. Практически все лидеры считали необходимым доказывать самим себе и окружающим, что между нами никогда не было ничего общего – ни культуры, ни религии, ни языка. Главным в формировании пантеона героев новой Украины была их борьба против России и русских в различные исторические периоды. И если на начальных этапах переформатирования сознания народа Украины эксплуатировались, в основном, образы врагов России, то впоследствии были подняты на щит нацистские преступники, те, которых давно осудила история. Все библиотеки Украины были вовлечены в эту деятельность.

По мере освобождения отдельных регионов Луганской и Донецкой областей были обнародованы факты наличия в библиотеках множества книг националистического содержания [10]. На их обложках можно было увидеть портреты Гитлера и Бандеры, нацистскую символику. Значительная часть изданий была пропитана зоологической ненавистью к России и её народу.

С первых дней освобождения территории Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областей начался процесс денацификации библиотек. Большую работу пришлось проводить специалистам Донецкой республиканской универсальной научной библиотеки имени Н. К. Крупской. В процессе обследо-

вания библиотек освобожденных населенных пунктов была выявлено большое число экстремистских изданий. Значительная часть книг была посвящена героизации украинских нацистских подразделений, воевавших на стороне нацистской Германии. Много книг было посвящено искажённой истории Великой отечественной войны, Гитлеру, Бандере и их последователям, в частности, была представлена серия под названием «Библиотека полка Азов» [1]. Во время проверки библиотек сотрудниками правоохранительных органов Мелитополя и Мелитопольского района была найдена и изъята нацистская литература, среди которой были издания, прославляющие националистические подразделения «Азов» и «Правый сектор».

Учитывая опыт по денацификации библиотек нацистской Германии, понимая увеличение объёма данной работы в будущем, следует сказать, что вся эта деятельность нуждается в существенной корректировке. Прежде всего, надо исключить всякую самодеятельность. Должна быть не эпизодическая проверка фондов библиотек, а скоординированная и планомерная деятельность, основанная на соответствующих ей правовых нормативных документах. В этой связи необходимо внесение дополнения в существующее законодательство, в частности, в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Необходимо организовать издание списков запрещённых к обращению изданий. Следует внести коррективы и в «Рекомендации по работе библиотек с документами, включенными в федеральный список экстремистских материалов» (утв. Минкультуры России 12.09.2017).

Надо также обратить внимание и на литературу, пропагандирующую религиозную неприязнь, так как не надо забывать о том, что пронацистские правители инициировали раскол православной церкви Украины, и это нашло отражение в соответствующих изданиях. Кроме того в украинских библиотеках было обнаружено значительное число книг,

воспевающих современные так называемые «европейские ценности». На полках были обнаружены издания, пропагандирующие ЛГБТ, педофилию и смену пола и прочие псевдоценности, которыми щедро собирались поделиться с Украиной Евросоюз и США. Были обнаружены издания, содержащие приукрашенную картину «благ», которые должна была получить Украина после вступления в НАТО.

Для решения всего многообразия задач по денацификации библиотек освобождённых территорий необходимо шире использовать опыт библиотек Крыма, а также – Луганска и Донецка, которые ранее уже включились в эту работу. Наряду с этим было бы целесообразным на базе областных библиотек регионов России, граничащих с зоной военных действий, провести серию обучающих семинаров по реализации процесса денацификации библиотек с привлечением ведущих отечественных специалистов библиотечного дела.

Хотелось бы предостеречь и от тех ошибок, которые проявились на начальном этапе денацификации немецких библиотек. В этот период из концлагерей стали возвращаться немецкие библиотекари, которые были посажены за нелояльность к нацистам. И во дворах библиотек стали периодически вспыхивать костры из изъятых нацистских

книг. Пришлось вмешаться Советской Военной администрации, которая увидела в этом аналогии с сожжением нацистами литературы в 1933 году. Подобные действия были запрещены. Изъятая литература стала отправляться на переработку в макулатуру. В период денацификации библиотек нацистской Германии в советской зоне работала группа специалистов, которые отбирали по два экземпляра книг нацистских изданий для отправки в Москву. Эти книги предназначались для научных центров, изучающих идеологию национал-социализма. Было бы целесообразным провести эту работу и в процессе денацификации украинских библиотек.

Особо деликатно надо относиться к изданиям на украинском языке. Например, официальными языками в Херсонской области признаны три языка – русский, украинский и крымско-татарский. Представитель каждой национальности должен иметь право читать книги на своём родном языке.

Нам предстоит сложнейшая работа по возвращению национального единства народов с одними корнями, традициями, верой. Необходимо донести до каждого гражданина украинской национальности, что Россия не воюет с украинской культурой, с украинским языком, с украинской книгой.

Список литературы

1. В библиотеках освобожденных населенных пунктов ДНР. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/4761353/?ysclid=ls1y1oshta45769461>
2. Ведомости Контрольного совета в Германии. 1946. № 7. 31 мая 1946 г. С. 151–152.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Москва, 1976. Т. 3. С. 272–281.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-7317. Советская военная администрации в Германии (СВАГ) Оп. 54. Д.6.
5. За антифашистскую демократическую Германию: Сб. док. 1945–1949, Москва: Политиздат, 1969. С. 147–148.
6. *Ивина К. В.* Государственная публичная научно-техническая библиотека. Изъятие национал-социалистических изданий из фондов немецких библиотек после окончания Второй мировой войны. [Электронный ресурс]. URL.: <https://studylib.ru/doc/2565538/ivina-k.-v.--gosudarstvennaya-publichnaу-nauchno?ysclid=ls3jd7fwio750388838>
7. Материалы Потсдамской конференции 1945 г. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm

8. Мазурицкий А. М. Мы другие. О переименовании Крымской научной библиотеки им. И. Я. Франко. URL: <https://regnum.ru/article/3619008>
9. На Украине заявили об уничтожении 11 млн книг на русском языке. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2746243/?ysclid=ls1yvgxdx172790125>
10. Националистическая литература в детской библиотеке Волновахи. [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/be17cbbe541684988c0225ce8e07d112/?ysclid=ls1vph6ngc23350228>
11. Пожар в одесском Доме профсоюзов. [Электронный ресурс]. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
12. Полный текст обращения Владимира Путина о начале спецоперации в Донбассе. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/233848>
13. Потсдамская конференция. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wik/>
14. Скрываю Достоевского у себя дома. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/3755728?ysclid=ls1wsjks8l70742306>
15. У черкаський обласній бібліотеці прибрали з полиць усі російські книги. [Электронный ресурс]. URL: <https://ildana.tv/post/u-cherkaskiy-oblasniy-biblioteci-pribrali-z-polic-usi-rosiy>
16. Фарион проводит украинизацию в детском саду. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=51OBHZMLMyQ>
17. Ялтинская конференция. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

*

Поступила в редакцию 11.10.2023

ЭБС В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА КУЛЬТУРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

УДК 378.016 +26.066

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-138-150>

Н. И. Гендина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: cmik@mgik.org

Е. В. Косолапова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: cmik@mgik.org

Аннотация: Приводятся результаты исследования «Потенциал электронных библиотечных систем для вуза культуры». Объектами исследования являются ЭБС «Юрайт», «Лань», «Рукопт», «Университетская библиотека онлайн», «IPR Smart». Цель исследования – выявление преимуществ и ограничений ЭБС, используемых в учебном процессе МГИК, с учетом направлений и профилей подготовки кадров культуры. В ходе междисциплинарного исследования проанализировано наличие профильных учебных изданий по 691 учебной дисциплине. В экспертной оценке ЭБС приняли участие 192 преподавателя МГИК. В основе проведения междисциплинарного исследования лежит единая методика сбора и обработки данных. Для каждого факультета и каждой кафедры МГИК выявлены наиболее продуктивные ЭБС, обеспечивающие наибольшее количество релевантных изданий. Определен перечень из 58-ми учебных дисциплин, преподаваемых в МГИК, по которым ни в одной из пяти ЭБС не представлена учебная литература. Результаты исследования могут применяться для совершенствования системы планирования и повышения качества учебно-методической деятельности преподавателей МГИК, а также – для совершенствования организации научно-исследовательской работы и проведения межкафедральных и общеузовских междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: Московский государственный институт культуры, электронные библиотечные системы, электронная информационно-образовательная среда, подготовка кадров, ЭБС «Лань», ЭБС «Рукопт», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ЭБС «Юрайт», ЭБС «IPR Smart».

ГЕНДИНА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор центра междисциплинарных исследований культуры, Московский государственный институт культуры

КОСОЛАПОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат педагогических наук, заместитель директора центра междисциплинарных исследований культуры, Московский государственный институт культуры

GENDINA NATALYA IVANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Science of Russian Federation, Director of Center for Interdisciplinary Cultural Research, Moscow State Institute of Culture

KOSOLAPOVA ELENA VITALIEVNA – CSc in Pedagogy, deputy director of Center for Interdisciplinary Cultural Research, Moscow State Institute of Culture

© Гендина Н. И., Косолапова Е. В., 2023

Для цитирования: Гендина Н. И., Косолапова Е. В. ЭБС в структуре современной цифровой образовательной среды вуза культуры: результаты сравнительного анализа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 138–150. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-138-150>

ELECTRONIC LIBRARY SYSTEMS IN THE MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A CULTURAL UNIVERSITY: RESULTS OF A COMPARATIVE ANALYSIS

Natalya I. Gendina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: cmik@mgik.org

Elena V. Kosolapova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: cmik@mgik.org

Abstract: The results of the study “The potential of electronic library systems for a university of culture” are presented. The objects of the study are the electronic library systems “Urayt”, “Lan”, “Rukont”, “Universitetskaya biblioteka online”, “IPR Smart”. The aim of the research is to identify the advantages and limitations of electronic library systems used in the educational process of the Moscow State Institute of Culture, considering the directions and profiles of cultural personnel training. During the interdisciplinary research, the availability of specialized educational publications in 691 academic disciplines was analyzed. 192 teachers from the Moscow State Institute of Culture took part in the expert assessment of Electronic Library Systems. The basis for interdisciplinary research is a unified methodology for collecting and processing data. For each faculty and each department of the Moscow State Institute of Culture the most productive Electronic Library systems providing the largest number of relevant publications have been identified. A list of 58 academic disciplines taught at the Moscow State Institute of Culture has been determined, for which educational literature is not presented in any of the five Electronic Library Systems. The results of the research can be used to improve the planning system and improve the quality of educational and methodological activities of teachers of the Moscow State Institute of Culture, as well as to improve the organization of research work and conduct interdepartmental and university-wide interdisciplinary research.

Keywords: Moscow State Institute of Culture, electronic library systems, electronic information and educational environment, personnel training, ELS “Lan”, ELS “Rukont”, ELS “Universitetskaya biblioteka online”, ELS “Urayt”, ELS “IPR Smart”.

For citation: Gendina N. I., Kosolapova E. V. Electronic library systems in the modern educational environment of a cultural university: results of a comparative analysis. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 138–150. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-138-150>

Актуальность и социальная значимость темы исследования

Современная система образования стремительно меняется под воздействием информационно-коммуникационных технологий и цифровой трансформации об-

щества. Цифровизация образовательной, научно-исследовательской и творческой деятельности вузов культуры требует дальнейшего развития электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС). Существование современной высшей школы невозможно

без развития ЭИОС, неотъемлемой частью которой являются электронные библиотечные системы (ЭБС). Электронные библиотечные системы являются обязательным элементом обеспечения образовательного процесса вуза учебной, учебно-методической и иной литературой в электронном виде. Сервисные возможности ЭБС позволяют современным пользователям работать автономно в любой точке, где есть доступ к сети Интернет, с условием регистрации в стенах вуза. Социальная значимость ЭБС определяется тем, что они предоставляют обучаемым возможность удаленного доступа к образовательным ресурсам и служат основой информационного обеспечения системы дистанционного образования (СДО), поскольку без ЭБС невозможно развитие СДО.

В 2023 году центром междисциплинарных исследований культуры МГИК было проведено общевузовское междисциплинарное исследование потенциала пяти ЭБС, используемых в вузе. Объектами исследования выступили ЭБС «Юрайт», «Лань», «Рукопт», «Университетская библиотека онлайн», «IPR Smart». Основные характеристики этих ЭБС приведены в табл. 1.

Следует отметить, что выявление приведенных в таблице 1. важнейших параметров ЭБС (объем фонда, хронологический охват, год создания ЭБС и т. д.) является весьма

непростой задачей для обычного пользователя. В явном виде они не всегда представлены на главной странице ЭБС. Чтобы найти нужные сведения, нам потребовалось обратиться к договорам с ЭБС и к личному кабинету библиотекаря МГИК, отвечающего за работу с ЭБС. Как следует из таблицы 1, ЭБС не всегда указывают общий объем фонда (ЭБС «Рукопт»); значительно отличаются хронологическим охватом: от текущего года (ЭБС «Юрайт») до включения дореволюционных изданий (ЭБС «Лань», «Рукопт»); с разной степенью полноты характеризуют имеющийся у них фонд в разрезе видов изданий.

Цель исследования – выявление преимуществ и ограничений ЭБС, используемых в учебном процессе МГИК, с учетом направлений и профилей подготовки кадров культуры.

Задачи исследования:

1. Определить (для каждой кафедры, для каждого факультета), какие из пяти ЭБС содержат наибольшее количество релевантных изданий (по профилю вуза).
2. Выявить учебные дисциплины, по которым в ЭБС «Юрайт», «Лань», «Рукопт», «Университетская библиотека онлайн», «IPR Smart» отсутствуют учебные издания по профилю вуза.

№	ЭБС	Характеристики			
		Год создания ЭБС	Общий объем фонда	Хронологический охват	Виды изданий с указанием объема
1.	«Юрайт»	2017	10 734	2022–2023 гг.	Книги, видео
2.	«Лань»	2011	71 767	2004–2023 гг., имеются дореволюционные издания	Учебные, научные, справочные, художественные, нотные издания, журналы
3.	«Рукопт»	2011	1 444 (доступно МГИК по подписке)	Не обозначен; имеются дореволюционные издания	Книги, журналы
4.	«Университетская библиотека онлайн»	2006	130 500	2004–2023	Книги, журналы
5.	«IPR Smart»	2021–2022	172 505	2004–2023	Книги, журналы, аудио, видео

Таблица 1. Основные характеристики ЭБС как объектов междисциплинарного исследования

3. Оценить функциональность пяти ЭБС в сфере поиска информации.

База исследования. Исследование проводилось на базе шести факультетов (государственной культурной политики, библиотечно-информационного, медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств, театрално-режиссерского, хореографического, музыкального искусства) и 32 кафедр МГИК. В нем приняли участие 192 преподавателя. Оценке подлежала обеспеченность в ЭБС 691 учебной дисциплины по 49 направлениям подготовки кадров культуры, которая осуществляется во МГИК.

Этапы и методы исследования. Исследование проводилось в 2023 году и включало 3 этапа:

1. Изучение нормативно-правовой основы создания и внедрения в учебный процесс вуза ЭБС, а также анализ документального потока публикаций по проблемам развития ЭБС и ЭИОС. Метод анализа публикаций на данном этапе использовался совместно с методом терминологического анализа, позволившего уточнить понятийно-терминологический аппарат исследования.
2. Экспертный анализ обеспеченности учебными изданиями важнейших дисциплин профессиональной подготовки студентов на всех факультетах МГИК в каждой из пяти ЭБС. Наряду с экспертной оценкой в ходе исследования использовался метод статистического анализа данных библиотеки, отражающих фактические сведения об использовании в учебном процессе МГИК каждой из анализируемых ЭБС.
3. Исследование функциональных возможностей каждой ЭБС в сфере поиска информации. Оно было основано на методе анализа показателей релевантности выдачи информации в ЭБС.

Характеристика первых двух этапов приводится ниже, анализу результатов третьего этапа исследования посвящается отдельная статья.

Результаты изучения нормативно-правовой основы создания и внедрения в учебный процесс вуза ЭБС, а также анализ документального потока публикаций по проблемам развития ЭБС и ЭИОС

Выявлению преимуществ и ограничений ЭБС, используемых в учебном процессе МГИК, предшествовал анализ потока публикаций, посвященных ЭБС и ЭИОС за период с 2008 года по 2023 год. Прежде всего изучению подлежала нормативно-правовая база, на основе которой в вузах России реализуется внедрение ЭБС и развитие ЭИОС.

В таблице 2 в хронологической последовательности перечислены основные нормативно-правовые документы, согласно которым использование ЭБС и ЭИОС является для вузов обязательным и нормативно закрепленным.

Приведенные в таблице 2 данные свидетельствуют о том, что наличие ЭБС и ЭИОС в вузе – одно из основных требований Министерства науки и высшего образования РФ. Оно закреплено в ФЗ № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ФГОС ВО, а также зафиксировано в документах, регламентирующих проведение государственной аккредитации вуза в целях контроля качества образования. Несмотря на то, что ряд документов, включенных в данную таблицу, утратил силу, в целом приведенные в ней данные свидетельствуют о том, что на уровне федеральной нормативной базы закрепляется роль ЭБС как важнейшего компонента ЭИОС любого вуза.

На основании анализа нормативно-правовых документов можно выделить следующие основные вехи развития ЭБС и ЭИОС:

- 2008 г. Термин «ЭБС» вводится в нормативные документы. Доступ к ЭБС – обязательно условие для получения государственной аккредитации вуза.
- 2009–2014 гг. Период активного выбора вузами ЭБС.

Год	Документ
2008	Приказ Минобразования РФ от 11 апреля 2001 г. N 1623 «Об утверждении минимальных нормативов обеспеченности высших учебных заведений учебной базой в части, касающейся библиотечно-информационных ресурсов».
2008	Приказ Министерства образования и науки РФ от 23.04.2008 № 133 «О внесении изменений в минимальные нормативы обеспеченности высших учебных заведений учебной базой в части, касающейся и библиотечно-информационных ресурсов». <i>Утратил силу.</i>
2008	Приказ Рособрнадзора от 25.04.2008, № 885 «О внесении изменений в Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 30 сентября 2005 г., № 1938 «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведений». <i>Утратил силу.</i>
2009	Письмо Рособразования от 24.12.2009 N 2602/12–16 «Поручение Президента Российской Федерации от 31 октября 2009 г. N Пр-2920».
2010	Приказ Минобрнауки РФ от 07.06.2010 г. № 588 «О внесении изменений в форму справки о наличии учебной, учебно-методической литературы и иных библиотечно-информационных ресурсов и средств обеспечения образовательного процесса, необходимых для реализации заявленных к лицензированию образовательных программ» (Раздел 4 Приказа). <i>Утратил силу.</i>
2011	Приказ Рособрнадзора от 05.09.2011 № 1953 «Об утверждении лицензионных нормативов к наличию у лицензиата учебной, учебно-методической литературы и иных библиотечно-информационных ресурсов и средств обеспечения образовательного процесса». <i>Утратил силу в связи с изданием приказа Рособрнадзора от 09.09.2014 N 1455.</i>
2012	ФЗ № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
	Статья 16. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.
	Статья 18. Печатные и электронные образовательные и информационные ресурсы. Статья 29. Информационная открытость образовательной организации.
2014	Письмо Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2014 г. № АК-2612/05 «О федеральных государственных образовательных стандартах».
2015	Приказ Росстата от 15.12.2015 N 635 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством образования и науки Российской Федерации федерального статистического наблюдения за деятельностью образовательных организаций». <i>Утратил силу.</i>
2017	ФГОС ВО 3++
2020	Приказ Рособрнадзора от 14.08.2020 № 831 «Об утверждении Требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и формату представления информации».
2021	Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25.11.2021 № 1094. «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования».

Таблица 2. Нормативно-правовые документы, регламентирующие использование ЭИОС и ЭБС в вузах

- 2015 г. Введение ЭБС в состав статистического инструментария Росстата.
 - 2014–2015 гг. Наличие ЭБС как обязательное требование ФГОС ВО 3+.
 - 2016–2017 гг. Вытеснение термина «ЭБС» в ФГОС ВО 3++, замена его на «профессиональные БД» и «информационно-справочные системы» (компоненты ЭБС).
 - 2021 г. Включение ЭИОС в состав аккредитационных показателей вуза.
- Анализ нормативно-правовой базы показывает, что в 2016–2017 гг. совершается вытеснение термина «ЭБС» и замена его другими терминами. В образовательных стандартах 2016–2017 гг. поколения 3++, учитывающих профессиональные стандарты, требование наличия ЭБС смени-

лось на требование обеспечения доступа к профессиональным базам данным и информационным справочным системам. Так, в ФГОС ВО 3++ происходит его замена на термины «профессиональные БД» и «информационно справочные системы». Но любая ЭБС, согласно ГОСТ Р 57723–2017 «Системы электронно-библиотечные» [10], изначально именно так и понималась – как «автоматизированная информационная система, базы данных которой содержат организованную коллекцию электронных документов». Таким образом, ЭБС становятся электронными библиотеками (ЭБ), которые отличаются от иных БД тем, что подавляющая часть контента в них представлена учебной литературой. Комплекс электронных ресурсов вуза составляет ЭБС, только если они образуют единую систему управления. ЭБС становится обязательной частью электронной информационно-образовательной среды вуза (ЭИОС).

С 2021 года ЭИОС входит в состав аккредитационных показателей вуза. Наличие ЭИОС служит основой для получения вузом дополнительных возможностей, гарантируемых государством. В соответствии с законодательством РФ государственная аккредитация дополнительно предоставляет для образовательных организаций следующие возможности:

- получение бюджетных средств на реализацию образовательных программ;
- проведение государственной итоговой аттестации выпускников и выдача им документа об образовании и (или) о квалификации по образцу, установленному Министерством образования и науки Российской Федерации;
- предоставление обучающимся права на отсрочку от призыва на военную службу.

Наряду с анализом нормативно-правовых документов был проведен анализ потока научных публикаций, отражающих опыт развития ЭБС и ЭИОС в России в период с 2008 года (год введения в научный

оборот термина «ЭБС») по 2023 год. В основном вузы России вели активный поиск, отбор и тестирование наиболее подходящих для них ЭБС в 2010–2014 гг. Основная часть публикаций носит эмпирический характер и отражает опыт отдельных вузов по выбору и внедрению в учебный процесс ЭБС [3; 4; 8; 14; 26; 27; 31; 33]. Среди профессиональных периодических изданий регулярное освещение проблем внедрения ЭБС ведет журнал «Университетская книга» [18; 19; 22, 23, 24; 28, 34].

Позиции разработчиков и владельцев ЭБС отражают работы К. Н. Костюка [19], П. Ю. Каллиникова [17], А. Н. Нестеровой [22, 23].

Позицию библиотечного сообщества вузов культуры отражают публикации, освещающие опыт использования ЭБС в Кемеровском [5; 12; 29], Челябинском [2; 6; 7; 20], Чувашском [15; 16] институтах культуры.

Отдельную группу образуют работы, посвященные сравнительному анализу наиболее популярных ЭБС («КнигаФонд», «IPRbooks», «IQLibrary», «БиблиоТех», «Синергия», «Юрайт», «Лань», «Рукопт», «Университетская библиотека онлайн», «IPR Smart», «Консультант студента»), выявлению их достоинств и недостатков [12; 13; 29; 32].

Исследование дало возможность определить отличия ЭБС от других видов электронных библиотек. К их числу относятся:

- направленность на обучение, удовлетворение информационных потребностей студентов и преподавателей;
- регламентация деятельности ФЗ «Об образовании» и ФГОС ВО и СПО;
- доминирование различных видов учебных изданий;
- наличие дополнительных сервисов, предназначенных для использования в образовательном процессе.

Анализ и обобщение накопленного вузами опыта использования ЭБС позволяет выделить их основные достоинства:

- удаленный доступ к образовательным информационным ресурсам;

- неанонимность – все электронные документы в ЭБС имеют конкретного автора (ов);
- легитимность – все электронные документы в ЭБС соответствуют требованиям законодательства в области авторского права;
- структурированность – все электронные документы упорядочены по одному или нескольким признакам (по теме, укрупненной группе специальностей, по автору, дисциплине и др.);
- постоянство (долговременность хранения);
- оперативная и полная индексация, возможность полнотекстового поиска по всему информационному массиву;
- обеспечение соблюдения нормативных требований ФГОС ВО.

Эти преимущества ЭБС особенно ценны в условиях активного обращения обучаемых к интернет-среде, для которой характерны такие недостатки, как

- избыточность и фрагментарность информации;
- подмена научных данных дезинформацией;
- затруднительность верификации сведений.

К проблемам, снижающим эффективность использования ЭБС в вузах, авторы публикаций единодушно относят отсутствие готовности студентов и преподавателей использовать ресурсы ЭБС в образовательных и научных процессах [25], пассивность со сторон преподавателей и отсутствие их рекомендаций для студентов по использованию учебных изданий, представленных в ЭБС [1; 11; 32]. Повышения эффективности использования электронных образовательных ресурсов, по мнению специалистов, можно достичь только при взаимодействии сотрудников вузовской библиотеки и преподавателей вуза и организации обучения пользователей – как студентов, так и преподавателей [30; 32].

В 2015 году ведущие ЭБС объединились в Ассоциацию производителей потребителей образовательных электронных ресурсов (АППОЭР).

В 2020 году по инициативе ЭБС «Лань» и при поддержке нескольких вузов появились сетевые электронные библиотеки (СЭБ), которые позже влились в объединенный Консорциум сетевых электронных библиотек, состоящий из шести тематических направлений по профилю вузов-участников: классические университеты, медицинские, технические, педагогические, аграрные вузы, вузы культуры и искусств. Фонд СЭБ – это учебная и научная литература, изданная вузами-участниками для совместного бесплатного использования [15].

«Сетевая электронная библиотека вузов культуры и искусств» располагает фондом учебной и научной литературы, изданной вузами-участниками, который служит для совместного бесплатного использования. Доступ к фондам Сетевой электронной библиотеки осуществляется через сайт ЭБС «Лань» [15; 16]. В состав этой сетевой библиотеки на первое марта 2023 года входит 43 участника, включая консерватории, вузы культуры, в том числе, кроме российских вузов культуры и искусств, вошел, например, и Белорусский государственный университет культуры и искусств.

Одной из ключевых технологических проблем для всех ЭБС продолжает оставаться вопрос консолидации ресурсов и единой точки входа. По данным исследования «ЭБС в библиотеках: как это работает на практике», проведенного журналом «Университетская книга» в ноябре 2018 года, от 32% до 46% респондентов испытывают проблемы с единой точкой входа, инструментами унифицированной статистической отчетности и интеграцией с собственными электронными библиотеками. До сих пор отдельный вход для каждой ЭБС существует у 73% респондентов [21].

Таким образом, анализ документального потока по ЭБС с 2018 по 2023 года позволил

- выявить нормативно-правовые документы, регламентирующие использование ЭБС в вузе;

№ п. п.	Факультет	Приоритетная ЭБС
1.	Факультет музыкального искусства	«Лань» (166 дисциплин), «Рукопт» (156 дисциплин), «Университетская библиотека онлайн» (140 дисциплин), «Юрайт» (111 дисциплин), «IPR Smart» (28 дисциплин)
2.	Театрально-режиссерский факультет	«Лань» (80 дисциплин), «Рукопт» (60 дисциплин) и «Юрайт» (45 дисциплин)
3.	Факультет медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств	«Лань» (39 дисциплин), «Юрайт» (33 дисциплин), «Университетская библиотека онлайн» (21 дисциплин), «IPR Smart» (17 дисциплин), «Рукопт» (15 дисциплин)
4.	Хореографический факультет	«Рукопт» (39 дисциплин)
	Факультет государственной культурной политики	«Юрайт» (60 дисциплин), «Рукопт» (27 дисциплин), «IPR Smart» (23 дисциплин), «Лань» (12 дисциплин), «Университетская библиотека онлайн» (9 дисциплин)
5.	Библиотечно-информационный факультет	«Лань» (45 дисциплин), «Рукопт» (42 дисциплин), «Юрайт» (38 дисциплин), «IPR Smart» (37 дисциплин), «Университетская библиотека онлайн» (31 дисциплин)

Таблица 3. Приоритетные ЭБС по факультетам

- установить вытеснение и замену термина «ЭБС» терминами «ЭИОС», «профессиональные базы данных», «информационно-справочные системы», «электронная библиотека»;
- изучить опыт вузов по выбору ЭБС;
- определить достоинства и недостатки ЭБС как подвида электронных библиотек;
- установить, что отсутствие технологических решений по консолидации электронных образовательных ресурсов («бесшовной» интеграции различных ЭБС, интеграции электронной библиотеки вуза с ЭБС) негативно влияет на обеспечение удобства для пользователей и, как следствие, снижает востребованность электронных образовательных ресурсов.

Результаты экспертной оценки ЭБС по обеспеченности учебными изданиями важнейших дисциплин профессиональной подготовки студентов на факультетах МГИК

Для обеспечения совместимости данных, полученных в ходе исследования на 6 факультетах и 32 кафедрах вуза, в центре междисциплинарных исследований культуры МГИК были разработаны методики анализа ЭБС для преподавателей, заведующих кафедрами и деканов. Эти методики явились единой основой для проведения экспертизы ЭБС. Перед преподавателями была поставлена задача выявить наличие или отсутствие в ЭБС учебных изданий по учебным дисциплинам. Педагогами был проведен экспертный анализ обеспеченности учебными изданиями важнейших дисциплин профессиональной подготовки студентов МГИК в каждой из пяти

ЭБС	Количество учебных дисциплин
«Лань»	342
«Рукопт»	305
«Юрайт»	287
«Университетская библиотека онлайн»	201
«IPR Smart»	105

Таблица 4. Ранжированный ряд ЭБС в зависимости количества учебных дисциплин в МГИК, по которым имеются учебные издания

Наименование факультета	Учебные дисциплины, по которым во всех ЭБС отсутствуют издания
Факультет государственной культурной политики	«Продюсирование и постановка эстрадно-концертных программ» «Инновационный опыт профессиональной деятельности в сфере культуры» «Социально-культурная инноватика» «Регионоведение» «Фольклористика» «Этнокультурология»
Библиотечно-информационный факультет	«Материально-техническая база библиотек» «Социальное партнерство с участием библиотеки» «Материально-техническая база информационно-аналитической деятельности» «Презентация аналитических данных» «Информационно-аналитическое обеспечение политики» «Региональные информационно-аналитические исследования» «Библиотечная работа с детьми и молодежью»
Хореографический факультет	«Партнеринг» «Методика преподавания Контемпорари» «Пальцевая техника»
Факультет медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств	«История фотографии» «Сценический костюм» «Кинорежиссура» «Мастерство режиссера анимационных фильмов» «Техника и технология анимационного производства» «Продюсерство мультимедиа» «Создание художественного текста» «История рекламы и PR» «Правовое регулирование рекламной деятельности» «Организация работы структур по рекламе» «Организация работы структур по связям с общественностью»
Факультет музыкального искусства	«Инструментовка для духового ансамбля» «Инструментовка для камерного ансамбля» «История духового исполнительского искусства» «Инструментовка и аранжировка для духовых оркестров и ансамблей»
Театрально-режиссерский факультет	«Звуковое оборудование» «Звукорежиссура массовых праздников» «Создание мультимедийных проектов» «Оформление звукорежиссерских проектов» «Звукорежиссура театральных постановок» «Цифровые аудиотехнологии» «Звукорежиссура экранных искусств» «Звуковой дизайн» «Теория и практика звукового монтажа» «Основы саундпродюсирования» «Звукозапись в студии» «Спецэффекты в режиссуре театрализованных представлений» «Современные шоу-проекты на ТВ и интернет порталах» «Специфика работы актера в кино и на телевидении (работа актера перед камерой)» «Работа актера в театре кукол»

Таблица 5. Учебные дисциплины, по которым в ЭБС отсутствуют учебные издания: данные факультетов МГИК

ЭБС. В результате каждый факультет получил четкое представление о том, сколько дисциплин «закрывает» каждая из пяти ЭБС.

Экспертный анализ количества учебных изданий по дисциплинам всех направлений

подготовки, осуществляемых в МГИК, позволил выявить ЭБС, приоритетные для каждого факультета (см. табл. 3).

Полученные данные позволили ранжировать ЭБС в зависимости от количества учеб-

ных дисциплин в МГИК, по которым в них имеются учебные издания (табл. 4).

Проделанная педагогами шести факультетов вуза аналитическая работа позволила также выявить те учебные дисциплины, по которым ни в одной из анализируемых ЭБС нет учебных изданий (см. табл. 5).

Подчеркнем, что эти данные оказались очень востребованы разработчиками ЭБС при обсуждении результатов исследования, поскольку они позволяют уточнить пробелы в фондах ЭБС относительно потребностей вузов культуры.

Наряду с выявлением учебных дисциплин, по которым в ЭБС полностью отсутствуют учебные издания, экспертный анализ позволил установить нарушение критерия ценностного отбора учебных изданий: отсутствие в ЭБС учебников и учебных пособий ведущих авторов. Формально ряд дисциплин обеспечен учебными изданиями. Однако в результате экспертной оценки установлено, что при этом отсутствуют наиболее значимые учебные издания, созданные выдающимися учеными и специалистами. Это касается как цикла дисциплин, так и отдельных учебных предметов. Например, ни в одной из анализируемых ЭБС не представлена серия учебников «Бакалавр библиотечно-информационной деятельности» (издательство «Профессия», Санкт-Петербург). Эта серия включает 12 учебников, авторами которых являются выдающиеся отечественные ученые и специалисты. Иллюстрацией отсутствия учебников ведущих авторов по отдельным дисциплинам может служить учебный курс «Документоведение». Так, например, по этой дисциплине в каждой из пяти ЭБС представлены многочисленные учебные издания компилятивного характера, чаще всего «малых жанров» (методические указания, планы семинарских занятий и т. п.), в то время как оригинальные учебники отсутствуют. Мы имеем в виду основоположников теории документоведения и документологии, таких специалистов, как Г. Ф. Гордукалова, Г. В. Михеева, Н. Н. Кушнаренко, Ю. Н. Столяров, Г. Н. Швецова-Водка.

Заключение

Формирование электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) в вузах России является общесистемным требованием и необходимым условием повышения качества и эффективности организации образовательного процесса при реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. В соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации одним из обязательных элементов обеспечения процедуры государственной аккредитации образовательной деятельности является наличие ЭИОС. Неотъемлемой частью ЭИОС являются ЭБС. Преподавателям они позволяют обеспечить учебный процесс современными актуальными источниками информации, облегчают и упрощают поиск информации, дают возможность соблюсти нормативные требования ФГОС, строить процесс обучения на электронных версиях книг, которые появляются раньше, чем выходят из печати их бумажные версии. Для студентов ЭБС – это обеспечение удаленного доступа к учебной и научной литературе, возможность готовиться к занятиям вне стен вуза, из дома, из любого места, где есть выход в Интернет.

В ходе проведенного исследования «Потенциал электронных библиотечных систем для вуза культуры» были получены следующие результаты:

- прослежена динамика изменений нормативно-правовой базы, регламентирующей использование ЭБС и ЭИОС в вузах;
- выявлены отличия ЭБС от других видов электронных библиотек: направленность на обучение, неразрывная связь с ФГОС ВО и СПО, доминирование различных видов учебных изданий, наличие дополнительных образовательных сервисов;
- установлено вытеснение термина «ЭБС» терминами «ЭИОС», «профессиональные базы данных», «информационно-справочные системы», «электронная библиотека»;

- выявлено наличие сетевой электронной библиотеки вузов культуры и искусств в составе Консорциума сетевых электронных библиотек;
- установлено отсутствие технологических решений по «бесшовной» интеграции ЭБС с собственными электронными библиотеками: лишь незначительная доля вузов, использующих ЭБС (27%), решила проблему обеспечения единой точки входа;
- для каждого факультета МГИК выявлены наиболее продуктивные ЭБС;
- определен перечень из 58-ми учебных дисциплин, преподаваемых в МГИК, по которым ни в одной из пяти ЭБС не представлена учебная литература;
- определена роль ЭБС как важного компонента модульной структуры ЭИОС вуза и необходимость модернизации ЭИОС МГИК на основе междисциплинарных научных исследований.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Требуется воссоздать недостающие звенья в системе информационного обеспечения ряда учебных дисциплин МГИК, устранить пробелы в учебно-методическом обеспечении 58-ми учебных дисциплин по профилю подготовки кадров в вузе культуры, по которым ни в одной из анализируемых ЭБС нет учебных изданий.
2. Полученные в ходе междисциплинарного исследования результаты могут быть использованы в двух направлениях:
 - 1) Для совершенствования системы планирования и повышения качества учебно-

методической деятельности преподавателей МГИК.

Во-первых, полученные данные об обеспеченности в ЭБС конкретных учебных дисциплин позволяют реализовать дифференцированный подход при планировании создания учебных и учебно-методических пособий на общенаучных и выпускающих кафедрах. Если для общенаучных кафедр обеспеченность учебных дисциплин в ЭБС достаточно высокая и есть возможность большого выбора из уже существующих учебных изданий, то для выпускающих кафедр чаще всего стоит задача самостоятельной разработки новых учебных пособий по профилю подготовки кадров культуры.

Во-вторых, полученные данные дают возможность устранить пробелы в информационном обеспечении целого ряда дисциплин, по которым ни в одной из пяти ЭБС не было выявлено ни одного учебного издания.

В-третьих, требуется разработать стратегию представления учебных и учебно-методических работ преподавателей МГИК в ЭБС;

2) Для совершенствования научно-исследовательской деятельности МГИК. Полученные данные о полном отсутствии обеспеченности ряда учебных дисциплин по профилям творческого вуза могут быть использованы при планировании научно-исследовательской работы в МГИК. Они могут использоваться для организации межкафедральных, факультетских и общевузовских НИР прикладного характера, поскольку отражают актуальную проблематику, не получившую достаточного освещения в научной и учебной литературе.

Список литературы

1. Бакаева И. А. Роль электронных и информационных ресурсов в образовательном пространстве // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2019. № 1 (23). С. 20–24.
2. Бачурина И. А., Моковая Т. Н. О результатах эксперимента по комплектованию библиотеки вуза культуры средствами ЭБС // Культура – искусство – образование: материалы XXXVIII научно-практической конференции научно-педагогических работников Челябинского государственного института культуры. Челябинск: ЧГИК, 2017. С. 103–106.

3. *Башмакова Е. И.* Воспитательные возможности информационных технологий на примере библиотечных систем // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. доклады и материалы XIV Международной научной конференции: в 2 частях. 2017. С. 274–280.
4. *Билан И. В.* Критерии выбора электронной библиотечной системы для библиотеки вуза, анализ соответствия этим критериям действующих российских ЭБС // Современный пользователь библиотеки вуза: информационная среда, информационное поведение: материалы общероссийской научно-практической конференции (Челябинск, 30–31 марта 2011 г.). Челябинск, 2011. С. 35–48.
5. *Боброва Е. И.* Анализ работы с электронной библиотечной системой "Книгафонд" в вузе культуры и искусств // Библиосфера. 2013. № 2. С. 97–100.
6. *Буцык С. В.* Взаимодействие электронно-библиотечных систем с электронной информационно-образовательной средой вуза культуры и искусств // Библиотечноеведение. 2015. № 5. С. 42–46.
7. *Буцык С. В.* О роли вузов культуры и искусств в создании электронно-библиотечных систем // Библиотечноеведение. 2011. № 4. С. 44–46.
8. *Голубева Е. А., Смагина М. В.* Использование потенциала электронных библиотечных систем в образовательной деятельности вуза // Вестник КемГУК И. 2020. № 50. С. 211–218.
9. ГОСТ 7.0.96-2016 «Электронные библиотеки. Основные виды. Структура. Технология формирования». Москва: Стандартинформ, 2016. 17 с.
10. ГОСТ Р 57723–2017 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Системы электронно-библиотечные». Москва: Стандартинформ, 2018. 16 с.
11. *Гурьянова С. У.* Электронно-библиотечные системы и их роль в деятельности профессорско-преподавательского состава вузов в контексте ФГОС 3+ // Качество. Инновации. Образование. 2015. № 2 (117). С. 9–15.
12. *Демина М. Н.* Сравнительный анализ электронных библиотечных систем и электронных библиотек: проблемы выбора и использования в вузах культуры и искусств // Библиотечное дело – 2012: библиотечно-информационная деятельность в пространстве науки, культуры и образования: материалы XVII международной научной конференции (Москва, 25–26 апреля 2012 г.). Москва, 2012. Ч. 2. С. 32–36.
13. *Ерёмина В. А., Клецова Т. А.* Электронные образовательные ресурсы: дополнительные сервисы и новые возможности для пользователей библиотеки вуза // Библиотека. Культура. Общество. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 70–76.
14. *Иванов Ф. А.* Электронные библиотечные системы в процессе образования будущих инженеров-энергетиков // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого информационного пространства. Сборник трудов III Национальной научно-методической конференции с международным участием. Под ред. И. А. Максимцева, В. Г. Шубаевой, Л. А. Миэринь, 2019. С. 136–144.
15. *Илларионова О. В.* Библиотека Чувашского государственного института культуры и искусств в консорциуме сетевых электронных библиотек // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2021. № 16. С. 61–68.
16. *Илларионова О. В.* Мониторинг использования научных периодических изданий чувашского государственного института культуры и искусств в консорциуме сетевых электронных библиотек // Культурология, искусствоведение и филология: актуальные вопросы. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2022. С. 18–22.
17. *Каллиников П. Ю.* Электронные библиотечные системы и революция медиа // Высшее образование в России. 2014. № 6. С. 107–110.
18. *Каплин Р. Е., Бейлина Е. Н.* ЭБС-2023: тренд на разнообразие форматов и сервисов // Университетская книга. 2023. № 10. С. 34–43.

19. *Костюк К. Н.* ЭБС: есть ли альтернатива? Университетская книга. 2012. № 3. С. 56–59
20. *Моковая Т. Н.* Проблемы использования электронных ресурсов Научной библиотеки Челябинского государственного института культуры // Научные и технические библиотеки. 2017. № 2. С. 92–102.
21. Не только контент: новые ценности ЭБС в вузе // Университетская книга. 2019. № 4. С. 50–55.
22. *Нестерова А. Н.* Статистика использования электронно-библиотечных систем: стоит ли изобретать велосипед? // Университетская книга. 2020. № 6. С. 44–47.
23. *Нестерова А. Н., Разумова И. К.* Открытый доступ и ЭБС: вносим ясность, прогнозируем перспективы // Университетская книга. 2021. № 5. С. 66–71.
24. От разрозненных сервисов к единой информационно-образовательной среде новые вызовы и требования для ЭБС // Университетская книга. 2019. № 4. С. 56–57.
25. *Плеханова С. А., Вострикова И. В., Леоке И. В.* Электронно-библиотечные системы как новая форма организации библиотечного обслуживания в вузе: из опыта работы библиотеки ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского // Проблемы художественно-эстетического образования и воспитания в контексте социокультурных вызовов. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Липецк, 2022. С. 143–147.
26. *Подик И. В.* Мониторинг востребованности электронных библиотечных систем (на примере научной библиотеки ТУВГУ) // Научные труды Тувинского государственного университета. Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ У. 2018. С. 223–227.
27. *Рахматуллаев М. А., Норматов Ш. Б.* Защита научно-образовательных ресурсов в информационно-библиотечных системах // Наука и научная информация. 2019. № 2(2). С. 121–128.
28. Российские ЭБС в современных условиях: построение стратегии развития // Университетская книга. 2022. № 5. С. 33–37.
29. *Савкина С. В.* Сравнительный анализ информационного потенциала электронных библиотечных систем: возможности использования в образовательной и научной деятельности КемГУКИ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 14. С. 68–76.
30. *Соколова И. С.* Электронная библиотечная система издательства «Юрайт»: особенности представления изданий по естественным наукам // Научные и технические библиотеки. 2020. № 6. С. 69–80.
31. *Терещук И. А., Шитова С. А.* Особенности организации электронных библиотечных систем // Ratio et Natura. 2020. № 2 (2). С. 7–15.
32. *Трофимова А. С.* Достоинства и недостатки электронно-библиотечных систем Профессиональная деятельность научной библиотеки и вуза // Библиотечное дело. 2020. № 20(374). С. 31–34.
33. *Ульянова Е. А.* Электронно-библиотечные системы: выбор и оценка эффективности использования // INFOLIB: информационно-библиотечный вестник. 2017. № 4. С. 42–45.
34. ЭБС и цифровые библиотеки: больше чем контент // Университетская книга. 2023. № 5. С. 16–21.

*

Поступила в редакцию 22.11.2023

АНАЛИЗ КНИГОВЕДЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К ЭЛЕКТРОННОМУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ РЕСУРСУ

УДК 009

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-151-159>

Е. В. Динер

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
Вятский государственный университет,
Киров, Российская Федерация,
e-mail: sautinalina@yandex.ru

С. О. Овчинникова

Вятский государственный университет,
Киров, Российская Федерация,
e-mail: ovchinnikovasweta@yandex.ru

Аннотация: В статье отмечена недостаточная разработанность книговедческих аспектов электронной учебной литературы, которая рекомендуется в настоящее время в качестве основной для применения в общеобразовательном процессе. На основе требований, содержащихся в нормативных актах, государственных стандартах, научной литературе авторы делают анализ книговедческих характеристик электронных образовательных ресурсов, которые необходимо считать базовыми в процессе экспертных мероприятий, производимых по отношению к этим ресурсам государственными органами. Анализ осуществляется на основе положения о составляющих системы книги как типа документа. Делается вывод о том, что с целью разработки качественного электронного учебного продукта требования, предъявляемые к электронным образовательным ресурсам государственными органами, необходимо дополнить книговедческими требованиями, традиционно предъявляемыми к учебной литературе. Это будет способствовать упорядочению дидактико-педагогических, книговедческих свойств электронных образовательных ресурсов, выявлению принципов анализа их методолого-теоретических аспектов.

ДИНЕР ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры; профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, Вятский государственный университет

ОВЧИННИКОВА СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА – аспирант кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, Вятский государственный университет

DINER ELENA VASILIEVNA – DSc in Pedagogy, Associate Professor, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture; Professor at the Department of Journalism and Integrated Communications, Vyatka State University

OVCHINNIKOVA SVETLANA OLEGOVNA – Postgraduate at the Department of Journalism and Integrated Communications, Vyatka State University

© Динер Е. В., Овчинникова С. О., 2023

Ключевые слова: учебная книга, электронное учебное издание, электронный образовательный ресурс, сравнительный анализ требований к учебной электронной книге, методолого-теоретические аспекты электронных образовательных ресурсов.

Для цитирования: Динер Е. В., Овчинникова С. О. Анализ книговедческих требований к электронному образовательному ресурсу // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 151–159. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-151-159>

ANALYSIS OF BOOK STUDIES REQUIREMENTS FOR ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCE

Elena V. Diner

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation,
e-mail: sautinalina@yandex.ru

Svetlana O. Ovchinnikova

Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation,
e-mail: ovchinnikovasweta@yandex.ru

Abstract: The article notes the insufficient development of bibliological aspects of electronic educational literature, which is currently recommended as the main one for use in the general educational process. Based on the requirements contained in regulations, state standards, and scientific literature, the authors analyze the book characteristics of electronic educational resources, which must be considered basic in the process of expert activities carried out in relation to these resources by government agencies. The analysis is carried out on the basis of the provisions on the components of the book system as a type of document. The conclusion is drawn that in order to develop a high-quality electronic educational product, the requirements for electronic educational resources by government agencies must be supplemented with the bibliological requirements traditionally imposed on educational literature. This will help streamline the didactic-pedagogical and bibliographic properties of electronic educational resources, and identify the principles for analyzing their methodological and theoretical aspects.

Keywords: educational book, electronic educational publication, electronic educational resource, comparative analysis of requirements for an educational electronic book, methodological and theoretical aspects of electronic educational resources.

For citation: Diner E. V., Ovchinnikova S. O. Analysis of book studies requirements for electronic educational resource. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 151–159. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-151-159>

Проблема качества электронной учебной книги в настоящее время становится одной из самых актуальных для книговедения. Образовательный процесс любого уровня сейчас невозможно представить без применения IT-технологий, использование которых обусловлено тенденциями развития информационного общества, требованиями Федеральных

государственных стандартов, необходимостью внедрения педагогических инноваций. Поэтому соответствие электронной учебной литературы книговедческим стандартам, обеспечивающим реализацию главных дидактико-педагогических принципов, активизацию самостоятельной деятельности обучающихся, становится одним из важных факторов эффективности обучения.

Если учесть, что электронные учебные материалы принципиально отличаются от традиционных степенью возможности моделирования исследуемых объектов, процессов и явлений, интерактивности, визуализации учебной информации, «автоматизации процессов вычислительной, информационно-поисковой деятельности» [9], решение этой проблемы требует рассмотрения методолого-теоретических, институциональных и практических аспектов. Между тем в настоящее время активно изучаются и разрабатываются практический и институциональный уровни, а исследованию методолого-теоретических вопросов учебной электронной книги уделяется недостаточное внимание.

Недостаточная разработанность этих аспектов обусловила распространение в научной, учебной, учебно-методической литературе терминов, синонимичных друг другу, но затрудняющих реализацию книговедческих и педагогических требований к электронному формату учебной литературы. В терминологическом поле для её обозначения чаще всего используются такие понятия, как «учебное электронное издание», «электронный образовательный ресурс» (ЭОР).

Результаты теоретического анализа государственных стандартов, научной литературы, нормативных актов дали возможность установить, что в определении термина «учебное электронное издание» главные требования, предъявляемые к учебной книге, в целом отмечены. Это систематизированность, доступность материала, соответствие учебного контента образовательному процессу и психофизиологическим особенностям обучающихся [4; 12]. Вместе с тем дефиниция этого понятия всё же требует уточнения в плане соответствия учебного материала современному уровню развития науки и технологий, фундаментальному знанию, образовательным стандартам [12]. В дефиниции следует также отразить свойства гипертекстовости и интерактивности, диктуемые спецификой современного образовательного процесса.

Однако больше всего вопросов вызывает термин «электронный образовательный ресурс», который в научной и нормативной литературе пока не имеет точного определения. Поэтому неясно, каково его соотношение с учебной книгой в целом, учебным электронным изданием в частности, насколько такой ресурс должен соответствовать книговедческим, дидактико-педагогическим требованиям, предъявляемым к учебной литературе, а также – современным образовательным стандартам.

В ГОСТе 53620–2009 «Электронные образовательные ресурсы» со ссылкой на ГОСТ Р 52653–2006 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения» дана следующая дефиниция понятия «электронный образовательный ресурс»: это «образовательный ресурс, представленный в электронно-цифровой форме и включающий в себя структуру, предметное содержание и метаданные о них»; в учебном процессе он является «основополагающим компонентом информационно-образовательной среды, ориентированным на реализацию образовательного процесса с помощью информационно-коммуникационных технологий и на применение новых методов и форм обучения: электронное обучение, мобильное обучение, сетевое обучение, автономное обучение, смешанное обучение, совместное обучение» [2; 3]. В определении отмечена необходимость таких ресурсов быть ориентированными на современный образовательный процесс и новые методы обучения, но другие требования, соответствующие учебной книге, в нём не отражены.

Более того, в научных источниках весьма противоречиво определена роль электронных образовательных ресурсов в учебном процессе. Так, Е. В. Якушина, старший научный сотрудник лаборатории медиаобразования Института содержания и методов обучения РАО, пишет, что ЭОР – это лишь инструмент для получения новой информации «в основном в процессе самостоятельной работы с инфор-

мационными ресурсами: Интернетом, словарями, энциклопедиями и т. д.» [15]. Вместе с тем, излагая требования к электронным образовательным ресурсам, она подчёркивает: они «должны формировать систематические прочные и осмысленные научные знания, умение работать с информацией, создавать собственную систему восприятия и критического мышления, аналитическое отношение к проблемам и месту конкретной информации в общей картине понятий и представлений о мире, развивать познавательную активность, повышать качество и эффективность педагогического труда» [15]. То есть автор отмечает необходимость соответствия электронных образовательных ресурсов главным свойствам, присущим учебной книге в целом и электронной учебной книге в частности.

Подобные требования к электронным образовательным ресурсам содержатся в Приказе Министерства просвещения Российской Федерации от 15 апреля 2022 года «Об утверждении Порядка формирования федерального перечня электронных образовательных ресурсов, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования». В этом документе определены свойства ЭОР, на базе которых проводится их экспертиза, то есть устанавливается возможность/невозможность использования в образовательном процессе. К таким свойствам отнесены: 1) соответствие учебных материалов Федеральным государственным образовательным стандартам, предъявляемым «к личностным, предметным и метапредметным результатам освоения общеобразовательных программ»; 2) полнота представления научных теорий, составляющих основу учебных знаний по различным предметам; 3) «отражение современных научных достижений по отраслям знаний»; 4) необходимость использования понятийного аппарата, соответствующего тому или иному учебному предмету; 5) «структурированность, логичность изложения материала» [11]. Кроме

того, в документе отмечено, что электронные образовательные ресурсы должны соответствовать следующим требованиям:

- 1) развивать мотивацию к процессу обучения, к «интеллектуальной, проектной и творческой деятельности обучающихся»;
- 2) обеспечивать овладение обучающимися логическими приемами «отбора, анализа, синтеза информации»;
- 3) формировать навыки смыслового чтения;
- 4) развивать навыки самостоятельного обучения и применения полученных знаний на практике;
- 5) формировать критическое мышление, а также навыки, связанные с аргументацией;
- 6) развивать у обучающихся коммуникативные навыки, в том числе навыки групповой коммуникации [11].

Эти требования вполне соотносятся с функциями учебной литературы, а их фиксация подразумевает, что электронные образовательные ресурсы должны соответствовать параметрам учебной книги.

Вместе с тем в документе указано, что электронными образовательными ресурсами не являются

- 1) «электронные формы учебников, <...> допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования;
- 2) электронные формы учебных пособий, <...> которые допускаются к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» [11].

Если обратить внимание на определение понятия «электронные образовательные ресурсы», процитированное выше, в котором ЭОР характеризуется как «основополагающий компонент информационно-

образовательной среды», то обнаруживается явное противоречие; оно распространяется и на требования к этим ресурсам, изложенным в самом документе [2; 11].

Выявленные противоречия обуславливают множество проблем, касающихся прежде всего правил разработки электронных образовательных ресурсов, определения специфики построения учебного процесса, предполагающего их применение [15]. Преодолеть эти противоречия можно, если более точно определить роль электронных образовательных ресурсов в образовательном процессе и их корреляцию с учебной книгой. Для этого необходимо определить, каким книговедческим принципам должны соответствовать ЭОР, и – как следствие – включить книговедческие требования, предъявляемые к учебной литературе, в том числе и электронной, в нормативные акты, на базе которых проводится экспертиза ЭОР и формируются рекомендации для использования электронных образовательных материалов в учебном процессе.

Для реализации этой задачи был выбран метод сравнительного анализа требований, предъявляемых к учебной книге в целом и учебной электронной книге в частности, и требований к ЭОР, содержащихся в нормативных актах. Анализ был осуществлён, исходя из положения о том, что книгу как тип документа в её категориальном значении необходимо рассматривать в качестве сложной системы, включающей несколько существенных составляющих – номинативную, материальную, семантивную, сигнативную, синтаксическую, прагмативную, темпоральную, перцептивную [5]. Каждый конкретный объект, причисленный к книге, может быть проанализирован с учётом его особенностей, имеющихся в рамках каждой составляющей. Это положение распространяется и на определённые классы инфообъектов, которые выделяются, например, по целевому назначению: книжные объекты/издания, относящиеся к учебной книге, имеют качественные отличия от инфообъектов, принадлежащих к справочной, художественной, научной

и другой литературе. Наиболее важным для реализации задач нашего исследования стал анализ указанных требований с позиции материальной, семантивной, сигнативной и синтаксической составляющих, поскольку именно они определяют прагмативный (ценностный) и перцептивный аспекты учебной книги.

Результаты сравнительного анализа, проводимые в отношении материальной составляющей (материального носителя) учебной книги, показали, что общим для всех объектов, подпадающих под термины «учебная книга», «учебное издание» должно быть требование соответствия материального носителя целям и задачам образовательного процесса [14]. В настоящее время наиболее востребованным в этом контексте становится электронный носитель, который, кроме компьютера или какого-либо гаджета, включает и программное обеспечение [6]. Если учесть, что электронные образовательные ресурсы в нормативных актах и научной литературе 1) характеризуются как важная составляющая обучающей среды; 2) могут быть разработаны коллективом педагогов либо отдельным педагогом, – к ним также необходимо предъявлять следующие требования:

- 1) программное обеспечение, применяемое для производства электронных образовательных ресурсов, должно содержать функционал, обеспечивающий необходимое для образовательного процесса качество воспроизведения информации;
- 2) для просмотра электронного образовательного ресурса необходимо использовать компьютерное устройство, наиболее соответствующее психофизиологическим особенностям определённой категории пользователей.

В Приказе Министерства образования Российской Федерации, эти требования отсутствуют, что может привести и приводит к разработке некачественных учебных ресурсов, которые могут быть не представлены к экспертизе, но все же применяться в отдельных учебных заведениях.

Рассмотрение электронного образовательного ресурса с позиции семантивной (содержательной) составляющей предполагает, что его основу составляет учебный текст, который принято анализировать как «цельный, связанный, актуализированный, дидактически организованный материал», обладающий соответствующей его характеристикам лексической и семантической структурой [13]. То есть любой обучающий текст должен базироваться на принципах целостности, связности, завершенности образовательного контента, его развёрнутости, информативной насыщенности, а также точности изложения материала. Эти требования составляют основу учебной книги и традиционно к ней предъявляются.

Здесь следует учитывать и то, что понятие «текст» с позиции книговедения применительно к учебной литературе характеризуется не только как произведение письменной речи, особенно если учесть современные тенденции развития образовательного процесса. В настоящее время в коммуникативном пространстве, в том числе и обучающем, востребован мультимедийный текст, включающий различные знаковые системы. Его создание предполагает организацию синкретичного единства «вербальных и невербальных элементов, объединяющего речевые структуры, видеоряд, статичные и динамичные изображения, звуковые и цветовые эффекты» [10, с. 194]; при этом все компоненты такого текста образуют неразрывное семантическое единство и должны быть глубоко взаимосвязаны на базе изложенных выше принципов.

Однако в Приказе Министерства просвещения Российской Федерации от 15 апреля 2022 г. эти свойства учебного текста не отражены. В отношении семантивной составляющей в нём содержатся требования: 1) преемственности; 2) соответствия содержания ЭОР наименованию учебной дисциплины, курса или модуля; 3) «полноты представления научных теорий», составляющих основу учебного предмета; 4) необходимости присутствия в ЭОР терминологического аппарата, соответ-

ствующего определённой области научного знания; 5) наличия «сведений о передовых достижениях современной науки, техники и технологий»; 6) «структурированности, логичности, последовательности изложения материалов»; 7) обязательного наличия ссылок на дополнительные источники информации по учебному предмету [11].

Безусловно, эти требования принципиально важны, на них базируются важнейшие дидактические принципы обучения, а также реализация его целей и задач. Но свойства целостности, связности, завершенности образовательного контента игнорировать в процессе экспертизы электронных учебных материалов нельзя, поскольку, если они не соблюдаются, все остальные требования утрачивают свой смысл.

Кроме того, требование, касающееся наличия ссылок на дополнительные материалы, необходимо дополнить указанием на то, что все предоставляемые ссылки должны быть рабочими, в противном случае может быть нарушено единство системного представления учебной информации.

В отношении сигнативной (знаковой) составляющей электронных образовательных ресурсов в нормативном акте содержится требование мультимедийности, разнородности информации, посредством которой должен быть представлен образовательный контент [11]. В настоящее время это требование абсолютно закономерно. Условия современной информационной среды, оказывающие значительное влияние на развитие читательских практик, диктуют необходимость поиска новых методов развития мотивации учащихся к восприятию когнитивного продукта, формированию интереса к учебному чтению. Печатные учебники и их PDF-форматы не могут решить эту задачу в полной мере. Кроме того, мультимедийный текст имеет ряд преимуществ, касающихся развития интеллектуальных психических процессов: при чтении такого текста обогащается одновременное действие первой и второй сигнальных систем, что способствует расширению сферы взаимо-

действия информации и человека, расширению диапазона психических связей знакового текста и читателя [1].

Вместе с тем различные знаковые системы, используемые в учебном мультимедийном тексте, не должны быть скомпонованы хаотично. Необходимо учитывать, что преобладание каких-либо знаков может затруднить понимание учебного материала, снизить мотивацию его изучения, превратить в развлекательный контент и пр. В связи с этим базовые требования для экспертизы мультимедийности и разнородности должны быть дополнены указанием на необходимость определять оптимальное количественное соотношение всех знаковых элементов при разработке электронного образовательного ресурса.

При решении этой проблемы следует учитывать, что в интернет-пространстве, имеющем высокую популярность у подростков и молодёжи, превалирует визуальный образ, содержащий «готовую» информацию и часто не способствующий интеллектуальному развитию личности [7]. Он привлекает, актуализирует внимание, запоминается, но не оказывает существенного влияния на развитие аналитических способностей, критического мышления и т. д. Использовать его в процессе обучения, безусловно, необходимо, но исходя из психофизиологических особенностей пользователя. Если электронный образовательный ресурс используется в процессе обучения младших школьников, то видеoinформация может составлять примерно такой же процент, как и символьная, поскольку в этом случае обучающее пространство строится за счёт применения игровых методов. В среднем, старшем звене общеобразовательной школы этот процент должен быть изменён в пользу символьной информации, так как её восприятие наилучшим образом содействует развитию мышления и воображения [7].

Принцип количественного соотношения знаковой информации является книговедческим и предъявляется к учебной литературе любого формата, его необходимо закрепить

и в нормативных актах, определяющих требования электронным образовательным ресурсам.

В нормативных документах должны быть отражены и книговедческие требования, характеризующие синтаксическую составляющую учебной книги. Эта составляющая играет решающую роль в плане удобочитаемости учебного контента. Поэтому правила организации структуры и инфраструктуры текста, которые необходимо соблюдать при разработке электронных образовательных ресурсов, касаются, прежде всего, их интерфейса: особенностей смысловой рубрикации авторского текста, его гипертекстовой организации, зрительно-смысловой организации и акцентировки элементов ЭОР, кегля, интерлиньяжа, развёрстки текста на электронной странице и т. д.

Очень важным в свете специфики восприятия электронного текста становится возможность использования в электронном образовательном ресурсе интерактивных элементов, поскольку они не только мотивируют современных пользователей к изучению контента, но и содержат предпосылки для развития их коммуникативных навыков, воображения и т. д. [5; 7; 8]. Эти важные свойства электронной учебной книги в Приказе Министерства просвещения Российской Федерации не учтены. Требования к синтаксической составляющей электронных образовательных ресурсов в нормативном акте прописаны только в части метаданных (инфраструктуры) ЭОР. Отмечено, что в электронных образовательных ресурсах должны быть указаны: «1) порядковый номер строки федерального перечня ЭОР; 2) порядковый номер в федеральном перечне ЭОР; 3) наименование ЭОР и его краткое описание (включая структуру, предметное содержание и метаданные, позволяющее однозначно идентифицировать учебные материалы); 4) правообладатель ЭОР (наименование юридического лица либо фамилия, имя, отчество (при наличии) физического лица, которому в установленном законодательством Российской Федерации

порядке принадлежит исключительное право на ЭОР; 5) класс, для которого разработаны ЭОР и т. д.» [11].

Они, безусловно, важны для идентификации электронного образовательного ресурса, для реализации базовых положений авторского права, но далеко не отражают книговедческих принципов целесообразности, рациональности и аттрактивности, составляющих основу синтактивного компонента в том числе и учебной книги [14].

Результаты проведённого нами сравнительного анализа показали, что в нормативных актах к электронным образовательным ресурсам предъявляются требования, сопоставимые с требованиями к учебной книге, однако в них отсутствуют важнейшие книговедческие характеристики, присущие учебной литературе. В этом контексте требования к экспертной оценке ЭОР, закреплённые в некоторых госу-

дарственных актах, необходимо доработать с учётом главных книговедческих принципов, на которых строится электронная учебная книга, её информационно-технологических (ссылочные отношения, поиск, мультимедийные свойства), программно-технологических (многократное использование электронного документа) и функциональных особенностей.

Такой подход может дать основания для корректировки и конкретизации дефиниции термина «электронный образовательный ресурс», будет способствовать упорядочиванию дидактико-педагогических, книговедческих свойств электронных образовательных ресурсов, выявлению принципов анализа их методолого-теоретических аспектов и в итоге – разработке качественных учебных материалов, оптимально сочетающих в себе новейшие IT-технологии и традиции учебной книги.

Список литературы

1. Беспалов В. М. Психология чтения. Москва: МГУКИ. 2010. 198 с.
2. ГОСТ 53620-2009 «Электронные образовательные ресурсы». [Электронный ресурс]. URL: <https://ntb.donstu.ru/files/attestat/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D1%8B/%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%A0%2053620-2009.pdf?ysclid=lr4v4hicd6455305264>
3. ГОСТ Р 52653–2006 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения» [Электронный ресурс]. URL: https://pcoding.ru/gost/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_%D0%98%D0%9A%D0%A2_%D0%B2_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8.pdf
4. ГОСТ Р 7.0.60–2020 «Издания. Основные виды. Термины и определения». Дата введения: 01.12.2020 / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Москва, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-7060-2020-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii-sistema-standartov/>
5. Динер Е. В. Теоретико-методологические основы электронной книги как категории книговедения: монография. Киров: Старая Вятка, 2016. 188 с.
6. Динер Е. В. Электронная книга как категория книговедения: монография. Киров: РАДУГА-пресс, 2017. 226 с.
7. Динер Е. В., Мосунова Л. А. Развитие воображения в процессе чтения электронной книги // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 2. С. 34–48.
8. Кречетников К. Г. Требования к интерактивному электронному учебнику // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2016. № 38. С. 48–53.
9. Ланкин В., Григорьева О. Электронный учебник: возможности, проблемы, перспективы // Высшее образование в России. 2008. № 2. С. 130–134.
10. Пильгун М. А. Мультимедийный текст: особенности функционирования и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 155. Кн. 5. С. 192–204.

11. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 15 апреля 2022 г. «Об утверждении Порядка формирования федерального перечня электронных образовательных ресурсов, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404511871/?ysclid=lr4v9bv1wb428214074>
12. *Радионов, С. И.* Дизайн учебной книги: перспективы изучения дидактических требований // Мир образования – образование в мире. 2019. № 3. С. 248–263.
13. *Сабина А. А.* Учебный текст: структура и прагматика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: Филология. 2009. № 97. С. 222–225.
14. *Столяров Ю. Н.* Документология. Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.
15. *Якушина Е. В.* Электронные образовательные ресурсы: актуальные вопросы и ответы // Народное образование. 2012. № 1. С. 184–188.

*

Поступила в редакцию 31.10.2023

И НФОРМАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ

УДК 159.9

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-160-167>

О. Б. Сладкова

Российский государственный аграрный университет –
Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: olgasladkova2@mail.ru

Аннотация: Рассматривается информационное пространство университета как часть образовательной среды, способствующей успешной социальной и профессиональной адаптации студентов. Подчеркивается базисное значение понятия среды в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Описываются методики изучения восприятия объектов образовательной среды студентами, в частности методики, основанные на количественных замерах наиболее существенных характеристик. Приводятся данные исследований восприятия информационной среды студентами, проводимые в РГАУ им. К. А. Тимирязева в течение 2019–2022 гг. Подчеркивается роль университетской библиотеки в информационном обеспечении образовательной деятельности. Приводятся результаты исследования информационной компетентности студентов, а также результаты самооценки студентами собственной информационной культуры. Излагаются предположительные причины расхождения результатов этих исследований и предлагаются меры повышения информационной культуры студентов, а также подчеркивается важность конструктивного взаимодействия профессорско-преподавательского состава и работников библиотек.

Ключевые слова: образовательная среда, университет, студенты, информационные технологии, информационные ресурсы, информационная культура, методы изучения репрезентации среды, социальная адаптация личности.

Для цитирования: Сладкова О. Б. Информационный компонент образовательной среды вуза в восприятии студентов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 160–167. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-160-167>

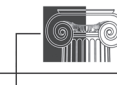
INFORMATION COMPONENT OF UNIVERSITY
ENVIROMENT IN STUDENTS REPRESENTAON

Olga B. Sladkova

Russian State Agrarian University –
Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev,

СЛАДКОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА – доктор культурологии, профессор, Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева
SLADKOVA OLGA BORISOVNA – DSc in Cultural Studies, Professor, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev

© Сладкова О. Б., 2023

Moscow, Russian Federation,
e-mail: olgasladkova2@mail.ru

Abstract: The main idea of this article is to represent information component of university environment as a professional and social adaptation means. The article notes as importance "environment" concept in the Russian and foreign authors works. There are discover the tendency to use quantitative methods for qualitative conclusions student's perceive to university environment. The special attention is paid the students assessment by students of the information component of educational environment. There are described the results of investigation represent information component of university environment by students of Russian State Agrarian University during 2019–2022 years. The special attention is paid the role of university library in information provide. There are presented the realistic results of student's competence in information field and self-awareness of competence in information field. There are und-lined the means cooperation between teachers and information workers.

Keywords: education environment, information sources information technology university, students, psychology security, investigation methods of evaluation environment, personal social adaptation.

For citation: Sladkova O. B. Information component of university enviroment in students represntnaon. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 160–167. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-160-167>

Для улучшения качества образования и построения перспективных образовательно-воспитательных стратегий представляется важным системный подход к оценке педагогической практики с учетом ее восприятия студентами. Отправной точкой подобных рассуждения можно считать идею связи человека со средой его обитания, развитой еще в классических трудах Л. С. Выготского, Д. А. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и продолженной в произведениях современных отечественных ученых [3; 4; 5; 9].

Классики доказывают, что социальная среда формирует личность, влияя на развитие различных психических процессов, определяющих становление субъекта. При этом среда трактуется как источник информации, которую получает человек для планирования собственной дальнейшей деятельности, а также как поле, на котором будет развиваться эта деятельность. Безусловно, восприятие среды детерминирует действия человека, и поскольку разные среды побуждают человека к разным действиям, то образовательная среда вуза, являясь частью социальной среды, несет основную ответственность за формирование многих качеств молодого поколения. Следует учитывать особое значение обра-

зовательной среды, так как именно в годы пребывания в вузе молодой человек приобретает не только профессиональные знания, умения и навыки, но в это время происходит становление его личности. В это время развиваются процессы мышления, определяются основные жизненные принципы и культурные ценности, формируются нормы поведения, накапливается и осмысливается опыт социального взаимодействия, образуются связи, сближающие и отдаляющие людей, приобретаются навыки социальной адаптации и самопрезентации и др. [1; 8; 9; 10; 14]. Все это требует специально организованных педагогических условий.

Подобный подход прослеживается и в зарубежной педагогике и психологии, где он называется инвайроментальным и объясняет взаимосвязь субъекта с его жизненными обстоятельствами. В рамках этого подхода изучались различные аспекты взаимосвязи субъекта и среды: когнитивные, аффективные, поведенческие. Применительно к образовательной среде в этом аспекте предпринимались исследования содержания образовательных программ, физических характеристик среды (планировка аудиторий, техническая оснащенность, температура, качество воздуха

и т. п.), пространственно-предметной структуры педагогической деятельности, организации учебного процесса, взаимодействия студентов с преподавателями и друг с другом, социально-психологического климата в академических группах и т. д. [16; 17; 18].

Многие исследования как отечественных, так и зарубежных авторов строятся на замерах различных составляющих образовательной среды. Эта тенденция проникновения количественных методов исследования в гуманитарные отрасли для получения выводов о качественных изменениях изучаемых объектов с конца XX века становится все более характерной для большинства областей знания, в том числе для психологии.

Например, А. В. Петровский [10] предложил методику референтометрии, в которой обосновываются валидные качества замеров референтной группы (критериями считались направленность личности, центрация внимания на себе, внутриличностное общение) для выяснения формирования восприятия студентами различных объектов образовательной среды.

В направлении важности изучения референтной группы находятся исследования И. А. Баевой [2], которая предлагает измерять следующие психодиагностические параметры: интегральный показатель отношения к среде; индекс безопасности; индекс удовлетворенности средой; эмоционально-личностные и коммуникативные характеристики субъекта, включающие самоотношение, самоактуализацию, направленность личности в общении, уровень эмоционального напряжения.

И. С. Якиманский [15] дополняет данный подход критериями оценки личностно ориентированной образовательной среды, подразумевая под этим

- системность,
- избирательность,
- стимулируемость участия в образовательных программах,
- возникновение психологических новообразований, характерных для каждой образовательной группы,

- обучение должно быть на основе ведущей деятельности (в данном случае это профессиональная подготовка),
- взаимосвязи с другими видами деятельности,
- методическое обеспечение образовательного процесса.

Итак, в контексте анализа взаимосвязи образовательной среды и студента (субъекта среды) выделяются три аспекта:

- формирование средового сознания, связанного с ощущением принадлежности к определенному сообществу, а также – с получением знаний и умений, которые приобретают обучающиеся в университете;
- получение опыта оценки среды, который формируется в процессе вовлечения студента в атмосферу университета, опыта, поддерживаемого связями с однокурсниками и ощущением заботы со стороны преподавателей;
- усвоение норм средового поведения, которые приняты в данной социальной группе.

В большинстве исследований психологов отмечается, что студенты воспринимают образовательную среду в целом, в совокупности всех ее компонентов и составных частей, характеризуя свое отношение критериями «удовлетворен» – «не удовлетворен». Однако на первый план в современном обществе выходит анализ информационных ресурсов и информационных технологий, влияющих на развитие образовательной среды и ее восприятие студентами. Влияние феномена информации на развитие образовательной среды прослеживается в исследованиях А. Б. Антопольского, Е. Н. Боярова, Е. В. Гущиной, Н. В. Лопатиной, Ю. Г. Панюковой и многих других авторов [1; 3; 5; 6; 10]. В их трудах подчеркивается колоссальное противоречие между возможностями, открывающимися доступностью и многообразием информационных ресурсов, технологическими удобствами их использования, и угрозами, которые появляются в информационном обществе:

несанкционированный доступ к персональным данным, распространение негативной информации по различным телекоммуникационным сетям, а также изменение механизмов восприятия самого человека. Е. В. Гущина [5] считает, что нужно ориентироваться на потребности и интересы студентов в обеспечении доступа к профессиональным информационным ресурсам, а также работать над безопасностью образовательной среды. Авторская разработка Е. В. Гущиной заключается в формировании критериальной базы для оценки безопасности образовательной среды, включающей направленность образовательной среды; ресурсную насыщенность; характер внутренней организации образовательной среды и ее взаимодействие с другими средами.

Более определенно по этому поводу высказываются представители информационных профессий, особенно занимающиеся проблемами информационной культуры. Н. В. Лопатина [6], в частности, пишет, что студентов следует учить анализировать информацию, задумываться о достоверности получаемых сведений, находить альтернативные источники для перепроверки данных, учитывать социокультурный контекст появления информации и пр. Информационная безопасность включает обучение приемам отсеивания негативной и умение сосредотачиваться на позитивной информации, а также – способность отличать факты от их комментариев, защищаться от манипулятивного информационного воздействия и т. д. В целом эти меры направлены на формирование позитивного информационного поведения, которое строится на принципах открытости, интенсивности использования информации, осознанности восприятия информации; формировании ценностных установок, создании референтных групп, в которых происходит обсуждение информации, а также учитывается желание самого студента быть информированным.

Современным людям, особенно молодым, в мире агрессивного информационного

изобилия приходится непросто: нарушается психологическое равновесие, рождаются фрустрации и обостряется потребность в защищенности от неблагоприятных воздействий. Поэтому информационная безопасность образовательной среды тесно переплетается с психологической безопасностью.

Правильное информационное поведение основано на представлениях о психологической культуре личности, которая, по мнению В. В. Семикина [12], складывается из

- определенных знаний и умений, обеспечивающих адекватное поведение и социальное взаимодействие (психологическая грамотность);
- навыков эффективного поведения и взаимодействия (психологическая компетентность);
- способности личностного саморегулирования и опыта гуманного взаимодействия с другими людьми (психологическая зрелость).

Автор предлагает модель психологической безопасности, где вертикальный вектор предполагает оценку личностно-эмоциональной защищенности или незащищенности человека, а горизонтальный вектор – социально-психологическую умелость или неумелость. По аналогии можно построить модель информационной безопасности личности, где вертикальный вектор будет указывать на уровень знаний и фундаментальных представлений о содержании необходимой для будущего специалиста информации, а горизонтальный вектор – на коммуникативные, операционные и другие навыки, которые определяют его информационное поведение. Вертикальный вектор будет включать наиболее значимые смыслы и ценности. Горизонтальный вектор будет демонстрировать динамическую связь со средой и выполнять инструментальные функции. Наполнение того и другого направления данными позволит откликаться на изменения среды и воссоздавать картину связи личности со средой – как с точки зрения ее осведомленности о ресурсах, сервисах и технологиях,

так и с точки зрения ее мотивов и действий. Таким образом, проанализировав факторы, содержащиеся в вертикальном и горизонтальном направлениях, можно устанавливать взаимосвязь информационного поведения личности с ее информационной грамотностью и проектировать (а в каких-то случаях – корректировать) дальнейшее развитие обоих направлений информационной компоненты образовательной среды.

Восприятие информационного компонента образовательной среды изучалось на практике в ходе исследований, предпринятых на базе Российского государственного аграрного университета имени К. А. Тимирязева (РГАУ) в 2019–2022 годах. В исследованиях в совокупности отражено мнение студентов различных направлений обучения: инженерных, экономических, зоотехнических и биологических, агробиотехнологических и др. (что свидетельствует о репрезентативности выборки в содержательном аспекте).

На первом этапе исследования 138 респондентам было предложено записать в неограниченном количестве ассоциации, которые возникают у них с понятием «информационная среда».

В отранжированном виде ответы студентов выглядят следующим образом: на первом месте студенты указали информационные технологии (23,0%); затем следуют технические средства (16,1%); затем информационные процессы (12,9%); информационные ресурсы (12,2%); затем отдельные качества (позитивные и негативные) информационных ресурсов (10,9%); затем средства массовых коммуникаций (10,2%); затем социальные институты (в том числе образовательные учреждения и библиотеки) (7,5%); затем персоналии (в том числе информационные профессии и специальности) (7,2%). Такое распределение доказывает ориентацию студентов в оценке информационного компонента образовательной среды на технико-технологическую составляющую (к сожалению, смыслообразование среды не всегда оценивается студентами).

Как видим, библиотеки отмечались респондентами не в числе приоритетных ассоциаций. И это несмотря на то, что университетская библиотека РГАУ (ЦНБ им. Н. Железнова) является известным учреждением, обладающим серьезным информационным потенциалом в виде собственных ресурсов и активными связями с другими организациями, занимающимися информационной деятельностью (библиотеками, издательскими домами, институтами информации и т. п.). В библиотеке собраны разнообразные фонды научной литературы, периодических изданий, диссертаций и авторефератов ученых Тимирязевской академии, редких книг и книжных памятников, рукописей, личных коллекций, справочно-энциклопедических и библиотечно-информационных изданий и т. д. Собираются также фонды CD-Rom и DVD, аудиовизуальных материалов, электронных (внутренних) и сетевых удаленных ресурсов. Предлагаются различные сервисы: электронный путеводитель по библиотеке; методические указания по информационному поиску и библиографическому оформлению научных трудов; даются полезные ссылки, из которых можно узнать сведения о ведущих российских библиотеках, включая их электронные адреса; издательства, предоставляющие свою продукцию и предлагающие возможность опубликовать произведений ученых Тимирязевской академии. Рекомендуются внешние информационные ресурсы, в том числе главной профильной для данного вуза Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки, Национальной электронной библиотеки РФ, ведущих баз данных Agris, Directory of Open Access Journals и других. Библиотека содействует в реализации образовательных программ университета по более чем 50 направлениям и 250 направленностям подготовки бакалавров, магистров, специалистов и аспирантов.

Несмотря на разнообразную деятельность ЦНБ РГАУ, информационная практика студентов весьма скромная. Чаще всего в библиотеку они отправляются в начале семестра, чтобы получить учебники, а инфор-

мационный поиск ведут только с помощью поисковика Google.

В течение 2021–2022 гг. в РГАУ проводилось исследование сформированности информационной культуры студентов инженерных направлений образовательной подготовки [7]. (Опрошено было более 200 студентов, в основном, инженерных направлений подготовки). В ходе исследования проверялись знания поисковых систем и умение ими пользоваться; знания методики информационного поиска; знания электронной библиотечной системы ЦНБ РГАУ; знания учреждений, создающих информацию и их информационные продукты; знания периодических изданий по тематике своей профессиональной подготовки; базовые знания по патентному праву и интеллектуальной собственности.

Анализ ответов респондентов показал, что 95% из них знают и используют только Google или Яндекс. Хотя быстрый поиск почти всегда приводит к примитивизации всего информационного действия и потерям качества результата (полноты и точности). Большинство опрошенных даже не подозревало о наличии специальных баз данных, которые генерируются информационными учреждениями; не знало, что результаты поиска с помощью различных поисковых систем совпадают только на 10%, поэтому следует использовать одновременно несколько разных поисковых средств. Не знали опрошенные также о профильных отраслевых навигаторах по сетевым информационным ресурсам и т. д. [7; 11; 13].

Что касается методик информационного поиска, чаще всего указывался поиск по ключевым терминам, реже – по авторскому признаку. Участники эксперимента не представляли, что набор поисковых признаков может быть гораздо шире (например, по жанру, по принадлежности к научной школе, организационному признаку и т. д.), а качество результата напрямую связано с поисковой компетентностью пользователя.

В заключение опрошенным предлагалось ответить на вопрос, насколько высоко они

оценивают свой уровень информационной культуры (имеется в виду умение находить информацию быстро и качественно, владение современными технологиями, анализ информации и оценка достоверности источника, использованного для удовлетворения своей информационной потребности). В ответ предлагалось оценить себя по шкале:

- а) высокий уровень (в полной мере могу найти быстро и все, что нужно, из проверенных источников, используя современные технологии);
- б) выше среднего уровня (могу найти информацию из надежных источников, но для этого требуется много времени);
- в) средний уровень (сложно найти информацию из достоверных источников);
- г) низкий уровень (для поиска информации мне требуется помощь).

Определили свой уровень владения информационной культурой как *высокий* 45% опрошенных; как уровень *выше среднего* – 47%; *средний* – 8%; *низкий уровень* – 0%.

Таким образом, становится очевидным, что самооценка студентов собственной информационной компетентности существенно завышена и расходится с действительным положением. С одной стороны, это вскрывает психологическую проблему самосознания личности, которую необходимо решать для дальнейшей успешной социальной адаптации молодых людей. Поэтому студентов необходимо обучать использованию психологического инструментария самопознания: например, приемам построения реальной Я–концепции личности; определению факторов самоидентификации и т. д. С другой стороны, эту проблему необходимо решать педагогическими средствами, направленными на обучение студентов приемам анализа информации, методикам информационного поиска и другим атрибутам эффективного информационного поведения. Для этого нужно уделять больше внимания освещению данных вопросов в процессе преподавания, в частности, в учебные

планы в обязательном порядке вводить специальные курсы «Информационная культура» и подключать к этой работе сотрудников университетской библиотеки, активнее используя их знания информационной среды и опыт информационного обслуживания.

Итак, исследование проблемы восприятия студентами информационного компонента образовательной среды вуза имеет большое

значение для дальнейшего развития педагогической практики, потому что влияет на поиск путей совершенствования не только профессиональной подготовки будущих специалистов, но и их социальной адаптации. Кроме того, анализ исследовательских подходов позволяет дополнить теоретические представления об образовательной среде и тем самым внести методический вклад в ее изучение.

Список литературы

1. Антопольский А. Б. Информационная политика в сфере науки и образования: проблемы и задачи // Управление образованием: теория и практика. 2015. № 2. С. 62–69.
2. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. Санкт-Петербург: Союз, 2002. 217 с.
3. Богомякова О. Н. Уровневый подход к анализу и оценке психологической безопасности образовательного пространства // Психологическая наука и образование. 2013. № 6. С. 107–112.
4. Бояров Е. Н. Безопасность информационной образовательной среды вуза: понятие и компоненты // Молодой учитель. 2014. № 18.1. С. 20–23.
5. Гущина Е. В. Анализ образовательной среды как средство субъективизации старшеклассников // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 17–22.
6. Лопатина Н. В. Информационно-образовательная среда вуза: от теории к практике // Информационные ресурсы России. 2018. № 5. С. 35–38.
7. Мартынова К. В., Сладкова О. Б. Специфика информационной культуры агроинженеров // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы. Красноярск. 2022. С. 197–200.
8. Носкова Т. Н. Сетевая образовательная коммуникация: монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 178 с.
9. Панюкова Ю. Г. Психосемантический анализ пространственных и темпоральных характеристик разных видов информационной среды // Вестник Удмурского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 3. С. 339–347.
10. Петровский А. В. Психология и время. Санкт-Петербург: Питер, 2007. 448 с.
11. Пирумова Л. Н. Использование современных технологий в информационном обслуживании аграрной науки // Бюллетень РБА. 2013. № 68. С. 123–132.
12. Семикин В. В. Психологическая культура в образовании человека: Монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2002. 155 с.
13. Сладкова О. Б., Пирумова Л. Н., Пирумов А. А. Поисковые системы в удовлетворении отраслевых информационных потребностей (на примере агропромышленного комплекса) // Информационные ресурсы России. 2012. № 1. С. 13–15.
14. Соина И. А. Динамика личностного социально-психологического пространства в различных образовательных системах и его влияние на личность // Вестник Костромского государственного университета. Серия» Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. С. 51–54.
15. Якиманский И. С. Личностно-ориентированная школа – схема анализа деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www/pligin.ru/articlec/yakimanskaya.htm>

16. *Gibson A.* Measuring Business Student Satisfaction: A Review and Summary of the Major Predictors // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2010. Vol. 32, iss. 3. Pp. 251–259.
17. *Elkins D. J., Forrester S. A., & Noël-Elkins A. V.* (2011). The Contribution of Campus Recreational Sports Participation to Perceived Sense of Campus Community. *Recreational Sports Journal*, 35(1). Pp. 24–34
18. *Yang Z., Beceric-Gerber B., Mino L.* A study on student perceptions of higher education classrooms: Impact of classroom attributes on student satisfaction and performance \Building and Environment, 2013, V.70. Pp.171–188.

*

Поступила в редакцию 26.10.2023

НЕЙМИНГ В БИБЛИОТЕКАХ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

УДК 021

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-168-179>

А. Д. Машкара

Центральная районная библиотека имени Н. В. Гоголя,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: alex.mash96@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности нейминга в библиотеках, которые были модернизированы в рамках федерального проекта «Культурная среда» национального проекта «Культура». Приведены результаты сравнительного анализа 1051 названия модельных библиотек, которые распределены в соответствии с классификацией нейминга, предложенной ранее автором статьи (персонифицированный, топонимический и концептуальный). Представлены характерные черты каждого из направлений нейминга. Зафиксировано, что исключительно номерное обозначение имеет меньшая часть исследованных библиотек. Показано, что спецификой персонифицированного нейминга библиотек является использование имён известных писателей, а также увековечивание деятелей, которые были яркими представителями местной культуры. При топонимическом нейминге обоснована взаимосвязь названия библиотеки с территорией, на которой она расположена. Концептуальный нейминг характеризуется отражением приоритетного направления деятельности или статуса библиотеки, а также ассоциативными представлениями о ней, основу которых составляет определённый образ. Выявлены идентичные названия модельных библиотек, продемонстрированы актуальные тенденции в каждом направлении нейминга. Сделан вывод о значении названия в позиционировании учреждения культуры.

Ключевые слова: нейминг, библиотека нового поколения, библиотечный маркетинг, название учреждения культуры, модельные библиотеки, бренд, персонифицированный нейминг, топонимический нейминг, концептуальный нейминг, именная библиотека.

Для цитирования: Машкара А. Д. Нейминг в библиотеках нового поколения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 168–179. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-168-179>

NAMING IN NEXT GENERATION LIBRARIES

Alexey D. Mashkara

Central District Library named after N. V. Gogol,
St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: alex.mash96@yandex.ru

МАШКАРА АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – ведущий библиотекарь, СПб ГБУК «Централизованная библиотечная система Красногвардейского района», Центральная районная библиотека имени Н. В. Гоголя
MASHKARA ALEXEY DMITRIEVICH – leading librarian, St. Petersburg State Budgetary Institution of Culture “Centralized Library System of Красногвардейский District”, Central District Library named after N. V. Gogol

© Машкара А. Д., 2023

Abstract: The article considered the features of naming in libraries that have been modernized within the framework of the federal project "Cultural Environment" of the national project "Culture". The results of a comparative analysis of 1051 model libraries names are presented in accordance with the naming classification proposed earlier by the author of the article (personalized, toponymic and conceptual). The characteristic features of each of the naming directions are presented. It is noted that a smaller part of analyzed libraries has a numbered designation. The author showed that personalized naming specific of libraries is the use of the famous writers names, as well as the perpetuation of figures who were prominent representatives of local culture. In the case of toponymic naming it is substantiated the relation of the name with the territory where the library is located. Conceptual naming is characterized by a reflection of the priority direction of activity or the status of the library, as well as by associative ideas about it, which are based on a certain image. Identical names of model libraries are revealed, current trends in each direction of naming are demonstrated. It is concluded that the name is one of the most important things in the positioning of the cultural institution.

Keywords: naming, next generation library, library marketing, name of cultural institution, model libraries, brand, personalized naming, toponymic naming, conceptual naming, named library.

For citation: Mashkara A. D. Naming in next generation libraries. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 168–179. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-168-179>

Информационный век способствует переосмыслению окружающей действительности: видоизменяются многие устоявшиеся процессы, внедряются новые технологии. Библиотеки на протяжении своей истории следовали актуальным тенденциям эпохи и в настоящий момент являются не только центрами чтения и познания, но и важными составляющими социокультурной среды. Однако в этом контексте возрастает и конкуренция; интернет стал неотъемлемой функцией в деятельности большинства современных библиотек, но вместе с тем перераспределяет их потенциальную аудиторию, поскольку миновали эпохи, когда ведущие источники информации находились в библиотеке. В рамках концепции Рэя Ольденбурга, учреждения культуры также борются за «третье место», ведь помимо дома и работы для человека постиндустриального общества открывается множество вариантов проведения досуга. В этой связи возрастает значение качества услуг, которые предоставляет библиотека, и усиливается роль позиционирования учреждения культуры в целом. Особое внимание уделяется цифровой среде, поскольку социальные сети прочно вошли в библиотечную деятельность и во многом способствуют формированию бренда организации. Значи-

тельная часть успеха в данном маркетинговом процессе зависит от удачного названия предприятия, поэтому в XXI веке активное развитие получает нейминг – «деятельность по имяобразованию, представляющая собой подбор (поиск, придумывание) подходящего наименования для того, что нуждается в собственном оригинальном имени» [15]. Схожую тенденцию можно заметить в библиотечном сообществе: руководители учреждений культуры для обозначения библиотек в большей степени предпочитают использовать примечательные названия, а не порядковые номера.

Именные библиотеки разнообразны. Одни учреждения имеют классические наименования в память о значимых персонах, другие названия взаимосвязаны с топонимикой, а в некоторых случаях библиотеки именуются с помощью оригинальных ассоциативных образов или же содержат прямые отсылки к статусу учреждения культуры и особенностям его деятельности. Названия общедоступных библиотек в рамках классификации, предложенной автором данной статьи, можно отнести соответственно к персонифицированному, топонимическому и концептуальному неймингу [20].

Известный библиотековед Слава Григорьевна Матлина в 2007 году отметила,

что «библиотека под безликим номером изначально сориентирована на тихое существование – без инновационных всплесков и творческих порывов: она существует «как все» [18]. За последние 10 лет в России стали активно создаваться яркие современные учреждения культуры. Мощным источником инновационного развития библиотек в российских регионах является стартовавший в 2019 году федеральный проект «Культурная среда» национального проекта «Культура», в рамках которого ежегодно появляются сотни модельных библиотек – «комфортные модные пространства, обеспечивающие равный доступ к информации и знаниям, новые услуги, высокоскоростной интернет и различные интеллектуальные способы проведения досуга» [23].

Обновляются фонды, проводится ремонт, закупается современная мебель и оборудование, но уделяется ли при этом внимание неймингу? Какое количество модернизированных по федеральному проекту библиотек остаётся с номерным обозначением?

Целью данного исследования является теоретическое обоснование нейминга как одного из ведущих инструментов позиционирования библиотек нового поколения.

Объект исследования – название библиотеки нового поколения в контексте её позиционирования.

Информационной базой исследования стал сайт «Новая библиотека», также были изучены обозначения модельных библиотек в социальных сетях, афишах и новостных публикациях на электронных ресурсах.

Основным методом исследования является сравнительный анализ наименований 1051 модельной библиотеки (по данным на 31 августа 2023 года) в соответствии с классификацией, предложенной автором данной статьи.

Сразу надо отметить, что многие учреждения идентифицируют себя одновременно за счёт имени и номера или используют несколько вариантов нейминга. В подобных случаях решение принималось в пользу чаще употребляемого наименования, выходящего

на первый план при обратной связи с пользователями. Например, Кабанская центральная межпоселенческая библиотека была отнесена к топонимическому варианту названия. Тогда как Центральная межпоселенческая библиотека Окинского района (в рамках проведённого исследования) определяется в контексте концептуального нейминга, поскольку основной акцент направлен на статус библиотеки (центральная и межпоселенческая) или на особенности её деятельности, как и в случае с Библиотекой семейного чтения рабочего посёлка Мухен. В то же время Красногорская библиотека семейного чтения является примером топонимического нейминга.

Под строгим номерным обозначением и без альтернативных названий было выявлено 76 модельных библиотек, примерами персонифицированного нейминга стали 243 библиотеки, к топонимическому и концептуальному варианту были отнесены соответственно 377 и 355 анализируемых учреждений культуры.

Отметим наиболее примечательные материалы проведённого исследования. Значительная часть современных модельных библиотек получила персонифицированное наименование до модернизации ещё несколько десятков лет назад в соответствии с традицией создания именных учреждений культуры. И. В. Бабич, ведущий научный сотрудник Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе, в 2017 году отметила следующее: «Библиотеки, носящие имена известных людей, привычнее отечественному культурному ландшафту и широко распространены» [1, с. 223]. Практика персонифицированных названий восходит ещё к дореволюционной эпохе (Императорская публичная библиотека, Румянцевский музей, Пушкинская, Тургеневская, Чеховская) [19], а затем получила директивное распространение в советское время, в период которого сформировались наиболее популярные варианты присвоения имени библиотеке. Так в процессе данного исследования были выявлены 18 библиотек имени А. С. Пушки-

на (лишь одна из них имеет отличие в обозначении – «Пушкинская библиотека-музей г. Белгорода»), активно упоминаются следующие деятели: Н. К. Крупская (8 библиотек), А. П. Чехов (7 библиотек), А. П. Гайдар (6 библиотек), М. Горький (5 библиотек). По 4 модельных библиотеки носят имена Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, Ф. Ф. Павленкова. Трижды значатся Н. А. Некрасов, Н. Н. Носов, М. Е. Салтыков-Щедрин, С. Я. Маршак, Н. А. Островский. Также выявлены по 2 модельные библиотеки имени А. Н. Радищева, М. А. Шолохова, В. И. Ленина, В. В. Маяковского, С. Т. Аксакова, С. А. Есенина, И. А. Крылова. Примечательно, что ещё в 1995 году образовалась общественная организация «Содружество Павленковских библиотек», которая объединила учреждения культуры, открытые на средства русского книгоиздателя и просветителя [27]. С начала 2000-х активно возникают общественные объединения библиотек, например, сообщество пушкинских библиотек, которое было создано в 2003 году [17]. Был установлен контакт между чеховскими библиотеками, в 2002 году создана Российская Ассоциация библиотек и музеев Николая Рубцова. Данные структуры усиливают мемориальную функцию персонифицированного названия библиотеки, эффективность этого направления работы во многом зависит от качества комплексной проектной деятельности по популяризации значимой личности.

В отдельных регионах персонифицированный нейминг имеет свою специфику – в названии модельных библиотек увековечиваются деятели, которые были яркими представителями местной культуры. Например, М. С. Мицуль, агроном и просветитель, посвятивший жизнь освоению Сахалина, указан в наименовании Центральной модельной библиотеки в городе Александровск-Сахалинский [21]. С 2004 года Эльгяйская библиотека в Республике Саха носит имя писателя Ивана Герасимовича Иванова-Нуолур [34]. Имя историка и общественного деятеля, первого профессора Якутии, Г. П. Башарина

присвоено модельной библиотеке посёлка Беркамит [8]. С 2005 года Центральная библиотека села Хоринск носит имя народного поэта Республики Бурятия Д. З. Жалсараева [13]. Также в названиях модельных библиотек данного региона значатся Н. А. Очиров (прозаик, драматург, переводчик) и Б. Б. Намсараев (микробиолог, доктор биологических наук, профессор). Поэт дальневосточник П. С. Комаров и один из самых известных писателей Приамурья Б. А. Машук значатся в наименованиях двух модельных библиотек Амурской области. Модельная библиотека Ставрополя носит имя И. В. Кашпурова, ставропольского поэта. Деятель культуры и исследователь истории быстринских эвенгов К. С. Черканов увековечен в названии Центральной библиотеки села Эссо Быстринского района Камчатского края [14].

Региональный контекст также проявляется в Калевальской национальной библиотеке, названной в честь Архиппа Перттунена, карельского рунопевца.

Сразу несколько Центральных модельных библиотек Северо-Кавказского Федерального Округа именуются в честь известных местных поэтов – Р. Гамзатова, Ф. Алиевой, К. Л. Мхце, К. Мечиева, С. Отарова. Выделяется в этом регионе имя первого ингушского просветителя и этнографа, Ч. Э. Ахриева, которое значит в названии библиотеки города Назрань [33].

Особый интерес представляют именные модельные библиотеки Республики Тыва, транслирующие уникальность местной культуры. На карте тувинских библиотек нового поколения представлены поэты: М. К. Олчей-оол, С. С. Сюрюн-оол, А. Уержаа. Центральная районная детская библиотека в селе Мугур-Аксы названа в честь «одного из самых известных и талантливых сказителей Тувы», О. Ч. Чанчы-Хоо [32]. С 7 апреля 2001 года Центральной библиотеке села Хову-Аксы присвоено имя уважаемого учителя Тувы, члена Союза журналистов России К. Д. Оюн [10].

Помимо внушительного пантеона советских литераторов, тесно связанных с опре-

делённой территорией, на которой расположена библиотека, стоит отметить деятелей, проявивших себя в иных сферах жизни. Например, наименования нескольких модельных библиотек посвящены отечественным лётчикам и космонавтам: Моргаушская Центральная районная детская библиотека им. А. Г. Николаева, Центральная библиотека им. Героя РФ В. П. Носова, Центральная районная библиотека им. Б. В. Панина, Военно-историческая библиотека имени Героя Советского Союза М. В. Водопьянова, Детская библиотека им. Ю. А. Гагарина, Решоткинская сельская библиотека им. Ю. П. Артюхина, Модельная библиотека им. М. Б. Корниенко. Персонифицированный нейминг последнего в данном перечне учреждения культуры уникален тем, что имя присвоено при жизни его носителя: лётчик-космонавт, Герой России Михаил Борисович Корниенко лично присутствовал на торжественной церемонии в библиотеке [4].

В продолжение темы увековечивания героев следует упомянуть библиотеку семейного чтения имени Володи Дубинина, пионера-героя, участника Великой Отечественной войны, погибшего при разминировании. Военной тематикой можно объединить модельные библиотеки имени Александра Невского, Г. И. Обатурова (советский военачальник, генерал армии), А. И. Суворова (герой Советского Союза, комиссар 1-го батальона 6-й танковой бригады).

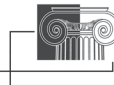
Востребован персонифицированный нейминг, посвящённый выдающимся исследователям и учёным. С 2019 года Краснобаковская библиотека носит имя Н. Г. Тумакова, известного краеведа, географа, историка и летописца. Значение краеведческой работы С. П. Кучина, инженера-геолога, популяризатора истории города Железногорска, было отмечено в наименовании местной модельной библиотеки. В этом же контексте следует отметить краеведа А. К. Салтыкова, имя которого носит детская библиотека города Мышкин Ярославской области. Хатукайская сельская модельная библиотека названа

в честь российского учёного-нартоведа и народного поэта Республики Адыгея А. М. Гадагатля. Советский и российский учёный, первый вице-президент Академии горных наук России Е. А. Котенко упомянут в Центральной библиотеке Ейска – городе, в котором он родился. В 2018 году библиотеке № 7 в Ульяновске было присвоено имя океанолога, исследователя Арктики и Антарктики А. Ф. Трёшникова. Центральная библиотека Новоспасского района названа в честь А. Д. Воейкова, агроботаника, метеоролога, а Центральная библиотека Тольятти – в честь В. Н. Татищева, известного общественного и научного деятеля XVIII века. В Липецке библиотечно-информационному центру № 8 в 2009 году было присвоено имя географа, ботаника, общественного деятеля П. П. Семёнова-Тян-Шанского. Модельная библиотека в Приокском районе Нижнего Новгорода, в котором расположено много радиопромышленных предприятий, носит имя А. С. Попова. Советского педагога и писателя А. С. Макаренко упомянули в наименовании Центральной городской детской библиотеки города Октябрьск Самарской области.

При персонифицированном нейминге не обходят вниманием и меценатов, благотворителей. Выдающийся предприниматель Урала и Сибири, коллежский советник и крупный благотворитель А. Ф. Поклевский-Козелл и вся его династия увековечены в названии Центральной библиотеки города Талица, а имя И. Н. Сахарова, московского адвоката, значится в Арзамасской Центральной районной библиотеке, поскольку она была основана на его средства в 1895 году.

Сразу две личности упомянуты в наименовании Карачевской межпоселенческой районной библиотеки, которой было присвоено имя кандидата географических наук, профессора внешней торговли Н. Н. Баранских и писательницы, первого научного руководителя Государственного Музея А. С. Пушкина, Н. В. Баранских.

Мемориальная функция персонифицированного наименования наиболее эффективна

при упоминании деятеля, связанного с территорией расположения библиотеки, даже если он проявил себя в сфере, далёкой от книжной тематики. Например, библиотека города Углич носит имя Н. Н. Старостина, директора местного часового завода, выдающегося организатора часовой промышленности. Библиотека села Филиппово Кировской области названа в честь В. А. Караваева, художника-мультипликатора, режиссёра «Союзмультфильм». В. М. Клыков, скульптор, народный художник России увековечен в наименовании Центральной библиотеки посёлка Черемисиново. Кирсинской Центральной районной библиотеке было присвоено имя Г. М. Вяземского, основателя местного завода и города.

Перечень профессий, представители которых отражены в названиях модельных библиотек, пополняется митрополитом и переводчиком – в 2017 году библиотеке города Старый Оскол было присвоено имя митрополита Макария (Булгакова), а Центральная детская библиотека носит имя А. В. Ганзен, «уроженки города Касимова, лучшей переводчицы сказок Ханса Кристиана Андерсена» [28].

В некоторых случаях при персонифицированном нейминге обращаются непосредственно к истории учреждения культуры. Так, например, в Дальнегорске Центральной городской библиотеке в 2009 году было присвоено имя К. И. Богацкой, местного библиотекаря и краеведа [25]. В свою очередь в Леушинской библиотеке Кондинского района увековечена Н. В. Лангенбах, создавшая Ханты-Мансийскую централизованную библиотечную систему, первую на Тюменском Севере, директором которой была до 1987 года [16]. Именем А. И. Харизовой, первого профессионального библиотекаря города Югорск, названа местная центральная библиотека [31]. Н. Н. Ремизов принял деятельное участие в создании Угодско-Заводской библиотеки, в дальнейшем стал её заведующим и вошёл в историю и наименование Жуковской межпоселенческой центральной библиотеки [9].

Отдельно стоит отметить библиотеку в селе Богашёво, вдохновителем и идейным двигателем её создания выступила местная жительница Л. Д. Гурковская, имя которой библиотека носит до наших дней [11].

Анализ персонифицированных названий модельных библиотек позволяет выявить тенденцию взаимосвязи территории, на которой находится учреждение культуры, и имени деятеля, указанного в наименовании.

Увековечивание в названиях библиотек выдающихся земляков и прославивших регион личностей усиливает мемориальную функцию учреждений, позволяет не затеряться среди десятков библиотек имени великих классиков. В то же время некоторые местные фамилии могут быть неизвестны за пределами конкретного региона, что может ограничивать позиционирование учреждения культуры в масштабах страны.

Топонимический нейминг является одним из наиболее доступных решений при создании названия для библиотеки. В данном процессе на первый план выходит наименование населённого пункта, в котором расположено учреждение культуры, однако в каждом случае может быть своя специфика.

При рассмотрении персонифицированного нейминга были обнаружены одинаковые обозначения библиотек, в топонимическом варианте также встречаются повторы, зачастую связанные с советским наследием. В качестве примера можно привести пять Октябрьских модельных библиотек, находящихся в разных регионах – Пермском крае, Кировской области, Волгоградской области (посёлки Октябрьский), Краснодарском крае (станция Октябрьская), Томской области (село Октябрьское). Шестой в этом перечне могла бы стать Октябрьская детская модельная библиотека, но с 2020 года она носит имя Е. Н. Трясциной, сказительницы из села Русский Сарс Октябрьского городского округа. В процессе исследования были зафиксированы также 4 Первомайские (3 в Тульской области и 1 в Томской) и 3 Знаменские библиотеки – в Красноярском крае, Тамбовской области

(Знаменка), Калининградской области (посёлок Знаменск). Чтобы не затеряться среди схожих географических обозначений, некоторые библиотеки видоизменяют топонимические наименования, например, в посёлке Победа города Шуя на улице Свердлова функционирует модельная «Библиотека на Победе». Примечательны учреждения культуры, масштабирующие названия, как, например, Кабанская центральная межпоселенческая библиотека, именуемая Байкальской, и модельная библиотека в Томске, известная под наименованием «Сибирская».

Библиотекари могут обратиться к историческому контексту местности, использовать альтернативные топонимы в нейминге. Вышневолоцкий центр детского и семейного чтения в социальных сетях позиционирует себя как «БиблиоВолок», поскольку на месте города в «древние времена проходил волок на дороге "из варяг в греки" от речки Тверца до реки Цны» [12].

Существуют названия, обыгрывающие конкретные адреса модельных библиотек: расположенная на улице Победы в городе Северск модельная библиотека-филиал «Победа» или Библиотека на улице Питео в городе Кандалакша. Здесь же следует упомянуть модельную библиотеку «Южный» в Троицко-Печорске, которую можно найти по адресу: квартал Южный, д. 12. В свою очередь наименование молодёжной модельной библиотеки «25 квартал» содержит отсылку к номеру дома – учреждение культуры находится на улице Рощинская, дом 25, город Орёл. Подобный нейминг в краткой и запоминающейся форме сообщает пользователям место расположения библиотеки.

В процессе изучения списка модельных библиотек можно было бы ошибочно предположить несколько вариантов персонализированного нейминга. Так, на первый взгляд названия Толстовской, Тургеневской библиотек и Лев-Толстовской межпоселенческой центральной библиотеки напрямую посвящены великим классикам и выполняют в основном мемориальную функцию, тогда

как на самом деле они образованы от топонимов (село Толстовка в Амурской области, село Тургеневка в Иркутской области и посёлок Лев Толстой в Липецкой области). Также наименования Солнечной центральной районной библиотеки (Хабаровский край, посёлок Солнечный) и Студенческой сельской библиотеки (Свердловская область, посёлок Студенческий) в рамках данного исследования относятся к топонимическому неймингу и не содержат концептуальных образов, характерных для иного направления работы с названиями.

Концептуальный нейминг характеризуется отражением приоритетного направления деятельности или статуса библиотеки, а также ассоциативными представлениями о ней. Акцент на «профилизации» является одним из наиболее простых вариантов наименования учреждения культуры. На карте модельных библиотек можно найти разнообразные варианты подобных обозначений: межпоселенческая центральная библиотека, городская библиотека, центральная районная библиотека. В данных случаях подчёркивание статуса учреждений в определённой степени информирует потенциальных пользователей о возможностях библиотеки. Конкретизация профиля организации усиливает обратную связь с аудиторией: читатели лучше понимают, что они могут ожидать в «Экобиблиотеке», какие возможности представлены в библиотеке семейного чтения или в муниципальной библиотеке искусств, что можно ожидать в библиотеке – литературном музее.

Примечателен отказ от слова «библиотека» в обозначении наименовании учреждения культуры и выбор в пользу позиционирования в качестве профильного центра. Подобные примеры малочисленны, но имеют место: детско-юношеский центр чтения, библиотечно-эстетический центр, информационный интеллект-центр, библиотечный информационно-культурный центр, центр по библиотечной работе с детьми, центр детского и семейного чтения, детский литературно-эстетический центр. Возможно,

одним из оснований данного позиционирования является устранение рисков стереотипного восприятия библиотеки как неактуальной организации с ограниченным набором услуг. Однако модернизация учреждений в рамках национального проекта «Культура» во многом говорит сама за себя: библиотеки проходят инновационное развитие и всё больше пользователей избавляются от устаревших стереотипов.

В концептуальном нейминге широкое поле для реализации творческих идей предоставляется при разработке запоминающихся ассоциативных названий. Среди библиотек нового поколения было найдено свыше сотни подобных примеров, наиболее примечательные из них стоит рассмотреть подробнее.

В рамках исследования было выявлено, что детские учреждения культуры и библиотеки семейного чтения чаще используют яркие образы в своих наименованиях. Детям легче запомнить понятные и близкие названия, вызывающие положительные ассоциации. Например, Центральная районная детская библиотека Улётовского района Забайкальского края позиционирует себя как «Улётная библиотека». Здесь есть элемент топонимического нейминга, поскольку учреждение находится в селе «Улёты», но при обратной связи с пользователями и в оформлении библиотека использует ассоциативные «улётные» элементы, что относит её название в разряд концептуальных. По схожему пути пошла обновлённая Центральная детская библиотека в Новокуйбышевске, получившая название «Новокубик». После модернизации детская библиотека в селе Дивное Ставропольского края стала Библиолабораторией «Формула успеха», а библиотека детского и семейного чтения в Салехарде превратилась в «Точку». Центральная детская библиотека города Соликамск в социальной сети «ВКонтакте» обозначается «Библиотека Кота в сапогах». Яркий перечень концептуального нейминга детских модельных библиотек украшают следующие наименования: «Лукоморье», «Умка», «Яблочко», «Любимая», «Золотой ключик», «Феникс», «Аист», «Ладушка»;

«Крылатая книга», «Книжная галактика». Отдельно следует отметить особое обозначение темы книги и чтения, объединяющей многие библиотеки нового поколения и представленной в самых разнообразных названиях. Например, встречается смысловая игра со словом «библио...», которое является «начальной частью сложных слов греческого происхождения (biblion), вносящая значения: книга, книжный» [6]: «БиблиоЛюб», «БиблиоЭкспресс», «Библиополе», «Библиоград», «БиблиоМаяк», «Библиогород», «БиблиоГалактика». В наименованиях также представлены прямые упоминания книг («Книжный экспресс»; «Книжный Гольфстрим»; «Книжная гавань», «Книжная радуга», «Фолиант», «Дом Тысячи Книг») и акцент на чтении («Читай-город», «Планета чтения», «Здесь читают!», Центр семейного чтения «Читать вместе!»).

Большинство модельных библиотек семейного чтения в названии подчёркивают свой статус: «Семейная библиотека», «Семейный меридиан», «Б7», «Семья», «Семья-ТЕКа» (Семья, Творчество, Единство, Книга), «Очаг». Наименование модельной библиотеки семейного чтения «Гуламта» в селе Хуртага примечательно тем, что оно обозначает «очаг в центре традиционного бурятского жилища» [7]. В контексте национальной культуры следует также упомянуть библиотеку «Вадако» в селе Панаевск Ямало-Ненецкого автономного округа, название которой в переводе с ненецкого означает «Родное слово» [26].

В одном из вышеперечисленных наименований специфика работы библиотеки образно зашифрована в аббревиатуре («Семья-ТЕКа»). Данный вариант концептуального нейминга достаточно распространён среди модельных библиотек: «БЛИК» (Библиотека, Литература, Информация, Культура), «ТОК» (Территория Открытых Книг), «К7» (Книги, Культура, Кофе, Клуб, Креатив, Компания, Комфорт), «4К» (Книга, Культура, Коммуникация, Креатив), «БИТ» (Библиотека Имени Тебя), «ЛиС» (Литература и Семья), «БИТ-21». Библиотека Инноваций и Традиций, также «Бит» с татарского языка переводится как

«страница», а цифра 21 «указывает на 21-й век и на номер здания, где находится библиотека» – вновь проявляются элементы топонимического нейминга, но концептуальные основания в данном названии преобладают [29]. Можно заметить, что набор букв в некоторых аббревиатурах складывается в слово – яркий образ, который можно активно использовать в дизайне библиотеки и оформлении её социальных сетей.

Ранее в процессе исследования были обнаружены десятки модельных библиотек с одинаковыми названиями – как персонализированными, так и топонимическими. В концептуальном нейминге также встречаются повторы: в вышеуказанном перечне две аббревиатуры (если не брать в расчёт разность расшифровок) отличаются друг от друга только добавлением номера («БИТ-21»). Но встречаются и идентичные аббревиатуры, например, в двух библиотеках «РОСТА» совпадают даже значения первой и последней буквы – Развитие и Творчество. Однако «О» и «С» расшифровываются по-разному: в одном случае как Обучение и Самореализация, а в другом – как Общение и Сотрудничество. На карте модельных библиотек можно дважды найти библиотеку «Истоки», но одна находится в городе Абакан Республики Хакасия, а другая – в Саянске Иркутской области; наконец, в селе Дмитриевка Амурской области открыта библиотека «Исток». В Салехарде функционирует библиотека «Культурный центр Наследие», а в селе Кочелаево Республики Мордовия – Арт-Библиотека «Наследие». Дублируется название «Тёплый дом»: одна библиотека была открыта в селе Новотырышкино Новосибирской области, а другая – в городе Апатиты Мурманской области.

Часть названий направлена на восприятие библиотеки как уютного и открытого пространства, в котором можно чувствовать себя, как дома: помимо вышеупомянутого «Тёплого дома» можно посетить «Открытую библиотеку», «Добрый дом», «СВОЮ ТЕРРИТОРИЮ», библиотеку «Для друзей» и просто «Дом».

Кроме «Книжной радуги» среди исследуемых учреждений культуры значится детская экологическая библиотека «Радуга» – «самое распространенное название, связанное с никому конкретно не адресованной, мимолетной, но несомненной радостью» [1, с. 221]. В этом же контексте можно учитывать наименования «Солнечная», «ПОЗИТИВ», «Доброта», «Радость».

Ряд концептуальных названий в определённой мере раскрывает преимущества и функционал библиотеки, акценты в её деятельности. Например, библиотечно-информационный центр «Социальный» «особое внимание уделяет людям с инвалидностью, пенсионерам, ветеранам войны и труда, детям-сиротам, многодетным семьям» [2]. Наименование библиотеки «Компьютерный мир» берёт своё начало в 90-х, когда «по соседству располагался компьютерный центр, а затем компьютеры появились и в самом «Компьютерном мире», на тот момент это было очень актуально среди населения» [24]. Нейминг «Библиотеки мира» раскрывается за счёт проекта «Вокруг света 365/24», который «даёт возможность читателям познакомиться с книжными выставками, посвящёнными разным странам мира» [5]. Может быть и название ««PRO100 БИБЛИОТЕКА», но оно имеет несколько подтекстов, а не только ребус, который расшифровывается, как слово «просто»: «цифра 100 символизирует 100-е микрорайоны города Улан-Удэ, поскольку эта библиотека для них – единственная; приставка «PRO» намекает на высокий профессионализм библиотекарей; PRO – это и «простор», поскольку микрорайон граничит с лесом, и «пространство», ведь библиотека позиционирует себя как «третье место» [22].

В данное направление концептуального нейминга можно также включить следующие наименования модельных библиотек: «Зелёный мир», «Доступный город», «Островок знаний», «Платформа «ГЛАГОЛ», «Светоч», «Информационный интеллект-центр 24 – Библиотека комиксов», «ЦифроУмнаяБиблиотека», «Библиотека новых возможностей»,

«Территория открытий», «Саморазвитие», «ГениУМ», «Зелёная библиотека», Информационный центр национальных культур «Нескучная библиотека», «Библиотека активного детства», «Библиотека народов Поволжья». Отдельный интерес представляет этно-библиотека «Теньгушевская семицветка». Название передаёт культурное наследие села Теньгушево в Республике Мордовия – местные жители «издавна славилась умением не просто вязать яркие, эффектные вещицы, но в разноцветном орнаменте «рассказывали» об истории и промыслах своего края» [30]. Краеведческая тема проявляется также в наименовании другой модельной библиотеки Республики Мордовия: в селе Сабаево открылась «TRAVEL-библиотека «Сурские мотивы». Проявилось внимание к истории своей территории и в названии детской библиотеки в городе Рыбинск Ярославской области – «Взлётная полоса». «Дом, в котором находится библиотека, строили моторостроители, здесь живут дети, внуки моторостроителей» [3]. На первый план выходит ассоциативный образ: «Взлётная полоса – это и стартовая полоса для развития, которой может воспользоваться любой человек, потому что обучаться можно не только в школе или вузе, но и в современной библиотеке» [3].

В схожем контексте нейминга проявляются также следующие наименования уч-

реждений культуры: «Библиотека высокого полёта», «Созвездие», «Звёздная», «Контур совы», «Глобус», «Библиотечный квартал», «5 горожан».

По итогам исследования именных библиотек нового поколения можно сделать вывод, что нейминг является одной из форм инновационного развития учреждений культуры. Из 1051 рассмотренной модельной библиотеки лишь 76 на данный момент позиционируют себя под безликими номерами. Конечно, каждая из них уникальна, имеет свою историю, самостоятельно составляет акценты в библиотечной работе, но название позволяет учреждению обрести «оригинальное лицо» и становится одним из важнейших элементов его продвижения. Это направление особенно актуально, когда при модернизации зачастую используются типовые решения по некоторым элементам дизайна, оформления книжных стеллажей, и череда модельных библиотек у стороннего наблюдателя может слиться в одну яркую кругло-волнистую картинку.

Нейминг при комплексном подходе выявляет индивидуальность библиотеки. И здесь есть выбор – сделать акцент на значимой персоне, обратить внимание на местную топонимику или же создать оригинальное концептуальное наименование. А дальше – «как вы яхту назовёте, так она и поплывёт».

Список литературы

1. *Бабич И. В.* Названия библиотек: тенденции изменения в социокультурном контексте // Библиотекоеведение. 2017. Т. 66. № 2. С. 220–227.
2. Библиотека «Социальная» Липецк. Подробная информация // Библиотека Социальная Липецк [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/socialnaya_biblioteka
3. Библиотека к взлету почти готова // Муниципальный Совет городского округа г. Рыбинск [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-137052852_7456
4. Библиотеке присвоено имя героя космоса // БезФормата [Электронный ресурс]. URL: <https://sizran.bezformata.com/listnews/prisvoeno-imya-geroya-kosmosa/104677353/>
5. Дорогие друзья! Библиотека мира реализует проект «Вокруг света 365/24» // Библиотека Мира-Магнитогорск [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall227029034_19175
6. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. 2310 с.

7. Значение слова гуламта // Dictionary.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.ru/%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%82%D0%B0.html>
8. Известные имена в названии Беркамитских улиц // Библиотека посёлка Беркамит [Электронный ресурс]. URL: <http://berkakit.nerulibr.ru/named-streets/>
9. История библиотеки // Жуковская межпоселенческая центральная библиотека имени Н. Н. Ремизова [Электронный ресурс]. URL: https://bibl-gukov.kaluga.muzkult.ru/media/2018/08/05/1225381096/Istoriya_biblioteki.pdf
10. История библиотеки // МБУК ЦБС Чеди-Хольского кожууна [Электронный ресурс]. URL: <https://7-khol-library.ru/%d0%b8%d1%81%d1%82%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%8f-%d0%b1%d0%b8%d0%b1%d0%bb%d0%b8%d0%be%d1%82%d0%b5%d0%ba%d0%b8/>
11. История библиотеки // Межпоселенческая центральная библиотека Томского района: [Электронный ресурс]. URL: https://www.bogashevlibtom.ru/content/istorija_biblioteki
12. История Вышнего Волочка // 101hotels.com [Электронный ресурс]. URL: https://101hotels.com/recreation/russia/vyshniy_volochek/history
13. История ЦБС // Хоринская центральная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.horlib.ru/library/historycbs>
14. Кириллова А. И. Кирьяк Степанович Черканов как исследователь истории быстринских эвенов // Молодой ученый. 2011. № 8 (31) [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/31/3587/>
15. Косогор О. Н. Как мы называем культурные события: нейминг в библиотеке // В помощь библиотекарям: информационно-методический бюллетень. Вологда: ВОУНБ, 2017. № 61. С. 37–51.
16. Лангенбах Нина Викторовна // Земляки – народный интернет-портал [Электронный ресурс]. URL: <https://zemlaki.okrilib.ru/o-proekte/>
17. Матлина С. Г. «Нам остается только имя...» Имя как символ и бренд библиотеки // Библиотечное дело. 2008. № 24. С. 2–6.
18. Матлина С. Г. Библионимика. Имя как символ и бренд библиотеки: постановка проблемы // Научные и технические библиотеки. 2007. № 4. С. 5–14.
19. Матлина С. Г. Имя Гоголя вдохновляет и объединяет: Значение нейминга в судьбах библиотек // Библиотечное дело. 2023. № 1. С. 31–35.
20. Машкара А. Д. Нейминг библиотек: терминологические аспекты // Библиотековедение. 2022. Т. 71, № 1. С. 39–48.
21. Мицуль Михаил Семенович // Библиотека сибирского краеведения [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/micul-mihail-semenovich>
22. Многие спрашивают, что означает название «PRO100 БИБЛИОТЕКА»? // PRO100 БИБЛИОТЕКА [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-175479928_903
23. Национальный проект «Культура». О проекте // Новая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://новаябиблиотека.рф/project>
24. Начнем с истории нашей библиотеки // Библиотека Компьютерный мир | kmir.lib [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-211138347_165
25. О К. И. Богацкой // Центральная городская библиотека им. К. И. Богацкой [Электронный ресурс]. URL: <https://dalcgb.ru/%D0%BE-%D0%B1%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B5-%D0%B8-%D1%86%D0%B1%D1%81-2/%D0%BE-%D0%BA-%D0%B8-%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B9/>

26. Открытие модельной библиотеки «Вадако» // Читающий Ямальский [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-193412427_2361
27. Павленковское движение // Челябинская областная универсальная научная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://chelreglib.ru/ru/pages/prof/profassoc/pavlenkov/#>
28. Правнучки Анны Ганзен у нас в гостях // Детская библиотека города Касимова [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-183577776_2030
29. Татарско-Пишлинская модельная библиотека, БИТ-21. Подробная информация // Татарско-Пишлинская модельная библиотека, БИТ-21 [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/tatpichlyabiblioteka?w=club105651202>
30. Теньгушевская модельная этно-библиотека. Подробная информация // Теньгушевская модельная этно-библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/tengushevskayasemitsvetka>
31. Харизова Августа Ивановна. Биография // МБУ Централизованная библиотечная система г. Югорска [Электронный ресурс]. URL: https://bibl-ugorsk.ru/history_page/kharizova/
32. Чанчы-Хөөнүң тоолун ыдып... // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва [Электронный ресурс]. URL: <https://tigpi.ru/chanchy-kh-n-toolun-ydyp/>
33. Чах Ахриев. Жизнь и творчество (к 170-летию со дня рождения) // Интернет-газета «Ингушетия» [Электронный ресурс]. URL: <https://gazetaingush.ru/obshchestvo/chah-ahriev-zhizn-i-tvorchestvo-k-170-letiyu-so-dnya-rozhdeniya>
34. Эльгяйская сельская библиотека им. И. Г. Иванова – Уйбаана Нуолура. История библиотеки // Эльгяйская сельская модельная библиотека им. И. Г. Иванова – Уйбаана Нуолура [Электронный ресурс]. URL: <https://elgyaybibl.jimdofree.com/%D0%BE-%D0%B1%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B5%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%B1%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B8/>

*

Поступила в редакцию 25.09.2023

УЧАСТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ БИБЛИОТЕК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ STEM

УДК 001.92

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-180-188>

И. Г. Юдина

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Российская Федерация,
e-mail: inna@prometeus.nsc.ru

Аннотация: В статье проведен анализ англоязычных научных публикаций и ресурсов открытого доступа, который показал, что, например, в США библиотеки стали настоящими центрами неформального научного обучения и популяризации научных знаний. В последние десятилетия в технологически развитых странах мира происходит активное формирование программ обучения и преподавания дисциплин STEM (science, technology, engineering and mathematics) с целью подготовки высококвалифицированных кадров в естественнонаучной и технической областях знания. Для координации и финансирования специализированного образования создаются системы государственных и негосударственных организаций. STEM включает в себя проведение образовательных мероприятий как в формальных, так и в неформальных условиях. Установлено, что обучение в неформальной среде положительно влияет на усвоение знаний, на отношение к науке и профессиям, связанным с наукой. Одной из площадок экосистемы обучения STEM являются библиотеки, которые становятся важным местом для осуществления неформального образования через организацию научно-просветительских событий, предназначенных для разновозрастной аудитории. Включение американских библиотек в реализацию образовательных проектов способствовало расширению функций библиотечных работников и послужило причиной введения должности STEM-библиотекаря. Большую роль в продвижении образовательных программ STEM играет проект STAR Library Network (STAR_Net), который функционирует как национальная профессиональная сеть.

Ключевые слова: научная грамотность, популяризация науки, STEM-образование, неформальное научное образование, библиотеки, STEM-библиотекарь.

Для цитирования: Юдина И. Г. Участие зарубежных библиотек в образовательных программах STEM // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 180–188. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-180-188>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Современное состояние и тенденции развития коммуникаций российской науки с обществом»; код – FWZE-2022-0012, рег. № НИОКР 1021053106841-4-1.2.1;5.8.3

ЮДИНА ИННА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории информационно-системного анализа, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук

YUDINA INNA GENNADIEVNA – CSc in Pedagogy, Head Scientist Researcher, Laboratory for Information and System Analysis, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

© Юдина И. Г., 2023

PARTICIPATION OF FOREIGN LIBRARIES IN EDUCATIONAL PROGRAMS STEM

Inna G. Yudina

State Public Scientific and Technical Library
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation,
e-mail: inna@prometeus.nsc.ru

Abstract: The article analyzes English-language scientific publications and open access resources, which showed that, for example, in the United States, libraries have become real centers of informal scientific learning and the popularization of scientific knowledge. In recent decades in many countries there is an active development of STEM (science, technology, engineering and mathematics) programs. The main goal of this process is to train qualified manpower in STEM. To coordinate and finance specialized education a system of state and non-state organizations was established. STEM includes educational activities in both formal and informal settings. Researchers have established that non-formal learning has a more positive effect on the assimilation of knowledge, on attitudes towards science and on the occupation of professions related to science. One of the platforms of STEM learning ecosystem are libraries. They are becoming an important venue for non-formal education through science outreach activities for audiences of different ages. The inclusion of US libraries in STEM programs has expanded the librarian functions. In connection with this, the position of STEM librarian appeared. The STAR Library Network (STAR_Net) project as a national professional network plays a major role in promoting STEM education programs.

Keywords: library, popularization of science, STEM education, informal science education, library science outreach activities, STEM librarian.

For citation: Yudina I. G. Participation of foreign libraries in educational programs STEM. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 180–188. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-180-188>

Acknowledgments: The article prepared as part of the project "The current state and trends in the development of Russian science communications"; code – FWZE-2022-0012, reg. No. 1021053106841-4-1.2.1; 5.8.3

Многие современные западные политики и ученые утверждают, что широко распространенная научная грамотность, а также специальные знания в области STEM являются критически важными компетенциями человека в экономике XXI века [12]. Термин STEM (Science, Technology, Engineering and Mathematics) относится к обучению и преподаванию естественных наук, технологий, инженерного дела и математики. Этим термином обозначают также подход к обучению с помощью простой и доступной визуализации научных явлений, которая позволяет легко охватить и получить знания на основе практики и глубокого понимания процессов. Дисциплины STEM считаются связанными друг с другом и рассматриваются как важней-

шие элементы в подготовке нового поколения технологически и научно грамотных граждан. STEM-грамотность – это способность идентифицировать и применять основные концепции в области естественных наук, технологий, инженерного дела и математики для понимания сложных проблем и внедрения инноваций для их решения [24]. Развитие научной грамотности представляет собой динамический процесс и является частью непрерывного образования.

Формирование STEM как объединения междисциплинарного и прикладного подходов в образовании началось в США в конце 1990-х годов. Именно в этот период американцы столкнулись с проблемой, когда квалификация рабочих кадров не со-

ответствовала требованиям действующих высокотехнологичных компаний, в связи с чем появилась необходимость в пересмотре государственных образовательных стандартов и в обновлении учебных программ [2]. Акроним «STEM» был предложен в 2001 году учеными Национального научного фонда (National Science Foundation, NSF) США для обозначения тренда в профессиональной образовательной сфере, который послужил ориентиром для обновления системы подготовки современных инженеров и исследователей в вузах. Идея была поддержана правительством, крупнейшими корпорациями страны, образовательными и общественными организациями, включая Американскую библиотечную ассоциацию (American Library Association, ALA). После подписания Закона «О координации действий в области STEM-образования» (STEM Education Coordination Act of 2009) принципы STEM стали активно применять университеты при формировании образовательных программ, а затем этот подход распространился на школьное и дошкольное образование. Постепенно новая концепция была подхвачена во многих странах мира и стала основой национальной образовательной политики в Австралии, Великобритании, Канаде, США и других странах [3]. В этих странах выстроены различные системы координации и управления программами STEM-образования. Например, в Великобритании координацией его развития занимаются две ключевые организации: STEMNET и EngineeringU K. В США координацией федеральных программ и мероприятий в области STEM-образования занимается Комитет при Научно-технологическом совете (National Science and Technology Council, NSTC), который курирует STEM-программы Министерства энергетики (United States Department of Energy, DOE), Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (National Aeronautics and Space Administration, NASA), Национального управления океанических и атмосферных исследований (National Oce-

anic and Atmospheric Administration, NOAA), Министерства образования (United States Department of Education, ED) и других федеральных органов государственной власти [4].

Необходимо отметить, что в нашей стране активное развитие нового направления подготовки кадров началось в 2010 году, когда многие российские вузы вступили в международную сеть лидеров образования STEM. В 2014 году Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию поручил вывести на мировой уровень инженерное образование в РФ, что было закреплено в Указе Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О стратегии научно-технического развития Российской Федерации» [1; 5].

STEM включает в себя образовательные мероприятия для всех возрастных групп, как в формальных, так и неформальных условиях. Ученые установили, что обучение в неформальной среде положительно влияет на усвоение знаний, на отношение к науке и к занятию профессиями, связанными с наукой [17]. Данный подход позволяет устанавливать междисциплинарные связи, применять полученные знания на практике, осуществлять проектную и исследовательскую деятельность, а также способствует повышению научной грамотности общества. Просветительские мероприятия STEM могут проходить в различных неформальных учебных заведениях, например, в аквариумах, библиотеках, зоопарках, музеях, научных центрах. Вместе эти неформальные площадки составляют экосистему обучения STEM [23].

Поскольку участие зарубежных библиотек и, в частности, библиотек США в неформальных образовательных проектах STEM, становится все более активным, то представляется целесообразным провести изучение положительного опыта зарубежных коллег. Отметим, что основу обзора литературы составили англоязычные работы, опубликованные преимущественно в последнее десятилетие. Что касается применения STEM-проектирования в отечественных библио-

теках, то описание подобных новаций пока редко встречается на страницах научных библиотечных изданий.

Включение библиотек в продвижение STEM-образования. Участие в программах STEM представителей библиотечного сообщества связано в первую очередь с популяризацией науки и продвижением научной грамотности. В 2013 году на Всемирном библиотечном и информационном конгрессе ИФЛА (International Federation of Library Associations and Institutions, IFLA), как одной из самых авторитетных международных профессиональных площадок, впервые рассматривалась тема «Education and training for STEM (Science, Technology, Engineering, Medicine) librarianship: an international perspective», что стало дополнительным импульсом к внедрению инновационных образовательных практик в библиотеки разных стран мира [15].

Известно, что предоставление доступа к знаниям всегда было основной целью деятельности библиотек. Они являются единственными государственными учреждениями, предлагающими разным группам населения бесплатный доступ к информации, технологиям и услугам образовательного характера. В последнее десятилетие зарубежные библиотеки переходят от хранения книг к продвижению научной грамотности и непрерывного образования путем предложения обучающих мероприятий STEM для взрослых и детей [11; 22]. Участие библиотек в STEM-программах позволяет привлекать дополнительное финансирование, развивать партнерские отношения и добиваться поддержки со стороны сообщества [14]. Образовательные инициативы поддерживаются федеральными и государственными грантами, а также – грантами благотворительных фондов и некоммерческих организаций.

Библиотеки, участвуя в неформальных образовательных программах и проектах STEM, осуществляют следующие цели: 1) развитие интереса разновозрастной аудитории к STEM; 2) создание потенциала для вовлечения граж-

дан в изучение дисциплин STEM; 3) привлечение особого внимания к обучению STEM.

На основе анализа реализованных проектов STEM представителями публичных библиотек США были разработаны и предложены следующие рекомендации:

1. Сотрудничать с заинтересованными сторонами STEM, включая педагогов, внешкольных сотрудников и/или экспертов в неформальных учреждениях STEM;
2. формировать партнерские отношения с организациями, которые нацелены на работу с молодежью;
3. быть нацеленными на молодежь K-12¹, исторически «недопредставленную» в STEM, и их семьи;
4. сделать программы STEM доступными для всей молодежи;
5. развивать прочные и длительные отношения между взрослыми и молодежью;
6. предоставлять библиотекарям возможности для обучения и профессионального развития, направленные на стратегии содействия STEM;
7. осуществлять оценку программ STEM, а также контролировать и отслеживать их результаты;
8. делиться результатами реализованных проектов с заинтересованными сторонами [20].

Национальные опросы специалистов публичных библиотек США, проведенные в 2016 и 2019 годах, показали, что преобладающее большинство сотрудников готово к участию в процессе внедрения STEM-обучения [21; 13], при этом библиотеки признаются идеальной средой для разработки и реализации образовательных программ.

¹ K-12 – это выражение в американском английском, обозначающее диапазон лет (от детского сада до 12-го класса), поддерживаемого государством начального и среднего образования в Соединенных Штатах, который аналогичен поддерживаемым государством школьным классам до поступления в колледж в некоторых других странах, таких как Австралия, Канада, Китай и др.

Информационная и ресурсная поддержка участия библиотек в программах STEM.

Ряд национальных организаций США оказывает поддержку неформальному образованию и программам STEM в публичных библиотеках, предоставляя результаты научных исследований, информационные ресурсы и финансирование. Например, благодаря финансовой поддержке Национального научного фонда США в 2009 году был создан национальный образовательный проект для библиотек, который получил название STAR (Science, Technology, Activity and Resources) Library Network (STAR_Net)². Проект был реализован Национальным центром интерактивного обучения (National Center for Interactive Learning, NCIL) Института космических исследований (Space Science Institute, SSI) совместно с Американской библиотечной ассоциацией (The American Library Association, ALA) и Институтом исследования Луны и планет (Lunar and Planetary Institute, LPI). Члены команды STAR являются высококвалифицированными специалистами, которые участвуют как в библиотечных мероприятиях (например, в ежегодном собрании Американской библиотечной ассоциации), так и в мероприятиях STEM (например, в собрании Американского геофизического союза). Все проекты, подготовленные командой STAR, имеют высокие экспертные оценки, а на основе большинства проектов проводились исследования в области образования. Анализ деятельности программы STAR_Net показал, что этот проект оказывает положительное влияние на сообщество библиотек. В частности, были отмечены следующие тенденции: увеличение числа библиотек, проводящих мероприятия, связанные со STEM; повышение интереса и вовлеченности посетителей в темы STEM [9].

Сеть библиотек STAR или STAR_Net функционирует как национальная профес-

сиональная сеть. Она обслуживает сообщество публичных библиотек и насчитывает в настоящее время более 8 000 членов. Проект помогает библиотечным специалистам содействовать продвижению STEM среди своих посетителей путем разработки мероприятий и ресурсов научно-популярного характера.

Примером одного из масштабных событий, организованных STAR, является распространение среди 4 000 библиотечных организаций по всей территории США 2,1 миллиона очков для наблюдения за солнечным затмением в 2017 году. Библиотеки-участницы провели около 35 000 научных программ до и во время затмения, охватив (по разным оценкам) около 1 750 000 человек [10]. Подобные программы свидетельствуют о том, что в библиотечном секторе США происходит процесс формирования движения STEM [19].

Другой популярной активностью STAR_Net для публичных библиотек стали передвижные выставки о науке и технологиях «Explore». Так, например, в 2015–2018 годах экспозиции были посвящены следующим темам: «Explore Earth: Our Changing Planet»; «Explore Space: Our Solar System and Beyond»; «Explore Tech: Engineers Make a World of Difference». Выставки включали в себя мультимедийные компоненты, которые позволяли посетителям взаимодействовать с динамическим информационным контентом. Все библиотеки-грантополучатели получали право бесплатного показа восемь дней, а также – денежный грант в размере 1 000 долларов США для покрытия расходов на организацию выставки и рекламный материал, предназначенный для продвижения грамотности STEM.

В 2023 году Национальный центр интерактивного обучения Института космических исследований предлагает библиотекам интерактивную передвижную выставку «Discover Exoplanets: the Search for Alien Worlds»³ в рамках национального тура. Выставка посвящена проблеме поиска жизни на других

² The STAR Library Network (STAR_Net) – сообщество библиотечных и STEM профессионалов, работающих совместно над улучшением обучения STEM в публичных библиотеках США. URL: <https://www.starnetlibraries.org/> (дата обращения: 21.12.2023).

³ URL: <https://www.starnetlibraries.org/about/our-projects/discover-exoplanets/> (дата обращения: 21.12.2023).

планетах и методам, которые используют ученые НАСА для поиска экзопланет. Выставка, как и все вспомогательные образовательные материалы, входит в программы практического обучения для библиотек и их сообществ, является частью проекта STAR, а также – проекта «NASA'S Universe of Learning»⁴. Передвижная выставка включает в себя оценку неформального обучения STEM в библиотеках и музеях, двухдневный ознакомительный семинар, семинар по планированию программы выставки, консультации по разработке образовательных программ STEM и выездным мероприятиям.

Виртуальной основой проекта STAR является портал STAR_Net⁵, который разработан в помощь библиотечным специалистам с целью развития у них навыков STEM-проектирования. Портал обеспечивает сообществу доступ к вебинарам, ежемесячным информационным бюллетеням, блогам, мероприятиям STEM, контактам партнеров для сотрудничества при организации занятий STEM, руководствам по фасилитации⁶, подборкам рекомендованных книг, к Информационному центру STEM и другим полезным материалам. Проект максимально полно представлен также в социальных сетях, включая Facebook, Twitter, YouTube и Flickr.

Значимая часть портала – Информационный центр STEM⁷, который позиционируется как бесплатный универсальный «магазин» реализованных активностей STEM, разработанных с учетом библиотечной специфики. База данных (БД) Информационного центра содержит около 600 образовательных меро-

приятий. Поиск в БД возможен по следующим параметрам: возрастная группа целевой аудитории; продолжительность проведения мероприятия; время, необходимое для подготовки мероприятия; стоимость расходных материалов для проведения мероприятия; уровень сложности контента мероприятия; научная дисциплина, которой посвящено мероприятие; наличие дополнительных справочных ресурсов; язык проведения мероприятия и т. д. Все практики, как правило, снабжены реальными фотографиями или видеороликами, предоставленными библиотеками. Приведем примеры названий некоторых мероприятий из коллекции Информационного центра: «We Are Water», «Solar Eclipse Activities for Libraries», «Weather and Climate», «Citizen Science» и т. д. Благодаря БД Информационного центра, библиотекари могут найти не только идеи, но и получить советы, подробные инструкции и рекомендации для проведения научно-просветительских мероприятий.

Подготовка STEM-библиотекарей.

Включение инициатив STEM в деятельность библиотек США до сих пор вызывает дискуссии и споры о том, стоит ли заниматься организацией подобных мероприятий в библиотеках. Кто должен отвечать за проведение развивающих и обучающих занятий? Относится ли подобная деятельность к традиционной деятельности библиотек [16, с. 16]? По мнению западных ученых, библиотеки всегда были местом, где хранятся книги, а также – местом для развития навыков чтения и информационной грамотности. Формальное образование библиотекарей было направлено на развитие именно этих компетенций. С появлением в библиотеках программ, поддерживающих развитие STEM-образования, изменились и обязанности библиотекарей: они стали брать на себя роль преподавателей STEM. Так, эволюция библиотечного обслуживания оказала влияние на развитие библиотечных услуг, в том числе за счет выполнения библиотечными сотрудниками функций так называемых *общественных педагогов*. С этой позиции STEM хорошо вписывается

⁴ URL: <https://www.universe-of-learning.org/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁵ URL: <https://www.starnetlibraries.org/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁶ Фасилитация (от англ. facilitate – помогать, направлять) – это профессиональная организация процесса групповой работы, направленная на достижение группой поставленных целей.

⁷ STEM Activity Clearinghouse. URL: <https://clearinghouse.starnetlibraries.org/> (дата обращения: 21.12.2023).

в миссию библиотек как общественного просветителя, а не только хранителя информационных ресурсов [6].

В последнее десятилетие в штат большого количества публичных и академических библиотек США была введена должность STEM-библиотекаря, в обязанности которого входит разработка и проведение учебных мероприятий и программ для разновозрастной аудитории. В связи с тем, что сотрудникам приходится фокусироваться на содействии неформальному обучению пользователей, появилась необходимость в обновлении старых и разработке новых специальных пособий и учебных программ [8] с целью отражения инновационных тенденций в библиотечном деле, особенно в области STEM [6; 7].

Для удовлетворения образовательных потребностей пользователей и обеспечения высокого качества обслуживания при продвижении STEM-грамотности обучение и переподготовка персонала библиотек становится главным приоритетом. В связи с тем, что происходит постоянный рост количества исследований в области естественных наук, технологий, инженерии и математики, библиотечный персонал должен актуализировать полученные ранее теоретические и практические знания, чтобы соответствовать ожиданиям потребителей. Один из опросов, проведенный с целью выявления навыков, которыми необходимо овладеть сотрудникам библиотек при реализации проектов STEM, показал, что библиотекари должны хорошо разбираться в новых технологиях, обновлять свою научную и цифровую грамотность, уметь управлять клиентской базой для эффективного предоставления услуг. Кроме того, STEM-библиотекарям необходимо постоянно повышать свою квалификацию для использования иммерсивных технологий и приобретения навыков критического мышления [18].

Особую роль в подготовке STEM-библиотекарей играет проект The STAR Library Network – STAR_Net, о котором мы упоминали выше. В 2016 году под руко-

водством и при участии команды проекта STAR_Net 2.0 был проведен национальный опрос «STEM in Libraries», который позволил узнать мнение библиотекарей о том, какое обучение и ресурсы были бы наиболее полезны для развития STEM-программ в публичных библиотеках США. Респонденты отметили необходимость наличия методик проведения практических занятий по дисциплинам STEM, примеров идей программ и проектов, источников готовых материалов и наборов для образовательных программ. Очное обучение в библиотеках было названо наиболее ценным видом профессионального обучения. Второе место по востребованности заняли вебинары. К важнейшим источникам обучения библиотекари отнесли сообщество практиков в области STEM, которое наиболее успешно благодаря тому, что его члены имеют общие цели и являются единомышленниками, готовыми обсуждать проблемы и планировать совместные проекты. По итогам проведенного анкетирования авторы опроса сформулировали следующие предложения для своих коллег:

- разработать и распространить готовые программы и инструкции для библиотечных специалистов, доступные в режиме онлайн;
- предоставить конкретные примеры мероприятий, методик и игр, которые, как показала практика, являются эффективными при обучении концепциям STEM, особенно в математике;
- интегрировать темы STEM в существующие программы, наиболее популярные среди пользователей;
- проводить обучение библиотечных специалистов, как очное, так и онлайн, ориентированное на знания и навыки в области STEM [13].

В результате проведенного анализа научной литературы и открытых источников информации установлено, что в последние десятилетия за рубежом, в частности, в США происходит активное развитие обучения и преподавания дисциплин STEM в формаль-

ной и неформальной среде. Одной из неформальных площадок экосистемы обучения STEM является библиотека. Предлагая свои услуги бесплатно, публичные библиотеки становятся важным местом для неформального образования в области естественных наук, технологий, инженерного дела и математики путем организации научно-просветительских мероприятий для разновозрастной аудитории. На основе изучения накопленного практического опыта сотрудники публичных библиотек США разрабатывают рекомендации проведения образовательных мероприятий STEM, которые носят универсальный характер и могут быть адаптированы и применены библиотечными учреждениями разных стран. Участие американских библиотек в программах STEM повлекло за собой расширение функциональных обязанностей сотрудни-

ков библиотек; появилась должность STEM-библиотекаря, которая требует специальной подготовки.

Большую роль в продвижении программ STEM в американских библиотеках играет национальный проект The STAR Library Network (STAR_Net), в рамках которого проводятся масштабные научно-просветительские акции. Портал STAR_Net известен своей коллекцией реализованных активностей STEM, содержащей идеи мероприятий, советы, подробные инструкции и рекомендации для организации научно-просветительских событий.

Таким образом, в последнее десятилетие за рубежом и, в частности, в библиотечном деле США происходит эволюция библиотечного обслуживания за счет преобразования библиотек в центры неформального обучения, особенно обучения STEM.

Список литературы

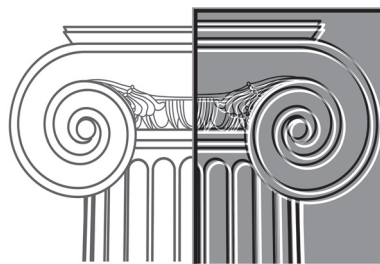
1. *Корецкий М. Г., Тукаева Л. Р.* Развитие STEM-подхода в России и мире // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 4. С. 148–153.
2. *Мокишина Ю. Л.* STREAM-образование: новые формы педагогических технологий для приобщения современных школьников к чтению классической литературы. К постановке вопроса // Современное образование. 2019. № 1. С. 63–71.
3. *Мусина Л. М.* Продвижение STEM-образования в России // Образовательное пространство в информационную эпоху: сборник научных статей международной научно-практической конференции. Москва, 07–08 июня 2022 г. Москва: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022. С. 155–159.
4. *Рудской А. И., Боровков А. И., Романов П. И., Киселева К. Н.* Анализ опыта США и Великобритании в развитии STEM-образования // Научно-технические ведомости СПбПУ. Естественные и инженерные науки. 2017. № 2. С. 7–16.
5. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» / Президент России: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>
6. *Baek J. Y.* The accidental STEM librarian: an exploratory interview study with eight librarians / Space Science Institute; National Center for Interactive Learning. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://ncil.space-science.org/images/papers/Baek_The%20Accidental%20STEM%20Librarian.pdf
7. *Baek J. Y.* Public libraries as places for STEM learning: an exploratory interview study with eight librarians / Space Science Institute; National Center for Interactive Learning. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://ncil.space-science.org/images/papers/Baek_Public%20Libraries%20as%20Places%20for%20STEM%20Learning.pdf
8. *Dunn L. G., Buljung B. B., Bongiovanni E., Kraus J.* Building the STEM librarian skill set: an exploratory study to identify skills for STEM librarians / Ascending into an open future: proceedings of the ACRL 2021 virtual conference, April 13–16 2021. Chicago: Association of College and Research Libraries, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://repository.mines.edu/handle/11124/176395>

9. *Dusenbery P. B.* STAR library education network // Informal learning review. 2014. № 125, P. 6–12. [Электронный ресурс]. URL: <https://ncil.spacescience.org/images/papers/Dusenbery-ILR-125-2014.pdf>
10. *Dusenbery P., Fraknoi A., Schatz D., Duncan D., Holland A., LaConte K., Mosshammer G.* Eclipse 2017: A celestial achievement for public libraries. A final report for the Gordon and Betty Moore Foundation. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://ncil.spacescience.org/images/papers/Moore-Final-Report>
11. *Garmer A. K.* Rising to the challenge: re-envisioning public libraries: A report of the Aspen Institute dialogue on public libraries. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/2014/10/Aspen-LibrariesReport-2017-FINAL.pdf>
12. *Gonzalez H. B., Kuenzi J. J.* Science, technology, engineering, and mathematics (STEM) education: A Primer. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R42642.pdf>
13. *Hakala J. S., MacCarthy K., Dewaele C., Wells M., Dusenbery P., LaConte K.* STEM in public libraries: National survey results. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://ncil.spacescience.org/images/papers/FINAL_STEM_LibrarySurveyReport.pdf
14. *Hopwood J.* Initiating STEM learning in libraries // Children and Libraries. 2012. Vol.10, № 2. Pp.53–55. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.journals.ala.org/index.php/cal/article/viewFile/43/18#page=54>
15. IFLA World Library and Information Congress. 79th IFLA General Conference and Assembly, 17–23 August 2013, Singapore. [Электронный ресурс]. URL: <https://library.ifla.org/view/conferences/2013/2013-08-22/198.html>
16. *MacKellar P. H.* The accidental librarian. Medford, N.J.: Information Today, Inc., 2008. 406 p.
17. Learning science in informal environments: people, places, and pursuits. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17226/12190>
18. *Oyelude A. A., Akin-Fakorede O. O.* New skillsets for future science, technology, engineering and mathematics (STEM) library workforce / Paper presented at: IFLA WLIC 2019 – Athens, Greece. Libraries: dialogue for change in Session 82 – Academic and Research Libraries & Health and Biosciences. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://library.ifla.org/id/eprint/2572/>
19. *Shtivelband A., Riendeau L. E., Jakubowski R.* Building upon the STEM movement: Programming recommendations for library professionals // Children and Libraries. 2017. Vol.15, № 4. Pp.23–26. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.ala.org/index.php/cal/article/view/6510>
20. *Shtivelband A., Riendeau L., Wallander-Roberts A., Jakubowski R.* Implementing effective STEM programming in public libraries: eight recommendations. Report to Space Science Institute's National Center for Interactive Learning. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://ncil.spacescience.org/images/papers/Research-White-Paper-121216.pdf>
21. *Shtivelband A., Spahr K. S., Jakubowski R., LaConte K., Holland A.* Exploring «STEM-Readiness» in public libraries // Journal of Library Administration. 2019. Vol.59, № 8. Pp.854–872.
22. STEAM (Science, Technology, Engineering, Arts, & Math). Programming toolkit. 2013, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ala.org/yalsa/steam-toolkit>
23. *Traphagen K., Traill S.* How cross-sector collaborations are advancing STEM learning. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://smile.oregonstate.edu/sites/smile.oregonstate.edu/files/stem_ecosystems_report_execsum_140128.pdf
24. *Zollman A.* Learning for STEM literacy: STEM literacy for learning // School Science and Mathematics. 2012. № 1. Pp.12–19.

*

Поступила в редакцию 20.12.2023

РЕЦЕНЗИИ

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
НЕЖЕНЕЦ Н. И., НЕЖЕНЕЦ И. Н. ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВВ., МОСКВА:
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР МГИК, 2023. 578 С.)

УДК 94(470+571)”17/1917”

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-190-193>

В. А. Волобуев

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: volobuev3@yandex.ru

Аннотация: Рецензия на монографию авторов Неженец Н.И., Неженец И.Н. «Очерки русской литературы XIX–XX вв.» представляет собой характеристику внутреннего смыслового единства этой работы. По убеждению авторов монографии, в русской литературной классике основные вопросы человеческого бытия – добро, красота, подвиг и святость, борьба жизни и смерти – решаются на уровне древнегреческого эпоса и идущей от Гомера классической литературной традиции. В монографии дано новое прочтение «Евгения Онегина» Пушкина, «Войны и мира» Льва Толстого, «Братьев Карамазовых» Достоевского, «Тихого Дона» Михаила Шолохова и других шедевров русской словесности. Авторам удалось объединить шедевры русской литературы XIX века и советской литературы XX века художественными средствами, созданными гениями русской литературы на основе решения в них эпических проблем в контексте русской жизни.

Ключевые слова: русская литература, художественный гений, эпос, трагедия, смысл бытия, народная душа, Гомер, Пушкин, Толстой, Шолохов, Твардовский.

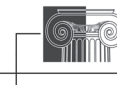
Для цитирования: Волобуев В. А. Новое прочтение русской классической литературы (Рецензия на монографию: Неженец Н. И., Неженец И. Н. Очерки русской литературы XIX–XX вв., Москва: Издательский центр МГИК, 2023. 578 с.) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 190–193. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-190-193>

NEW READING OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE (REVIEW OF
THE MONOGRAPH: NEZHENETS N. I., NEZHENETS I. N. ESSAYS
ON RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH–20TH CENTURIES,
MOSCOW: MSIC PUBLISHING CENTER, 2023. 578 PP.)

ВОЛОБУЕВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Московский государственный институт культуры

VOLOBUEV VIKTOR ALEKSEEVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Moscow State Institute of Culture

© Волобуев В. А., 2023

Viktor A. Volobuev

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: volobuev3@yandex.ru

Abstract: The review of the monograph by the authors Nezhenets N. I., Nezhenets I. N. "Essays on Russian Literature of the XIX–XX centuries" is a characterization of the inner semantic unity of this work. According to the authors of the monograph, in the Russian literary classics the main issues of human existence – goodness, beauty, feat and holiness, the struggle of life and death – are solved at the level of the ancient Greek epic and the classical literary tradition coming from Homer. The monograph gives a new reading of Pushkin's Eugene Onegin, Leo Tolstoy's War and Peace, Dostoevsky's The Brothers Karamazov, Mikhail Sholokhov's The Quiet Don and other masterpieces of Russian literature. The authors managed to unite the masterpieces of Russian literature of the 19th century and Soviet literature of the 20th century on the basis of solving epic problems in the context of Russian life and by artistic means created by the geniuses of Russian literature.

Keywords: Russian literature, artistic genius, epic, tragedy, meaning of existence, people's soul, Homer, Pushkin, Tolstoy, Sholokhov, Tvardovsky.

For citation: Volobuev V. A. New reading of Russian classical literature (Review of the monograph: Nezhenets N. I., Nezhenets I. N. Essays on Russian literature of the 19th–20th centuries, Moscow: MSIC Publishing Center, 2023. 578 pp.). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 190–193. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-190-193>

Издание монографии авторов Н. И. Неженца и И. Н. Неженца стало интеллектуальным событием в жизни Московского государственного института культуры. Обучение хореографов, музыкантов, режиссеров, не говоря о специалистах в области истории и теории культуры, требует особой гуманитарной подготовки. Но здесь недостаточно общей эрудиции и воспитания художественного вкуса. Каждый деятель искусства уникален, и его талант означает не только знание, но и способность особого проникновения, вчувствования в произведение искусства. Здесь уместно вспомнить О. Шпенглера с его методом «вживания» в душу каждой культуры, без чего не понять духовной жизни прошлых веков и современности [3, глава 5]. Искусство тех, кто преподаёт гуманитарные дисциплины, – в умении развить эту способность у студентов. Рациональное понимание культуры всегда вторично, а его основа – погружение в душу создателя и самого произведения, что, на наш взгляд, и демонстрируют авторы «Очерков русской литературы XIX–XX вв.».

Монография «Очерки русской литературы XIX–XX вв.» далека от академическо-

го издания. В ней не представлена строгая хронология, разделение на этапы или классификация литературных направлений. Эту монографию структурируют не внешние рациональные принципы, а внутреннее смысловое единство. В его основе вечный круг вопросов, на которые по-своему отвечал уже Гомер, а затем Данте, Шекспир, Гете и, наконец, равный им Александр Пушкин, «генетически мудро пестуя на русский лад вопросы жизни и смерти, красоты и добра, личной свободы и всеобщего нравственного порядка на земле» [1, с. 7]. «Логическая справедливость, с какою русский поэт занял это место в кругу избранных гениев человечества, – отмечают далее авторы, – определяется в первую очередь величиною его творческого духа, равноценно соотношенного с движением истории» [1, с. 8].

Авторы убеждены в том, что величие русской словесности можно понять и прочувствовать в контексте мирового культурного развития. Вот почему в монографии о русской словесности органичен рассказ о гомеровской «Илиаде», в которой уже задана такая чистота и возвышенность художественной мысли, к какой последующая мирская поэзия только

склонялась, но не могла перешагнуть ее во всей незыблемой полноте и совершенстве эпической поэмы Гомера. Гомер пропел поэтическую думу о существовании сущего. Данте, поднявшийся «в рост» Гомеру, представил смысловую картину, раскрывавшую всю трагическую безысходность земного бытия. Шекспир, исследуя земное бытование, погрузил человека в анналы трагической безысходности. Романтик Гете только указал направление действия, обещавшее подвести мир к очертаниям гармонического обустройства жизни. Существо же гармонии, ее содержание в жизни вещей, – пишут авторы, – было реалистически раскрыто современником Гете, нашим поэтом Пушкиным. «По сути, Пушкин, вставший «в рост» с величайшими творцами в искусстве слова, первым объяснил и, объяснив, возвратил мировой литературе идею гармонии мирского бытия, высказанную Гомером, но скоро утраченную после него» [1, с. 18].

В данном пункте авторы опираются на свое понимание русской идеи, которая в XIX и в начале XX века выражала национальный идеал – русский взгляд на мировую гармонию и движение к ней. Своеобразие искусства, с авторской точки зрения, в том, что эстетический идеал как образное представление о желаемом, а точнее, воспроизведение «прекрасного как должного» раскрывает свое содержание через соотнесение его с правдой жизни художественном произведении, начиная уже с творческого замысла [2, с. 531]. Вот почему свое высшее и адекватное выражение русская идея нашла в классической русской литературе XIX века¹.

В том же ряду, что и Пушкин, в рецензируемой монографии стоят Толстой, Достоевский и Шолохов. Радикализм присущ русской душе. Сегодня он проявляет себя в радикальном отказе от советского прошлого. Но «отменяя» советскую культуру и литературу, мы

¹ Отдельная статья в монографии посвящена произведению «гомеровской» направленности в русской культуре – «Слову о полку Игореве», создателем которого – по итогам собственного разыскания – авторы считают Беловолода Просовича.

разрываем связь времен в русской истории, какой бы трагической она ни была. Трагизм «Тихого Дона» Михаила Шолохова не уступает трагизму «Войны и мира» Льва Толстого. «В своих жанрово-стилевых исканиях, – читаем мы в монографии, – Шолохов, естественно, подпитывался творениями Гомера и Толстого. Его эпопея, куда он органично привнес трагическое начало, как бы соединила в себе типы жанрового построения, заявленные в «Илиаде» и «Одиссее», с идеей вселенского «эпического состояния», которой вдохновлялся автор «Войны и мира» [1, с. 22].

Подробное всматривание в суть бытия авторы демонстрируют во внимательном рассмотрении «Евгения Онегина» Пушкина, «Войны и мира» и «Анны Карениной» Льва Толстого, «Братьев Карамазовых» Достоевского. Дополняют этот анализ менее масштабные образы творчества Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Чехова.

Авторское прочтение русской литературы в предлагаемой монографии, как уже было сказано, не обрело бы цельности без анализа советского периода, который занимает почти половину монографического исследования. Здесь не только «Тихий Дон» Шолохова, но и «Жизнь Клима Самгина» Горького, «Русский лес» и «Пирамида» Леонида Леонова.

Отдельно следует сказать об авторском взгляде на военную поэзию и прозу в предлагаемой монографии. В произведениях о Великой Отечественной войне проявилось величие русской идеи, несмотря на атеистическую идеологию эпохи. Особое внимание отводится поэме Александра Твардовского «Василий Теркин», в которой, по мнению авторов, язык сплавляет литературную норму с разговорно-бытовыми выражениями. Сам стиль поэмы Твардовского приближается к фольклорному. Форма эпического сказа позволяет авторам именовать Твардовского «Гомером XX века». Именно так названа в монографии глава об этом выдающемся советском поэте.

Как и должно быть в эпосе, главная тема в поэме «Василий Теркин» – это борьба жиз-

ни и смерти. В освещении этой темы в поэме, подчеркивают авторы, много иронии, что не умаляет величия русского солдата, который побеждает смерть не только за счет личной храбрости, но и благодаря боевому товариществу, сплочению советских людей, которые, как и в давние времена, объединялись в борьбе с врагами и природной стихией. Глубинные нравственные основы нашего народа нашли свое талантливое выражение в так называемой «лейтенантской» прозе и поэзии. В монографии мы находим тонкое понимание романа Юрия Бондарева «Горячий снег».

Отдельно отметим авторское умение адекватно оценивать историческое содержание и индивидуальный стиль разных, порой противоположных, произведений, какими являются, с одной стороны, революционный стих Маяковского, а с другой – стиховое говорение Пастернака.

В заключении, которое называется «Гений, талант, посредственность», авторы

констатируют, что только в искусстве мы имеем дело с подлинной гениальностью, которая выражает сущность человека. Гениальному художнику, художнику слова, в том числе, не нужны правила, нормы и законы, он сам себе закон, который стихийно устанавливается в нем. «Истинный художник-творец создает новые миры; в этом смысле его дело богоподобно, – заключают авторы монографии. – И люди, приобщенные к настоящему искусству, выходят, пусть временно, в пространство другого, образного мира, где открывается тайный смысл бытия и вычерчиваются желанные горизонты и возможности, присущие земному сознанию [1, с. 574].

Указанное издание адресовано преподавателям и учащейся молодежи, а также тем, для кого русское слово есть подлинное достояние российской и мировой культуры. И мы надеемся, что ее прочтение сделает любовь авторов к русской словесности всеобщей.

Список литературы

1. *Неженец Н. И., Неженец И. Н.* Очерки русской литературы XIX–XX вв.: монография. Москва: МГИК, 2023. 578 с.
2. *Неженец Н. И.* Русская народно-классическая поэзия. Москва: Раритет. 2007. 544 с.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность. Т. 1. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Москва: Мысль, 1993. 663 с.

*

Поступила в редакцию 25.11.2023

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

Журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

с 01.02.2022 года

- 5.7.3. Эстетика (философские науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

с 21.02.2023 года

- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),
- 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология),
- 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (педагогические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (исторические науки),
- 5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (культурология)

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.

2. Объем статьи составляет не менее 20000 и не более 40000 знаков, включая пробелы.

3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 8 и не более 30. References не требуются.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);

б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках, как в загранпаспорте или водительских правах; ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес.

в) Обязательным является указание на УДК, грант или госзадание.

5. Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru

а) Все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

б) До рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75 %. Цитаты занимают не более 20 процентов текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 процентов текста в форме пересказа со ссылкой на источник).

в) Ответственность за содержание публикаций несут авторы. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высылается автору после принятия редколлегией решения о публикации рукописи.

г) Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящимися на рассмотрении в других изданиях.

При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т. е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 N 2124–1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов. От авторов, предлагающих свои материалы к публикации в журнале, редакция ожидает соблюдения следующих принципов:

- оригинальность исследования;
- предоставление достоверных результатов проделанной работы, отсутствие ложных утверждений и ошибочных данных;
- объективное обсуждение значимости исследования;
- недопустимость личных и пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других исследователей;
- получение разрешения на использование (воспроизведение) чужих материалов, таблиц, изображений и обязательное указание автора этих материалов и/или владельца авторских прав на эти материалы;
- представление информации из конфиденциальных источников только с их разрешения;
- представление в качестве соавторов всех участников, внесших существенный вклад в исследование и написание статьи; одобрение окончательной версии работы всеми соавторами и их полное согласие с представлением её к публикации;
- выражение благодарности другим коллегам, не являющимися авторами данной статьи, но повлиявшими на её создание;
- раскрытие потенциальных конфликтов интересов (предоставление информации о работе по найму, консультировании, наличии акционерной собственности, получении гонораров, предоставлении экспертных заключений, патентной заявки или документа о регистрации патента);
- чёткое указание в тексте рукописи сведений о полученных грантах, других источниках финансирования исследования, обо всех других формах поддержки, т. е. фактах, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- незамедлительное сообщение об обнаружении существенных ошибок или неточностей в публикации и взаимодействие с редактором с целью скорейшего исправления ошибок или изъятия публикации, своевременное исправление ошибок и неточностей, выявленных рецензентом или редактором.

Научный журнал «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств» приглашает к продуктивному сотрудничеству!